

С. Н. Корусенко

**ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ТАРСКОГО ПРИИРТЬШЬЯ
В XVIII–XX ВЕКАХ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ОМСКИЙ ФИЛИАЛ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

С. Н. Корусенко

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ
В XVIII–XX ВЕКАХ

Омск
2006

ББК 63.5

К 66

*Утверждено к печати
Омским филиалом Института археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН*

Корусенко С. Н.

К 66 Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках / С. Н. Корусенко; Отв. ред. А. В. Ремнев, Н. А. Томилов. – Омск: ООО «Издательский дом “Наука”», 2006. – 218 с.

Книга посвящена исследованию этнической истории одной из этнотерриториальных групп тоболо-иртышских татар – тарских. На основе архивных источников и собранных в ходе многочисленных экспедиций полевых материалов, прежде всего родословных, раскрываются специфика, факторы и механизмы формирования тарских татар, исследуется этнический и пофамильный состав населения на протяжении трех веков. Проведено совмещение родословных с материалами переписей населения последней четверти XVIII–XIX вв., на основании чего составлены генеалогические схемы.

Предназначена для этнографов, историков, археологов, краеведов и всех интересующихся проблемами социальной и этнической истории и культуры народов Сибири.

ББК 63.5

Рецензенты:
кандидаты исторических наук
М. Л. Бережнова,
Н. В. Кулешова,
Т. Б. Смирнова

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», гранта РФФИ 05–06–80470а.

ISBN 5–98806–108–x

© С. Н. Корусенко, 2006

© Омский филиал Института археологии
и этнографии СО РАН, 2006

ВВЕДЕНИЕ

Исследование процессов этнической истории и межэтнических связей имеет большую общественную актуальность в условиях динамичного развития современной России. Исследования по этой теме должны способствовать гармонизации межэтнических отношений, дальнейшему этнокультурному развитию народов и обогащению в целом культурного наследия России.

Этносоциальные процессы у татар России развиваются в русле общемировых тенденций, которые, с одной стороны, характеризуются интеграционной направленностью, активизацией межэтнических контактов, а с другой – усилением этнического самосознания и стремлением к национальной самобытности. То, каким образом сочетаются эти тенденции, зависит от конкретных условий существования этнической общности, и в первую очередь от политических, демографических и социальных факторов. Именно с ними связаны тенденции этнического развития, этнические интересы людей, их этническая мобилизация, степень осознания и проявления этнической идентичности.

Полемика вокруг различных сюжетов, связанных с проведением первой постсоветской переписи в России, показала насколько остро стоит так называемая «татарская проблема» и, соответственно, связанная с ней проблема сибирских татар¹. Данная проблема обусловлена событиями 1990-х – начала 2000-х гг.: во-первых, ростом национального и этнического самосознания населения России в целом; во-вторых, возросшей в период подготовки и проведения переписи 2002 г. активности ученых и политических деятелей Республики Татарстан (РТ), выступивших против разделения татар на различные этносы (кряшены, сибирские татары, астраханские татары и т. д.). Подготовленный Институтом этнологии и антропологии РАН «Перечень национальностей для разработки материалов Всероссийской переписи населения 2002 г.» вызвал бурную дискуссию в СМИ Татарстана². Для представителей власти РТ «татары – некогда единое и самое многочисленное после русских этническое сообщество»³. Позиция научного сообщества Республики Татарстан отражена в многочисленных публикациях последнего десятилетия⁴. В них критикуется подход Ф. Т. Валеева, С. М. Исхаковой, Н. А. Томилова и других сибиреведов, чьи исследования по сибирским татарам стали появляться еще с 1960-х гг.

Хорошо известно, что в России татарами именовали весьма различные и часто не связанные по своему происхождению группы населения в самых разных регионах страны. Ядро этой мозаичной категории состояло из двух компонентов – тюркоязычности и исламского вероисповедания⁵. Однако, как отмечает С. В. Соколовский, исключений было довольно много: «Часть таких “татарских”» групп в Сибири, как, например, кузнецкие (абинские, кондомские и мрасские), черневые, мелецкие (мелесские) или чулымские татары, хотя и были тюркоязычными, но никогда не были мусульманами, в то время как, например, агрыжанские татары (известные также как одна из групп «татар трех дворов»), слившиеся позднее с юртовскими татарами, были по вероисповеданию индуистами, выходцами из Пакистана, а гилянские татары, также слившиеся позднее с юртовцами, были татарами-христианами»⁶ и т. п. Соколовский отмечает, что «утверждение этнонима “татары” в качестве официального сыграло важную роль в консолидации волго-уральских татар. В середине 1920-х гг. многие группы числились как самостоятельные “народности”. Перепись 1926 г. фиксировала мишарей, теспярей, нагайбаков и некоторые другие тюркоязычные общности в качестве самостоятельных категорий учета. Впоследствии мишари, нагайбаки, теспяри, а также барабинцы, бухарцы и другие группы сибирских татар были включены в единую переписную категорию “татары”»⁷. И далее автор пишет, что существуют сомнения относительно консолидации этих общностей, «... поскольку сегодня представители многих из них сохраняют сознание самостоятельности и отдельно-

сти, отчетливого своеобразия, выражающегося в осознании своих отличий от прочих тюркоязычных сообществ, официально именуемых “татарами”»⁸.

В условиях начавшихся в стране демократических преобразований и политических реформ, в особенности в конце 1980-х – начале 1990-х гг., среди коренных сибирских татар наблюдается рост национального самосознания, живой интерес к своему происхождению, истории развития своей культуры и родного языка, к деятелям науки и культуры из сибирских татар, оставившим заметный след в истории своего народа. Стремление к возрождению своей национальной культуры, языка и государственности постепенно приобрело характер национального движения. Особенно активно проходил этот процесс в Тюменском регионе, где проживает наибольшее количество западносибирских татар. В 1988 г. в Тюменской области был создан Комитет по возрождению сибирских татар во главе с поэтом Булатом Сулеймановым. В 1988–1989 гг. и позднее на страницах периодической печати на русском и татарском языках были опубликованы статьи, посвященные различным аспектам возрождения этого народа. Написанные эмоционально, эти статьи иногда страдали излишней категоричностью суждений. Но главное в них – это призыв сибирских татар к активным действиям, направленным на возрождение своей национальной культуры, родного языка и, в конечном счете, – на сохранение себя как самостоятельной этнической общности.

В 1990-е гг. в Западной Сибири стали возникать коллективы татарской художественной самодеятельности, началось национальное вещание на радио, телевидении (на татарском языке), были организованы центры национальной культуры.

Важным событием в политической жизни явился первый учредительный съезд Ассоциации татар Тюменской области, состоявшийся 14–15 декабря 1990 г. в Тюмени. На съезде были приняты Программа, Устав Ассоциации и избраны ее руководящие органы. В программе Ассоциации отмечается, что Сибирь является исторической родиной, единственным местом в мире, где могут сохраниться и развиваться как этнос сибирские татары, их язык и культура. Поэтому одной из первоочередных задач Ассоциации должно быть законодательное признание на государственном уровне статуса коренной национальности для сибирских татар. В качестве гарантии национального самоопределения коренных сибирских татар необходимо создание местных автономий в форме национальных районов или национальных сельских советов.

Принятие в 1996 г. федерального закона «О национально-культурной автономии» позволило создать в каждой области Западной Сибири, где проживают татары, национально-культурные автономии разного уровня (региональные, городские). Процесс образования данных автономий способствовал дальнейшему развитию культуры и языка татар Западной Сибири.

В настоящее время татарское население данного региона является многокомпонентным по своему этническому составу, что характерно для большинства этнических образований Сибири, сложившихся в результате многочисленных миграций населения в этом регионе (как внутренних, так и внешних). Основу тюркоязычного населения Западной Сибири в настоящий момент по-прежнему составляют потомки тех родоплеменных групп тюрков, которые были расселены на территории Западной Сибири до прихода русских. В составе этого населения выделяются также потомки поволжско-приуральских татар и бухарцев, речь о которых пойдет в основной части исследования.

Коренные сибирские татары проживают в основном в сельских районах Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской областей, а также в Тюмени, Тобольске, Таре и других городах Западной Сибири. По переписи населения 1926 г., коренных сибирских татар насчитывалось 90 тыс., а всех татар Западно-Сибирской равнины (т. е. включая поволжско-приуральских переселенцев и их потомков) – 118,3 тыс. чел. Но после этой переписи в официальных государственных статистических документах СССР перестали сообщать данные о численности коренных сибирских татар, они «исчезли» из этих документов так же, как многие другие малочисленные национальные группы. В 1959 г. здесь жили 147,1 тыс. татар, из них 110 тыс. – сибирских. В 1970 г. соотношение этих групп было 191,2 тыс. и 143 тыс.; в 1979 г. – 208 тыс. и 156 тыс.; в 1989 г. – 225 тыс. и 170 тыс. чел. В 1992 г. всех татар в этом регионе насчитывалось около 240 тыс., сибирские татары составляли среди них около 180 тыс. чел. Всего же в

России, Казахстане, Средней Азии в начале 90-х гг. XX в. проживало примерно 200 тыс. сибирских татар. Часть из них живет в Турции⁹.

По переписи 2002 г. в Западной Сибири зафиксировано более 500 тыс. татар (как сельских, так и городских), проживающих в Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областях, а также в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. К сибирским татарам отнесли себя чуть более 8 тыс. чел., большинство из них проживают в Тюменской области¹⁰. На самом деле сибирских татар гораздо больше, но многие записались татарами, что связано с определенными политическими моментами в ходе проведения переписи.

Этнографическим изучением сибирских татар исследователи стали заниматься лишь со второй половины XX в. Однако записи путешественников, изыскания историков, лингвистов XVII – начала XX вв. содержат важные сведения о расселении, занятиях, быте и культуре татарского населения Сибири. Историографические обобщения по этому периоду содержатся в трудах Т. Б. Батуевой, Э. П. Зиннера, З. Д. Титовой, Г. Х. ЭлERTA и др.¹¹.

До настоящего времени существует только одна специальная работа по историографии сибирских татар – статья Н. А. Томилова «Вопросы этнического развития сибирских татар в дореволюционной и советской литературе»¹². Ученый выделил два периода в изучении этнографии сибирских татар – дореволюционный и советский. С точки зрения автора, до революции:

- сибирские татары почти не представляли интереса для исследователей, т. е. практически не изучались;
- одной из важных была проблема выделения групп сибирско-татарского населения;
- фактически не рассматривались вопросы этнического развития;
- интересовал процесс смешения местных групп сибирских татар с пришлыми татарами Поволжья и Приуралья и бухарцами;
- значимым был вопрос о влиянии русского населения на сибирских татар, фиксировались процессы сближения этих групп, а подчас и ассимиляция русскими части татар.

Н. А. Томилов делает вывод о том, что, «несмотря на целый ряд ценных наблюдений и выводов, дореволюционные авторы выдвинули и ряд положений, связанных, видимо, с поверхностным знакомством с группами сибирских татар, почти полным отсутствием обобщающих трудов по этнографии этих групп... В некоторых работах с сибирскими татарами продолжали отождествляться тюркские группы и народности Сибири, не принадлежавшие к данной этнической общности. Явно преувеличена была степень языкового и культурного сближения сибирских татар с поволжскими и приуральскими, а это привело к отрицанию наличия этнографической специфики сибирских татар в области культуры и быта. С другой стороны, предубеждение в отношении своеобразия сибирских татар в этническом плане исходило и от ученых, не видевших их отличия от русского населения»¹³.

Учитывая, что статья Н. А. Томилова была опубликована в 1978 г., понятно, что советский период изучения этнографии сибирских татар рассматривается до этого времени. Фактически этот период начинается с 1940–1950-х гг., с появления первых работ В. В. Храмовой¹⁴. До этого, в 1920–1930-е гг., вышло только 3 статьи, посвященные томским, тобольским, тюменским татарам и чулымским тюркам¹⁵. Томилов перечисляет те вопросы, которые рассматривались в трудах отечественных ученых 1950–1970-х гг.:

- выделение этнолингвистических групп сибирских татар, т. е. этнолингвистическая классификация;
- консолидация тюрков средней части Западной Сибири в народность сибирских татар;
- процессы переселения поволжско-приуральских татар и смешение их с сибирскими татарами;
- сближение сибирских татар с русскими и влияние этого процесса на язык, культуру и быт сибирских татар.

В заключение исследователь делает вывод о значительном шаге вперед в историческом, лингвистическом и этнографическом изучении западносибирских татар, отмечает, что были «достигнуты определенные результаты в области классификации групп по лингвистическим и

этническим признакам, хотя единого подхода среди ученых здесь еще не выработалось. Сделан ряд интересных наблюдений и выводов относительно языковых и этнокультурных процессов, протекавших у сибирских татар в прошлом и имеющих место в наши дни»¹⁶. В то же время автор статьи обнаружил «неясность и неразработанность некоторых проблем, связанных с этническими процессами среди сибирских татар». Видимо, из дореволюционной литературы, продолжает размышлять Н. А. Томилов, «проникли в работы некоторых советских ученых тенденции преувеличения близости культуры и быта сибирских и казанских татар и отрицания отличительных черт сибирских татар в этих сферах от окружающего русского населения. И это несмотря на то, что в советский период были сделаны попытки выявления своеобразия этнокультурного облика западносибирских татар. В значительной мере это происходит потому, что вплоть до настоящего времени сибирские татары остаются в этнографическом плане наименее изученными из всех народов Сибири и не имеют своего монографического описания»¹⁷.

Первые монографические работы, посвященные сибирским татарам, вышли только в конце 1970-х – 1980-е гг.¹⁸. В конце XX – начале XXI вв. появляется ряд монографий прежде всего омских ученых по этнической истории и культуре сибирских татар¹⁹. В области лингвистики заметную роль играют работы Х. Ч. Алишиной (представитель сибирской этнографии) и Д. Г. Тумашевой (представитель казанской этнографии)²⁰. В плане отстаивания тезиса о языке сибирских татар как самостоятельном важны работы С. М. Исхаковой²¹.

Рассмотрим подробнее исследования, в которых ставятся вопросы этнического развития сибирских татар. Первые монографии принадлежат перу Ф. Т. Валеева. Как отметил Н. А. Томилов, «этот ученый первым в этнографии вышел на фундаментального уровня монографическое изучение самого многочисленного коренного народа Западной Сибири»²². В своих работах Ф. Т. Валеев достаточно глубоко исследовал этнокультурную историю сибирских татар на примере их самой крупной группировки – тоболо-иртышских татар, включающей пять этнических групп (проживают в Омской, Тюменской и частично Свердловской областях). Для исследования был выбран период наиболее бурного развития капитализма в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX вв.), когда происходили изменения в культуре в связи со значительными миграциями татар из Европейской России и в то же время сохранялся комплекс основных культурных традиций сибирских татар. Серьезным представляется вклад Ф. Т. Валеева в изучение этногенеза тоболо-иртышских татар. И хотя данная проблема не может и сегодня считаться решенной до конца, все же вопросы о роли кыпчакского и алтайского компонентов в составе сибирских татар благодаря его исследованиям в какой-то степени можно считать изученными.

Наибольшее внимание в своих работах Валеев уделил типологическому и сравнительно-генетическому исследованию хозяйственных занятий, материальной и духовной культуры, семейной обрядности, общественному быту тоболо-иртышских татар. Ему удалось выявить общие черты в культуре разных групп сибирских татар, отметить многие особенности в этнокультурном облике отдельных этнических и этнографических групп, выделить этнокультурные компоненты. Это позволило значительно углубить изучение этнической истории сибирских татар, выявить их разнообразные этногенетические и историко-культурные связи со многими народами нашей и соседних стран.

Таким образом, вклад Ф. Т. Валеева в изучение этнографии сибирских татар несомненен. Основные его выводы относительно классификации групп сибирских татар и в целом оценки сибирских татар как этнической общности сводятся к следующему: 1) «западносибирские татары в литературе именуется в зависимости от их постоянного места жительства тюменскими, тобольскими, тарскими, томскими, барабинскими и т. д. Татары, обитающие по рекам Иртышу и Тоболу, также носят название тоболо-иртышских. Сами себя они называют, сохраняя территориальные названия: тубылык (тобольские), тарылык (тарские) и т. д.»²³. Более дробные подразделения ведут свое происхождение от родоплеменных групп: тарские делились на аялы, туралы, курдак, сарт, тобольские – на курдак, тутус, яскалбы, нанга и т. д. Я сознательно не привожу здесь всю классификацию групп сибирских татар, т. к. Валеев специально не занимался этим вопросом, да и классификация его была устаревшей, основанной на разработках лин-

гвистов конца XIX – начала XX вв. К тому же основные интересы этого исследователя лежали в области изучения этнографии только тоболо-иртышской группы сибирских татар.

«Учитывая отсутствие в изучаемый период (конец XIX – начало XX вв. – С. К.) общности территории между сибирскими и поволжскими татарами, относительную слабость экономических связей, значительное расхождение в области языка», Ф. Т. Валеев сомневался в «консолидации сибирских татар вокруг татарской буржуазной нации, формировавшейся в Поволжье...»²⁴, хотя признавал, что татары Поволжья, как один из крупных компонентов, образовавших западносибирских татар, сыграли и продолжают играть большую роль в этнических процессах среди них. Автор отметил, что еще в конце XIX в. начался процесс активного сближения татар Поволжья с сибирскими татарами в различных сферах материальной и духовной культуры.

К тому времени, когда Ф. Т. Валеев опубликовал одну из первых монографий по сибирским татарам, появились работы другого этнографа-сибироведа, уже свыше 40 лет занимающегося этнографией сибирских татар, – Н. А. Томилова²⁵, отразившие представления этого ученого об этнической общности сибирских татар. Валеев не согласен с Томиловым в том, что «сибирские татары до революции так и не сложились в единый этнос и представляли собой лишь весьма слабо интегрированную этническую общность»²⁶. Томилов считает, что и в послереволюционный период западносибирские татары не смогли оформиться в народность. Более того, «широкая территориальная расселенность сибирских татар, усилившаяся в советский период, процессы межэтнического сближения (особенно с поволжскими татарами, русскими) обусловили многие особенности этнических процессов в разных этнографических группах, не привели к упрочению внутренних связей между ними и практически свели на нет значимость процессов внутренней консолидации сибирских татар в настоящем и будущем»²⁷. Валеев отмечает, что с такой трактовкой этого вопроса трудно согласиться, ибо «она не дает ответа на вопрос о том, что из себя представляли западносибирские татары как этническая общность в конце XIX в. и в настоящее время»²⁸. Ф. Т. Валеев стоит на позиции стадияльно-исторической классификации этносов. С его точки зрения, «народность характеризуется такими этническими признаками, как общность языка, культурно-бытовая специфика, этническое самосознание. Однако все указанные признаки народности отличаются незавершенностью развития. Например, языки народностей характеризуются диалектными различиями, культура – локальными вариантами, а этническое самосознание – своей двойственностью: в нем сочетается название народности с наименованием локальных («земляческих») групп и т. д.». Все названные признаки народности, по мнению ученого, «приложимы и к западносибирским татарам, в особенности к татарам тоболо-иртышской группы»²⁹.

Валеев считает, что процесс формирования западносибирских татар в народность начался в период Сибирского ханства и продолжился в составе Русского централизованного государства, оформление же западносибирских татар в татарскую буржуазную народность (он отличает ее от татарской буржуазной нации поволжских татар) произошло в конце XIX – начале XX вв. Таким образом, этот исследователь рассматривает сибирских татар как самостоятельную этническую общность.

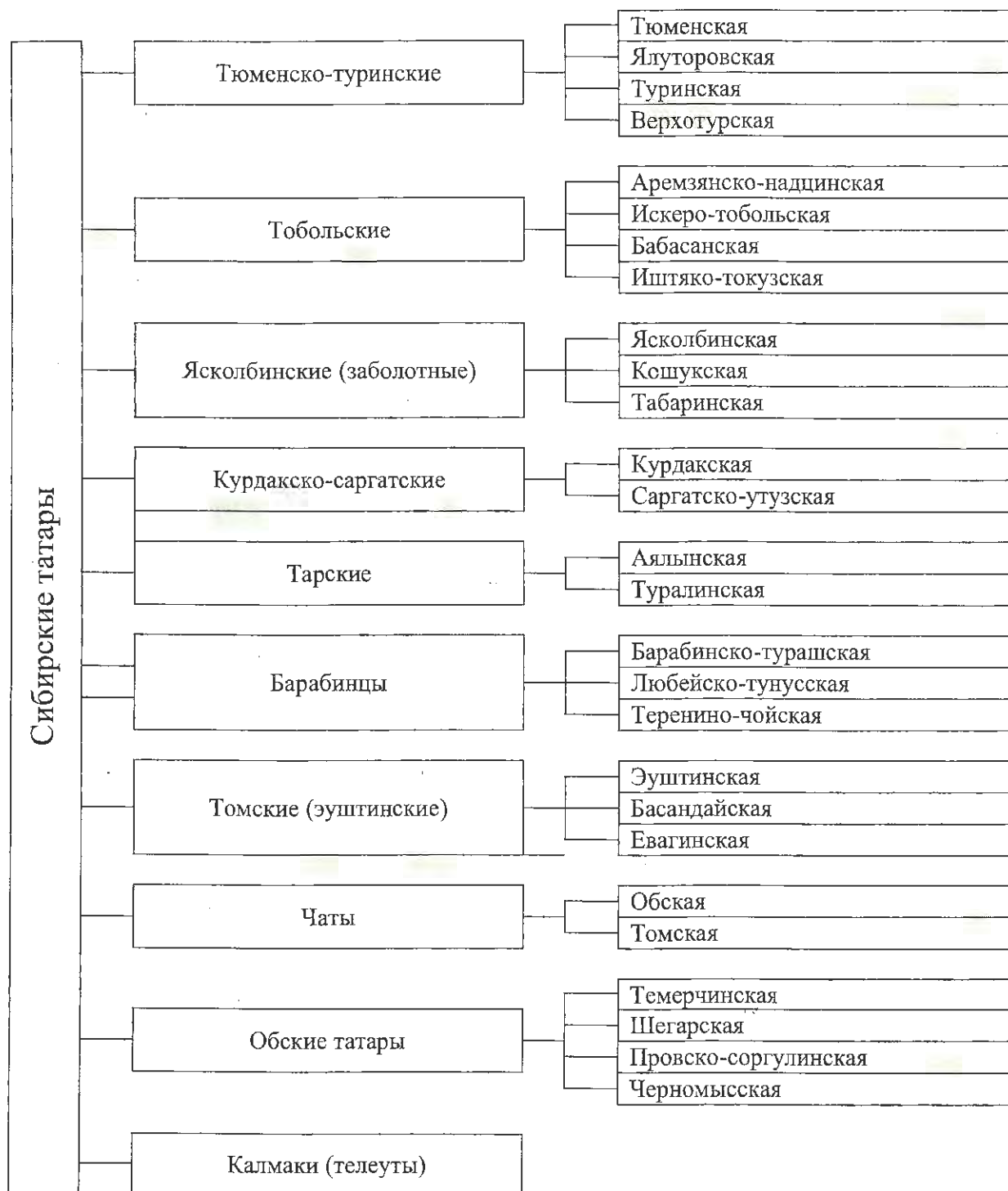
Данное мнение отражено и в многочисленных работах Н. А. Томилова. В 1980-е – начале 1990-х гг. появляется ряд его монографических работ³⁰, в некоторых этническая история – основная цель исследования, в других – вопросы этнической истории рассматриваются в контексте изучения культуры сибирских татар.

Одним из наиболее значительных достижений ученого стала классификация территориально-этнических и локальных групп сибирских татар (схема 1), основанная на последних разработках лингвистов, изучении этнических компонентов, вошедших в состав разных групп сибирских татар, и исследовании их культуры. Помимо этого, серьезное внимание было уделено Томиловым изучению этнического развития сибирских татар, составляющих на территории Западной Сибири большинство тюркского населения, а именно рассмотрению уровня социально-экономического развития, системы социальных и территориально-хозяйственных связей, этнокультурных и этноязыковых процессов, изменений в этническом самосознании на протяжении XVI – начала XX вв.

Этнические и локальные группы сибирских татар

Территориально-этнические
группы сибирских татар

Локальные группы
этнографического характера

Составлено по: Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск, 1981. – С. 246–247.

Позиция Н. А. Томилова относительно общности сибирских татар в работах конца 1970-х гг. заключалась в следующем. Развитие этнических процессов среди сибирских татар до революции проходило в нескольких направлениях: консолидация тюркоязычного населения средней части Западной Сибири в крупные территориально-этнические группы, частичная консолидация этих групп в более широкую этническую общность сибирских татар, сближение сибирских татар с пришлыми поволжско-приуральскими татарами, а также с окружающим русским населением³¹. Формирование крупных групп барабинских и тоболо-иртышских (с подразделениями на тобольских, тюменских, тарских, заболотных, тевризских, ялуторовских) татар в основном завершилось в рамках Русского централизованного государства в XVIII-XIX вв. В томской группе вплоть до революции сохранялась некоторая обособленность калмаков (потомков телеутов), хотя основная часть их уже причисляла себя к томским татарам.

По мнению Томилова, связи, существовавшие между разными группами сибирских татар, «распространение единой религии – мусульманства (обособившего их от окружающего русского населения) способствовали постепенному нивелированию языковых и культурно-бытовых различий. Определенное нивелирующее влияние на язык и народный быт сибирских татар оказали бухарцы, поволжские татары, а также русские. Все же, несмотря на эти моменты, сибирские татары до революции так и не сложились в единый этнос и представляли собой лишь весьма слабо интегрированную общность»³². В советское время направления развития этнических процессов среди сибирских татар оставались прежними, но они получили разную степень интенсивности. В этот период углубилась консолидация в группе томских татар, в которую вошли разные этнические компоненты (эуштинцы, чаты, калмаки, бухарцы, часть пришлых поволжских татар).

Н. А. Томилов относительно дальнейшего развития этнических процессов отмечал, что «в первые десятилетия советской власти сохранялась лишь частичная тенденция консолидации сибирских татар в единую этническую общность – сближались диалекты, сглаживались культурно-бытовые различия групп сибирских татар, вытеснялись локальные этнонимы и шире распространялось самоназвание «сибирские татары». Именно в этот период окончательно завершился процесс вхождения в состав разных групп западносибирских татар бухарцев.

С другой стороны, широкая территориальная расселенность сибирских татар, усилившиеся в советский период процессы межэтнического сближения (особенно с поволжскими татарами, русскими) обусловили многие особенности этнических процессов в разных этнографических группах, не привели к упрочению внутренних связей между ними и практически свели на нет значимость процессов внутренней консолидации сибирских татар в настоящем и будущем»³³.

Исследователь считает, что процесс сближения сибирских татар с поволжско-приуральскими интенсифицировался в годы советской власти в основном за счет усиления языкового (через литературный татарский язык) влияния и связанного с ним культурного воздействия татарской нации. Массовые переселения татар из европейской части страны в первое десятилетие после революции, разрушение старых социально-экономических перегородок в стране усилили процессы слияния этих двух групп на территории Западной Сибири. Но и эти процессы на данном этапе не завершились, что нашло свое отражение в языковом своеобразии, специфике культуры и быта, этническом самосознании сибирских татар. Одним из важных результатов сближения сибирских татар с поволжско-приуральскими, по мнению Н.А. Томилова, явилось то, что сибирские татары в настоящее время образуют особую региональную общность, входящую в целом в татарскую этническую общность на этнолингвистическом уровне³⁴.

При более детальном исследовании этнического развития и этнических компонентов, вошедших в состав сибирских татар, Н. А. Томилов пришел к несколько иным выводам. В более поздних работах ученый утверждает, что в результате этнического взаимодействия сибирских и поволжско-приуральских татар в конце XIX и начале XX вв. сибирские татары представляли собой общую для татар Поволжья, Приуралья и Сибири метаэтническую общность, но единого татарского народа не образовалось.

В результате этнического взаимодействия выходцев из Средней Азии между собой и с сибирскими татарами в Сибири сформировались новые этнические группы, названные сибирскими бухарцами, которые постепенно сливались с сибирскими татарами и также влились в эту метаэтническую общность.

По мнению Н. А. Томилова, сибирские татары в настоящее время состоят из нескольких разрозненных этнических групп – томских, барабинских и тоболо-иртышских татар. Их консолидация в единый этнос не завершилась. Они представляют собой, скорее всего, не вполне сформировавшуюся этническую общность, близкую, но не адекватную народности. Процессы сближения и частичного смешения сибирских татар с поволжско-приуральскими, особенно интенсивно развивавшиеся с первых десятилетий советской власти, способствовали тому, что «в настоящее время сибирские татары входят в татарскую этническую общность, видимо, как особая региональная этническая общность более дробного порядка. И все же сибирские татары в большинстве этнических компонентов сохраняют этническое своеобразие <...> Пришлые поволжско-приуральские татары и их потомки образуют в Западной Сибири несколько групп. Частично они смешиваются с сибирскими татарами в районах их расселения. Наши полевые материалы показывают, что большая часть детей из таких смешанных семей считает себя коренными сибирскими татарами. Но в целом у поволжско-приуральских татар и сибирских татар Западной Сибири укрепилось обозначение себя просто татарами, что свидетельствует о развитии процесса трансформации их метаэтнической общности в общетатарский этникос»³⁵.

Во второй половине 1990-х гг. появились работы по этнографии сибирских татар представителя казанской этнографической школы Д. М. Исхакова. В основном это статьи по раннему этапу этнической истории сибирских татар. Свою концепцию относительно этнической общности сибирских татар ученый изложил в фундаментальном труде «Татары», представляющем собой коллективную монографию – очередной том серии «Народы и культуры» (серия основана в 1992 г.), издаваемой Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН в рамках долговременного исследовательского проекта совместно с научными центрами Российской Федерации и других государств бывшего СССР. В этой работе Исхаковым были подготовлены первый раздел первой части – «Татарская этническая общность», полностью вторая часть – «Этническая и политическая история татар» (начиная с VI в. и заканчивая XX в.), а также глава 19 последнего раздела – «Татарское национальное движение 1980–1990-х гг.».

Д. М. Исхаков ставит вопрос об этнической консолидации татар на этапе нациеобразования. Основной его вывод сводится к тому, что в XVIII – начале XX вв., на стадии становления татарской нации, одним из главных направлений этнических процессов, происходивших среди татар в России, являлась общенациональная консолидация, в которую были вовлечены волго-уральские, астраханские и сибирские татары. Ведущее положение в формировавшейся при этом общности национального типа в силу своей многочисленности и культурной продвинутости заняли татары Волго-Уральского региона, образовавшие ядро татарской нации. Но консолидацию этих трех этнотерриториальных групп татар (волго-уральских, сибирских и астраханских) ученый понимает не как вхождение последних двух групп в этнический состав первых – хотя взаимное этническое смешение, причем значительное, представителей ядра с периферийными общностями происходило. Процесс сближения, по мнению Исхакова, скорее протекал путем некоторой интеграции всех трех перечисленных этнических образований в новую, более широкую этнонацию.

Приводя разные точки зрения на структуру татарской этнической общности в целом, рассматривая существующую ранее классификацию по географическому принципу, подходы исследований к сибирским и астраханским татарам как особым этносам, Д. М. Исхаков предложил свою структуру татарской этнической общности (схема 2)*.

*Более дробные подразделения сибирских (а также астраханских) татар приведены Д. М. Исхаковым в соответствующих разделах текста главы, посвященной рассмотрению структуры этнической общности татар.

В результате этнического взаимодействия выходцев из Средней Азии между собой и с сибирскими татарами в Сибири сформировались новые этнические группы, названные сибирскими бухарцами, которые постепенно сливались с сибирскими татарами и также влились в эту метаятническую общность.

По мнению Н. А. Томилова, сибирские татары в настоящее время состоят из нескольких разрозненных этнических групп – томских, барабинских и тоболо-иртышских татар. Их консолидация в единый этнос не завершилась. Они представляют собой, скорее всего, не вполне сформировавшуюся этническую общность, близкую, но не адекватную народности. Процессы сближения и частичного смешения сибирских татар с поволжско-приуральскими, особенно интенсивно развивавшиеся с первых десятилетий советской власти, способствовали тому, что «в настоящее время сибирские татары входят в татарскую этническую общность, видимо, как особая региональная этническая общность более дробного порядка. И все же сибирские татары в большинстве этнических компонентов сохраняют этническое своеобразие <...> Пришлые поволжско-приуральские татары и их потомки образуют в Западной Сибири несколько групп. Частично они смешиваются с сибирскими татарами в районах их расселения. Наши полевые материалы показывают, что большая часть детей из таких смешанных семей считает себя коренными сибирскими татарами. Но в целом у поволжско-приуральских татар и сибирских татар Западной Сибири укрепилось обозначение себя просто татарами, что свидетельствует о развитии процесса трансформации их метаятнической общности в общетатарский этникос»³⁵.

Во второй половине 1990-х гг. появились работы по этнографии сибирских татар представителя казанской этнографической школы Д. М. Исхакова. В основном это статьи по раннему этапу этнической истории сибирских татар. Свою концепцию относительно этнической общности сибирских татар ученый изложил в фундаментальном труде «Татары», представляющем собой коллективную монографию – очередной том серии «Народы и культуры» (серия основана в 1992 г.), издаваемой Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН в рамках долговременного исследовательского проекта совместно с научными центрами Российской Федерации и других государств бывшего СССР. В этой работе Исхаковым были подготовлены первый раздел первой части – «Татарская этническая общность», полностью вторая часть – «Этническая и политическая история татар» (начиная с VI в. и заканчивая XX в.), а также глава 19 последнего раздела – «Татарское национальное движение 1980–1990-х гг.».

Д. М. Исхаков ставит вопрос об этнической консолидации татар на этапе нациеобразования. Основной его вывод сводится к тому, что в XVIII – начале XX вв., на стадии становления татарской нации, одним из главных направлений этнических процессов, происходивших среди татар в России, являлась общенациональная консолидация, в которую были вовлечены волго-уральские, астраханские и сибирские татары. Ведущее положение в формировавшейся при этом общности национального типа в силу своей многочисленности и культурной продвинутости заняли татары Волго-Уральского региона, образовавшие ядро татарской нации. Но консолидацию этих трех этнотерриториальных групп татар (волго-уральских, сибирских и астраханских) ученый понимает не как вхождение последних двух групп в этнический состав первых – хотя взаимное этническое смешение, причем значительное, представителей ядра с периферийными общностями происходило. Процесс сближения, по мнению Исхакова, скорее протекал путем некоторой интеграции всех трех перечисленных этнических образований в новую, более широкую этнонацию.

Приводя разные точки зрения на структуру татарской этнической общности в целом, рассматривая существующую ранее классификацию по географическому принципу, подходы исследований к сибирским и астраханским татарам как особым этносам, Д. М. Исхаков предложил свою структуру татарской этнической общности (схема 2)*.

*Более дробные подразделения сибирских (а также астраханских) татар приведены Д. М. Исхаковым в соответствующих разделах текста главы, посвященной рассмотрению структуры этнической общности татар.

Структура татарской этнической общности

Татарская этническая общность			
Этносы		Этнические группы	
Крымские татары (крымско-татарская нация)	Татарская нация	Литовские татары	Буджакские татары
Этнотерриториальные группы			
Волго-уральские татары	Астраханские татары	Сибирские татары	
Субэтносы			Субконфессио- нальная общность
Казанские татары	Касимовские татары	Татары-мишари	Кряшены
Этнографические группы			
Казанские татары	Касимовские татары	Татары-мишари	Кряшены
Центральная	Белый аймак	Северная	Казанско- татарская
Тептяро- башкирская	Черный аймак	Южная	Елабужская
Юго-восточная	Черные зипуны	Лямбирская	Нагайбакская
Пермская	Бастанская	Приуральская	Молькеевская
Чепецкая			Чистопольская
Ичкинская			

Источник: Татары. – М., 2001. – С. 14.

Исследователь отметил, что относительно характера этнической общности сибирских татар средневекового и более позднего времени в литературе единого мнения так и не выработано, приведа точки зрения Ф. Т. Валеева и Н. А. Томилова, о которых мы писали ранее. Он считает, что существующие разногласия относительно уровня консолидации сибирских татар в разные исторические периоды сильно затрудняют решение вопроса о внутренней этнокультурной структуре данной общности. Ситуация усугубляется тем, что при неплохой изученности татар Западной Сибири их традиционная культура до сих пор не описана с использованием методов атласной картографии. Следовательно, иерархия этнографических образований сибирских татар на собственно культурологическом материале пока не может быть раскрыта в полной мере. Поэтому «варианты выявления таких групп, которые предлагаются в литературе, опираются в основном на исторические данные, что явно недостаточно. Но, учитывая со-

нальная консолидация, в которую были вовлечены волго-уральские, астраханские и сибирские татары. Ведущее положение в формировавшейся при этом общности национального типа заняли татары Волго-Уральского региона, образовавшие ядро татарской нации. Но консолидацию этих трех этнотерриториальных групп татар он понимает не как вхождение сибирских и астраханских татар в этнический состав волго-уральских (хотя взаимное этническое смешение, причем значительное, представителей ядра с периферийными общностями происходило), а скорее, как интеграцию всех трех перечисленных этнических образований в новую, более широкую этнонацию.

3. Позиция Н. А. Томилова (можно сказать, «независимого эксперта», изучающего этнографию сибирских татар извне) относительно общности сибирских татар менялась. В ранних работах, конца 1970-х гг., ученый утверждал, что развитие этнических процессов среди сибирских татар до революции проходило в нескольких направлениях: консолидация тюркоязычного населения средней части Западной Сибири в крупные территориально-этнические группы, частичная консолидация этих групп в более широкую этническую общность сибирских татар, сближение их с пришлыми поволжско-приуральскими татарами, а также с окружающим русским населением. Но сибирские татары до революции так и не сложились в единый этнос и представляли собой лишь весьма слабо интегрированную общность.

После революции процесс сближения сибирских татар с поволжско-приуральскими интенсифицировался за счет усиления языкового влияния и связанного с ним культурного воздействия татарской нации. Но и эти процессы не завершились, что нашло свое отражение в языковом своеобразии, специфике культуры и быта, этническом самосознании сибирских татар. Один из важных результатов сближения сибирских татар с поволжско-приуральскими заключается в том, что сибирские татары в настоящее время образуют особую региональную общность, входящую в целом в татарскую этническую общность на этнолингвистическом уровне.

Позже исследователь пришел к выводу о том, что в результате этнического взаимодействия сибирских и поволжско-приуральских татар в конце XIX – начале XX вв. сибирские татары представляли собой общую для татар Поволжья, Приуралья и Сибири метаэтническую общность, но единого татарского народа не образовалось. Процессы сближения и частичного смешения сибирских татар с поволжско-приуральскими, особенно интенсивно развивавшиеся с первых десятилетий советской власти, способствовали тому, что в настоящее время сибирские татары входят в татарскую этническую общность, видимо, как особая региональная этническая общность более дробного порядка. И все же сибирские татары в большинстве этнических компонентов сохраняют этническое своеобразие.

Все эти три подхода сформировались в рамках одной методологической концепции *п* примордиализма и прежде всего теории этноса Ю. В. Бромлея. Полярные (Ф. Т. Валева и Д. М. Исхакова) подходы в какой-то степени обусловлены их личными пристрастиями и обеспеченностью за судьбу «своего» этноса.

Несмотря на появление в последние десятилетия XX – начале XXI в. большого количества работ по истории и культуре татар Сибири, до настоящего времени в научных кругах единого мнения о характере этнической общности сибирских татар не выработано. Процесс исследования татарской этнической общности далек от завершения. Очевидно, что наметившиеся в последние десятилетия тенденции в изучении этногенеза, этнической истории, языка и культуры сибирских татар будут развиваться. И от того, насколько интенсивно и квалифицированно будут проводиться исследования этнографии сибирских татар, насколько объективную позицию будут занимать ученые, во многом зависит будущее этой самобытной этнической общности.

Такой подробный анализ основных подходов к оценке этнической общности сибирских татар, предпринятый автором, не случаен. В формировании разных территориально-этнических групп участвовали различные этнические компоненты, но, с одной стороны, существуют общие моменты и факторы, влиявшие на формирование и развитие этих групп, с другой стороны, в течение XX в. можно говорить о формировании единой региональной общности сибирских татар и регионального самосознания потомков различных групп тюркского населения, участвовавших в сложении современного тюркоязычного населения юга Западной Сиби-

ри – сибирских татар. В данной монографии представлены результаты исследования формирования и развития одной из групп тоболо-иртышских татар – *тарской территориально-этнической группы и ее локальных подразделений*. Основными темами в исследовании выступают анализ родословных, реконструкция генеалогий и выявление генетической преемственности современного тюркоязычного населения, исследование проблем этнического самосознания, процессов освоения и заселения Тарского Прииртышья на основе анализа преданий о возникновении поселений и архивных источников, выделение различных этнических компонентов в составе тарских татар.

Территориально работа ограничена Тарским Прииртышьем. Это понятие уже устоялось в сибиреведении и часто используется в работах отечественных историков³⁹. Под Тарским Прииртышьем понимают районы, прилегающие к р. Таре (правый приток Иртыша) и г. Таре. Сейчас они входят в Тарский, Большереченский и Муромцевский районы Омской области. Здесь сформировался единый историко-культурный район, потому что с момента появления Тары (1594 г.) именно отсюда осуществлялось управление этой территорией, которая тогда входила в Тарский уезд. Все проблемы, находившиеся в компетенции местных властей, решались в Таре. Местных жителей объединяло не только хозяйствование на одной земле, но и разнообразные связи. Группа тарских татар – тарылык – окончательно сформировалась лишь в начале XX в., именно поэтому как в названии, так и в работе используется понятие «тюркское население Тарского Прииртышья», а не «тарские татары».

Хронологически работа охватывает XVIII–XX вв., в то же время приводятся и более ранние сведения. Татары – аборигенный народ Тарского Прииртышья, но с конца XVI в., когда была построена Тара, в этих местах появились русские и местные власти развернули активную работу по «заведению» деревень, что привело к чересполосице в расселении тюркского и русского населения, возникновению новых поселений татар и окончательному переходу к оседлому образу жизни. В результате активных колонизационных процессов в этих местах к началу XVIII в. сложилась группа бухарцев и значительно увеличилось количество русских жителей. В рассматриваемые 300 лет укладываются сложные процессы прибытия, размещения и адаптации в этих местах новых групп населения, среди которых были выходцы из Средней Азии и поволжско-приуральские татары, а также поэтапная трансформация общества в целом, связанная с изменениями государственного устройства России и законодательства, что влияло на формирование современного этнокультурного облика татарского населения.

Так как основной задачей данного исследования является реконструкция генеалогий и анализ современных родословных, то эта книга прежде всего о людях, которые жили и которые живут сейчас. События, происходящие сегодня в нашем государстве, разбудили национальное и этническое самосознание каждого человека, что привело к росту интереса к проблемам изучения и осмысления родной истории и в частности – истории местной. Кто мы, откуда и зачем пришли на эту землю? Чтобы разобраться в этом, необходимо знать не только общую историю, но и историю своего родного края, пытаться постигнуть опыт дедов и прадедов, извлекая уроки из прошлого, обогащая себя их знаниями и мудростью мышления. История каждого села, каждого города связана с общим историческим процессом кровными узами. Проанализировать и понять события, происходившие на здешней земле, выявить их влияние на жизнь нынешнюю – значит и понять события всемирно-исторического процесса. Жизнь каждого человека впитала в себя и отражает сложившиеся нравственные и этические черты, основанные на местных условиях жизни и верованиях прародителей; но она отражает и глобальные процессы. Изучая местную историю, мы вникаем не только в прошлое, но и смотрим вперед, наблюдаем настоящее и живущих среди нас людей. Написав историю каждого населенного пункта, мы тем самым создадим энциклопедию жизни людей, которые жили на той земле, по которой мы ходим сегодня, – не абстрактную сводку из замогильных пределов, а живую картину непрерывного во времени человеческого духа и бытия в бесконечном их разнообразии и в то же время в общем единстве.

За время многолетних экспедиционных поездок к татарам я полюбила этот народ – добрый и гостеприимный. В каждой деревне, в которую я привозила отряд, насчитывавший иногда до 40 студентов Омского государственного университета, находились люди, которые по-

могали нам как в бытовом отношении (что очень важно для организации работы большой экспедиции), так и охотно делились своими знаниями, отличались увлеченностью историей своей малой родины.

Я не смогу перечислить здесь всех этих людей – их слишком много, но мне хочется сказать им: «Огромное спасибо».

Примечания:

¹ *Исхаков Д. М.* Взгляд на всероссийскую перепись из Татарстана // *Ab Imperio*. – 2002. – № 4. – С. 235–249; *Он же.* Перепись населения и судьба нации // *Татарстан*. – 2002. – № 3. – С. 18–23; *Соколовский С. В.* «Татарская проблема» во всероссийской переписи населения // *Ab Imperio*. – 2002. – № 4. – С. 207–234; и др.

² <http://www.tataroved.ru/publication/>

³ *На пути к переписи*. – М., 2003. – С. 424.

⁴ *Исхаков Д. М.* Татары. Краткая этническая история. – Казань, 2002; *Он же.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв.: Науч.-метод. пособие. – Казань, 2004; *Сибирские татары*. – Казань, 2002; *Файзрахманов Г. Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). – Казань, 2002; и др.

⁵ *Соколовский С. В.* «Татарская проблема» во всероссийской переписи населения // *Ab Imperio*. – 2002. – № 4. – С. 215.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 217.

⁸ Там же.

⁹ *Томилов Н. А.* Сибирские татары // *Земля сибирская, дальневосточная*. – 1992. – № 7/8. – С. 8.

¹⁰ <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>

¹¹ *Батуева Т. Б.* Народы Сибири в трудах западноевропейских исследователей XVII–XIX вв. – Улан-Удэ, 1995; *Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников XVIII в. – Иркутск, 1968; *Титова З. Д.* Источники XVIII в. на западноевропейских языках по изучению коренных народов Сибири и Северо-Востока: Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1989; *Элерт А. Х.* Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. – Новосибирск, 1999; *Он же.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск, 1990.

¹² *Томилов Н. А.* Вопросы этнического развития сибирских татар в дореволюционной и советской литературе // *Этнокультурные явления в Западной Сибири*. – Томск, 1978. – С. 131–149.

¹³ Там же. – С. 138.

¹⁴ *Храмова В. В.* Заболотные татары // *ИВГО*. – 1950. – Т. 82. – Вып. 2. – С. 174–183; *Она же.* Западносибирские татары // *Народы Сибири*. – М.; Л., 1956. – С. 473–491.

¹⁵ *Иванов П. Г.* Томские татары: (Материалы по обследованию томских карагасов летом 1927 г.) // *Тр. о-ва изучения Томского края*. – Вып. 1. Томск, 1927. – Вып. 1. – С. 92–104; *Он же.* Татары среднего течения реки Чулыма // *Тр. Том. краевого музея*. – Томск, 1929. – Т. 2. – С. 87–91; *Авдеев И. А., Струкова И. П.* Тобольские и тюменские татары (историко-этнографический очерк) // *Омская область*. – 1937. – № 3. – С. 66–73.

¹⁶ *Томилов Н. А.* Вопросы этнического развития сибирских татар в дореволюционной и советской литературе. – С. 149.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Валеев Ф. Т.* Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв. (историко-этнографические очерки). – Казань, 1980; *Он же.* Сибирские татары: Культура и быт. – Казань, 1992; *Валеев Ф. Т., Томилов Н. А.* Татары Западной Сибири: история и культура. – Новосибирск, 1996; *Томилов Н. А.* Современные этнические процессы среди сибирских татар. – Томск, 1978; *Он же.* Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (хозяйство и материальная культура). – Томск, 1980; *Он же.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск, 1981; *Он же.* Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья (этническая история, быт и духовная культура). – Томск, 1983; *Он же.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX вв. – Новосибирск, 1992; *Он же.* Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). – Томск, 1993.

¹⁹ Селезнев А. Г. Барабинские татары: истоки этноса и культуры. – Новосибирск, 1994; Корусенко С. Н., Кулешова Н. В. Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. – Новосибирск, 1999; Малиновский В. Г., Томилов Н. А. Томские татары и чулымские тюрки в первой четверти XVIII в.: хозяйство и культура (по материалам Первой подушной переписи населения России 1720 г.). – Новосибирск, 1999; Левочкина Н. А. Традиционная народная хореография сибирских татар Барабинской степи и Омского Прииртышья (конец XIX–XX в.). – Новосибирск, 2002; Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовий р. Тара в XVII–XX вв. (опыт анализа структуры и содержания). – Новосибирск, 2003. – (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Т. 7); Малхасьян А. В., Селезнев А. Г. Татары Салехарда: городская этническая группа на современном этапе: Науч. вестник. – Вып. 16: Этносоциология. – Салехард, 2003; Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск, 2004; Смирнова Е. Ю. Одежда татар Среднего Прииртышья: этнокультурные связи и контакты. – Новосибирск, 2004; и др.

²⁰ Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. – Казань, 1994; Она же. Ономастикон сибирских татар. Ч. 1, 2. – Тюмень, 1999; Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. – Казань, 1977; Она же. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань, 1992.

²¹ Исхакова С. М. Лексика сибирских татар: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1970; Она же. О роли исторического фактора в решении этноязыковой проблемы сибирских татар // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1998. – С. 283–285; Она же. Создание письменности для сибирских татар на латинской графике – актуальная проблема современности // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1998. – С. 290–293; Она же. Причины языковых конфликтов (проблемы языкового взаимодействия сибирских и поволжских татар) // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). – Тобольск; Омск, 2002. – С. 541–542; и др.

²² Томилов Н. А., Томилова В. С. Фоат Тач-Ахметович Валеев – исследователь Сибири (к 80-летию со дня рождения) // Сибирские татары. – Омск, 1998. – С. 213.

²³ Валеев Ф. Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв.: историко-этнографические очерки. – С. 22.

²⁴ Там же. – С. 45.

²⁵ Томилов Н. А. Современные этнические процессы среди сибирских татар; Он же. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв.; и др.

²⁶ Томилов Н. А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. – С. 150.

²⁷ Там же. – С. 151.

²⁸ Валеев Ф. Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв.: историко-этнографические очерки. – С. 42.

²⁹ Там же. – С. 42.

³⁰ Томилов Н. А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (хозяйство и материальная культура); Он же. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв.; Он же. Очерки этнографии тюркоязычного населения Томского Приобья (этническая история, быт и духовная культура); и др.

³¹ Томилов Н. А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. – С. 149.

³² Там же. – С. 150.

³³ Там же. – С. 151.

³⁴ Там же.

³⁵ Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX вв. – С. 231–232.

³⁶ Татары. – М., 2001. – С. 24.

³⁷ Там же. – С. 25.

³⁸ Там же. – С. 7–8.

³⁹ См., например: Тихонов С. С., Томилов Н. А. Этнографо-археологические комплексы: Проблемы конструирования и изучения (по материалам культуры татар и русских Тарского Прииртышья XVI–XX вв.) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1997. – Т. 2. – С. 10–19; Татауров С. Ф. Русские в Тарском Прииртышье // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2002. – С. 153–157; и др.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, МЕТОДИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Генеалогия и этническая история

Генеалогия как наука возникла из потребностей источниковедческого анализа и входит в блок вспомогательных исторических дисциплин, каждая из которых имеет свою область исследования и разрабатывает специфические методики и технические приемы с целью решения задач критики источника. Однако следует отметить, что это довольно-таки неполная характеристика, т. к. традиционное определение рассматривает лишь одну из сторон вспомогательных исторических дисциплин. В настоящее время вспомогательные исторические дисциплины этим не ограничиваются: углубленная разработка проблематики и методик вывела эти дисциплины за пределы обычно ставящихся перед ними задач и дала возможность решать самостоятельные вопросы базового исторического исследования. Прямой выход вспомогательных исторических дисциплин на историю свидетельствует о том, что их применение не ограничивается только рамками источниковедческой критики, а может иметь и вполне самостоятельное значение в исследовании общих вопросов исторического процесса. Вследствие этого вспомогательные исторические дисциплины имеют большее основание называться специальными, и это наименование, наряду с традиционным, сегодня принято¹.

Несмотря на то что в последнее десятилетие наблюдается всплеск генеалогических исследований, появляются работы как теоретического, так и практического (их большинство) плана, до сих пор не выработано понятие, что же такое генеалогия. Надо сказать, что определение генеалогии именно как научного направления постоянно претерпевало изменения, ее рамки то ограничивались только установлением родственных связей, то расширялись до невероятных размеров. Предлагаем следующую дефиницию генеалогии. *Генеалогия* – наука, устанавливающая происхождение человеческих индивидов и отношения родства между ними, а также изучающая семейно-родственные группы, их связи и отношения в исторической динамике. Объектом генеалогии является человек в составе семейно-родственных групп. Роль генеалогии в историческом исследовании определяется прежде всего тем, что человек выступает одновременно как основной субъект исторического процесса и как объект исторического исследования. Все исторические закономерности проявляются через деятельность людей. В свою очередь каждый человек относит себя к определенной этнической общности, одним и из этнодифференцирующих элементов которой являются и традиционные семейно-родственные институты и отношения.

Генеалогия имеет свою богатую традицию. Интерес к генеалогии в XVI–XVII вв. был связан с принципом «местничества», отчего зависело служебное положение рода и отдельного его представителя. Научный интерес к генеалогии появляется в XVIII в. в связи с бурным развитием исторической науки. Примерно с середины XIX в. в этой дисциплине «начинает утверждаться новое направление, в котором превалирует исследовательское начало в отношении реконструкции родословных и осмысление самих генеалогических данных»². Успехи в генеалогии в дооктябрьский период были большей частью связаны с изучением родословий дворянства, чем наука себя «скомпрометирует». Генеалогические исследования практически прекратились. Генеалогия так называемых непривилегированных сословий остается до самого последнего времени неразработанной областью этой науки, несмотря на появление ря-

да трудов по этой проблеме. Генеалогические материалы по крестьянству в качестве приложения присутствовали в краеведческой литературе 1920-х гг., однако по причине сворачивания краеведческого движения эти исследования прекратились. В 1950–1970-е гг. появляется ряд работ, в которых архивные генеалогические сведения используются в качестве исторического источника. При изучении народов Сибири к данным родословных обращались в ходе анализе состава и характера крестьянской семьи Западной Сибири феодального периода³, выяснения датировки возникновения населенных пунктов в процессе освоения Сибири в XVIII–XIX вв.⁴. Почерпнутые из архивов генеалогические данные в сопоставлении с современными полевыми материалами привлекались и этнографами при изучении традиционного семейного быта русского населения Приангарья и Забайкалья⁵. В литературе есть информация о возможности использования генеалогических материалов при исследовании вопроса о малых социальных группах внутри крестьянской общины, ее внутренней структуры⁶. Но в указанных работах родословные служат не основным, а вспомогательным источником, а круг изучаемых на их основе проблем ограничен. Здесь же следует отметить, что изучение генеалогий непривилегированных сословий требует как использования огромного количества источников, разнообразных по своему содержанию, так и специфических методов работы⁷.

Возрождение гуманистической ориентации отечественной исторической науки в 1980–1990-е гг. привело к тому, что произошел поворот «от гипертрофированной роли политической проблематики к собственно социальной истории страны»⁸. С этого времени усиливается интерес к генеалогии, публикуются исследования, посвященные анализу родословных непривилегированных сословий – крестьян, купечества и т. д.⁹. Особенно в этом плане хочется отметить работу М. В. Тарасова-Борисенко «Ареал генеалогии русских крестьян», в которой автор не только на конкретном материале изучил историю избранных отдельных крестьянских родов, конкретно-исторические виды семейно-родового уклада русских крестьян Сибири с присоединения к России до начала XX в., но и дал анализ теоретических разработок в области изучения родословий крестьян, рассмотрев историографические, концептуально-методические и источниковедческие проблемы¹⁰.

Многу не зря сделан акцент в существующих генеалогических исследованиях именно на изучение родословий непривилегированных сословий, т. к. при обращении к некоторым сторонам этнической истории какого-либо этнического образования часто используются те же источники, что и в генеалогических исследованиях крестьян, купечества и т. д., а именно *н* делопроизводственные документы XVII–XIX вв. Помимо этих источников этнографы используют и полевые материалы, осуществляя сбор родословных.

Исследование современного этнического развития народов тесно связано с изучением их прошлой этнической истории, позволяющей понять особенности этнических процессов, протекающих в настоящее время. При изучении этнической истории какой-либо конкретной этнической общности этнограф прежде всего обращает внимание на собственно этнические аспекты *н* в первую очередь на изменения в системе компонентов данной общности, вызванные и спонтанным развитием, и межэтническими контактами, на динамику этнических свойств этих компонентов.

Методологический подход в исследовании заключается в использовании понятийного аппарата, связанного с такими основными дефинициями, как этническая история и этническое самосознание.

В 1970-е–1980-е гг. было распространено несколько подходов к понятию «*этническая история*». Один из отличительных признаков существовавших подходов – разграничение или соединение понятий «этногенез» и «этническая история»¹¹. Разработка понятия этнической истории шло в основном на примере изучения этнической истории конкретных этнических общностей¹². Пожалуй, наиболее важной в области разработки теории является книга Н. А. Томилова, в которой он, обобщив подходы разных исследователей, определяет этническую историю как отдельное направление, сложившееся на стыке наук¹³.

В качестве объекта этнической истории автор называет «историю всех видов формирующихся, развивающихся, распадающихся или трансформирующихся историко-культурных (этнографических и этнических) общностей». Предметная область этнической истории –

«процессы становления (формирования), развития и распада (или трансформации) историко-культурных общностей, а другими словами: этнические и этносоциальные процессы всех видов и уровней». Томилов считает, что этническая история изучает «динамику систем историко-культурных общностей, т. е. формирование компонентов этих систем и их этнических свойств, изменение в компонентах, в первую очередь в этнических свойствах этих компонентов, в их функционировании. Эта динамика историко-культурных общностей исследуется во взаимодействии их друг с другом во всей исторической конкретности, во взаимосвязи с социально-экономической и политической историей». Он подчеркивает, что «важно изучить не только сложение и развитие историко-культурных общностей, но и их трансформацию, выявить ее причину, ход, закономерности и конкретные исторические особенности»¹⁴.

Определение этнической истории, предложенное сибирским этнографом, как бы закрывает тот спор, который был между учеными в 1970–1980-х гг., когда этногенез (формирование) этносов пытались представить отдельным от этнической истории процессом. Для Н. А. Томилова наиболее приемлемым представляется понимание этнической истории «как отрасли знаний, охватывающей прежде всего изучение этнических и этносоциальных процессов и на стадии формирования этнических и этнографических общностей, и на стадии их этнического развития вплоть до их трансформации, если речь идет об исчезнувших этносах»¹⁵.

В современной этнографической литературе этническое самосознание рассматривается как один из важнейших признаков (иногда – факторов формирования) этнической общности. Общая неразработанность теории этноса, которая тем не менее является частью методологии отечественной этнографии, и проблемы этнического самосознания как ее составной части осложняет проведение конкретных этнографических исследований, особенно в тех регионах, где исследователи сталкиваются со сложной этнической ситуацией – прежде всего в зонах поздних миграций XIX–XX вв. Здесь, прежде всего, необходимо отметить структурированность этнического самосознания жителей таких контактных зон, как Сибирь, и различную степень сформированности – несформированности отдельных иерархических компонентов этнической идентичности, что затрудняет построение на уровне индивидов субъективных моделей этноса и осложняет межгрупповое и межэтническое общение.

Процессам формирования и развития этнического самосознания сибирских татар были посвящены работы Н. А. Томилова, Ф. Т. Валссва, И. А. Ерш¹⁶. Все исследователи отмечают многоуровневость этнического самосознания сибирских татар, связанную как с растянувшимся процессом консолидации коренного тюркского населения по причине их чересполосного расселения, так и с миграционными процессами конца XIX – начала XX вв. Еще одним существенным моментом в работах этих авторов является вывод о полной ассимиляции бухарцев (выходцев из Средней Азии), селившихся на территории проживания ряда этнотерриториальных групп сибирских татар начиная с XVI–XVII вв.

Мой интерес к проблемам этнической самоидентификации татар Сибири возник в связи с этногенеалогическими исследованиями, проводившимися сначала среди курдакско-саргатских¹⁷, а затем среди тарских татар.

Генеалогические традиции характерны для большинства народов мира. В этой связи в этнографии выделяют целый пласт источников «этногенетического» характера. Под «этногенетикой» подразумевается совокупность источников: родоплеменная этнонимия, этногенетические предания и легенды, тамги, генеалогии и т. д.¹⁸. Термин «этногенетика», на мой взгляд, неудачен, т. к. основой этого понятия является генетика, которая не входит в систему исторических наук, а опосредованно связана с ними. Правильнее все-таки говорить об этногенеалогических источниках.

Развитие генеалогии определяется не только уровнем ее теоретического развития – исследованием границ возможностей дисциплины, но и расширением источниковой базы, развитием методологии. Пожалуй, источники и методика – вот два основания, на которых развивается генеалогия как научное направление, расширяется ее проблематика. В развитии этнической генеалогии также основную роль играют источники и методы. М. В. Тарасов-Борисенко указывает на то, что «при разворачивании процесса специальных поисков становится ясно, что

генеалогические проблемы возможно осветить лишь на основе анализа и синтеза обширного круга реликтовых и современных данных. Именно поэтому в современной генеалогии фокусируются информация, методы и результаты многих научных дисциплин»¹⁹.

Одним из важнейших методов этнической истории, специально разработанных для проведения этноисторических исследований, является генеалогический. Его использование предполагает создание фонда семейных родословных, как собранных в ходе экспедиционных работ, так и реконструированных по архивным источникам. Иногда удается соединить архивные и экспедиционные источники и получить генеалогии отдельных семей, восходящие к XVIII в. Для изучения истории народа важно располагать массовой источниковой базой, которую составляют генеалогии, отражающие семейную историю всех сословий изучаемого этноса.

Исследования на стыке этнографии и генеалогии при изучении народов Сибири стали проводиться в основном с 1960-х гг., когда в экспедициях начали записывать родословные коренных народов Сибири. Г. М. Афанасьева и Ю. Б. Симченко указывали, что «в числе прочих этнографических данных, получаемых путем опроса, генеалогические описания являются наиболее корректным материалом. Прежде всего они содержат объективные факты, достоверность которых поддается проверке». Эти же авторы отмечали многоплановость использования генеалогических описаний, которые «являются источником, позволяющим проследить эволюцию отдельных человеческих общностей или их составляющих с различных позиций». Так, они могут быть «основой для широкого круга демографических реконструкций, определения порядка репродукции различных поколений данной популяции, самых разнообразных исследований в медико-генетическом аспекте, историко-этнографических описаний бесписьменных в прошлом народов и многих других направлений общественных и естественных наук»²⁰.

Одной из первых в области этнической генеалогии стала использоваться методика составления семейно-кустовых генеалогических схем, начало которой было положено работами Ю. А. Филипченко и В. В. Бунака. Позже ее усовершенствовали московские сибиреведы-этнографы Г. М. Афанасьева, В. И. Васильев и Ю. Б. Симченко. Эта методика генеалогических описаний отработывалась на материалах, собранных у различных народов в течение более чем 20 лет. Методику составления семейно-кустовых генеалогий нельзя рассматривать как нечто общее. Генеалогическое описание состоит из опроса, фиксации и обработки поступающих данных. Первые 2 задачи осуществляются одновременно. Однако уже в этот период заметна разница в формах сбора и фиксации разными исследователями в зависимости от задач исследования. На третьем же этапе – обработки генеалогических данных – методика тем более разнообразна. Методика составления семейно-кустовых генеалогий в ее классическом варианте довольно хорошо применима к изучению довольно изолированных локальных групп. Г. М. Афанасьева и Ю. Б. Симченко писали, что «...осведомленность населения о своих родственниках находится в прямой зависимости от истории формирования поселка. В том случае, если основной состав населения сформировался на базе автохтонов, выявление достаточно компетентного информатора не представляет особой трудности. Как правило, один или несколько таких человек хорошо ориентируются в сложных переплетениях кровнородственных связей односельчан. При необходимости с их же помощью можно привлечь к работе наиболее сведущих людей, которые окажут содействие в затруднительных вопросах, являясь зачастую представителями тех семей, по линиям которых обнаруживаются пробелы. Если же данный населенный пункт сложился в результате объединения разрозненных территориальных групп населения, ограничиться небольшим числом хорошо осведомленных информаторов не удастся. В таких обстоятельствах опросу последовательно подлежат все семьи, отмеченные в похозяйственной книге»²¹.

При генеалогическом изучении тюркоязычного населения Западной Сибири нам пришлось столкнуться именно с тем, что наследие каждого поселения чаще всего является многокомпонентным в этническом отношении. Поэтому в данном случае сибирскими этнографами были выработаны специфические методы сбора и обработки генеалогий, основанные на достижениях московских коллег и адаптированные к данной этнической ситуации²².

Анализ родословных не ограничивается только изучением современного этнического состава населения. Одним из существенных моментов использования современного генеало-

гического материала является сопоставление его с данными других источников, прежде всего архивных, таких, как переписи населения XVIII–XIX вв. Это позволяет реконструировать генеалогии населения, в результате чего раскрываются многие страницы этнической истории. Перед нами возникает реальная картина формирования современной этнической общности на протяжении двух-трех столетий²³. Перспективным в этом плане явилось бы использование и более ранних материалов, в частности ясачных, дозорных, писцовых книг конца XVI–XVII вв. Результаты применения генеалогических материалов для выяснения фамильного состава, этнической структуры населения, выявления преемственности населения, направленности брачных связей в целом для изучения этнической истории конкретных этнических общностей отражены в ряде работ отечественных этнографов-сибиреведов²⁴.

Нельзя обойти стороной вклад омских этнографов в формирование этнической генеалогии как отдельного научного направления и те проблемы, которые возможно разрешить в ходе этногенеалогических исследований. С открытием в Омске государственного университета в 1974 г. (ОмГУ) связано регулярное проведение этнографических практик и экспедиций студентов-историков под руководством Н. А. Томилова и В. Б. Богомолова. С этого же времени осуществляется регулярный сбор родословных представителей разных народов нашего региона. В настоящее время в фондах музея археологии и этнографии ОмГУ хранятся около 20 тыс. родословных татар, казахов, русских, немцев, украинцев и других народов.

Однако этногенеалогические исследования в 1970–1980-е гг. охватывали только тюркское население Западной Сибири, в основном татар. Это, прежде всего, связано с научными интересами Н. А. Томилова и его учеников-последователей. Обратиться же к такому источнику, как генеалогия, ученому пришлось в ходе изучения современного этнического состава тюрков Западной Сибири в связи с тем, что данные Всесоюзных переписей, похозяйственных книг сельских советов, в которых представлены сведения о национальности, не отражали реальную этническую картину населения. Тем более что эти сведения невозможно было сопоставить с информацией об этнической и этносоциальной принадлежности тюркского населения, имеющейся в материалах переписей населения XVIII–XIX вв.

Основу современного тюркского населения Западной Сибири составили потомки сибирских татар, коренного населения данного региона, а также бухарцев и поволжско-приуральских татар, оседавших здесь в течение ряда столетий в результате многочисленных миграций. Впервые сборы генеалогического материала были произведены Н.А. Томиловым, работавшим в это время в Томском государственном университете, на рубеже 1960–1970-х гг. среди томских татар. Целью этих сборов было выяснение этнического состава тюркского населения Томского Приобья. Выявить различные компоненты в составе татарского населения по похозяйственным спискам сельских советов было невозможно, поскольку в них регистрируется только общая принадлежность к национальности татар. Таким образом, генеалогические материалы явились тем источником, единственным в своем роде, который позволил не только определить этнический состав, но и выделить этнические и этнографические группы тюркоязычного населения Западной Сибири. Кроме того, ставилась задача соотнести полученные цифры с этногенетическим сознанием информаторов, т. е. в проведенных исследованиях учитывалось не только, кем себя считает респондент, но и чьим потомком он является, что устанавливается по результатам анализа его родословной.

В середине 1970-х гг. этногенеалогические исследования были продолжены Н. А. Томиловым и Н. В. Кулешовой среди барабинских татар. При этом использование генеалогий не ограничилось лишь изучением этнического состава населения. На материалах родословных были реконструированы этнографические группы барабинских татар, существовавшие в XVII–XIX вв., разработана методика их реконструкции²⁵. Кулешовой по генеалогическим материалам изучены тутумные образования барабинских татар, их фамильный состав.

Результаты этногенеалогических исследований томских и барабинских татар, прежде всего, методического характера были изложены Томиловым в учебном пособии «Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири» и в монографии «Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири)»²⁶.

С середины 1980-х гг. этногенеалогические исследования стали основным научным интересом автора. Начало этой работы осуществлялось под руководством Н.А. Томилова, в центре внимания находилась одна из групп тоболо-иртышских татар – курдакско-саргатские татары. Помимо использования разработанной предыдущими авторами методики сбора и анализа генеалогического материала с целью изучения современного этнического состава тюркского населения, проживающего на территории расселения курдакско-саргатских татар, привлекались новые источники – материалы переписей населения XVIII–XIX вв., хранящиеся в архиве Тобольска. В результате была разработана методика реконструкции генеалогических линий по архивным материалам и их соединение с современными родословными, в результате чего изучена этническая история курдакско-саргатских татар в XVIII–XX вв.²⁷

Следующим этапом развития этногенеалогических исследований омских этнографов стало использование родословных при изучении русского населения Западной Сибири, складывавшегося в результате разного рода миграций из Европейской России. Этнография русских давно стоит перед проблемой феномена сибирячества. В ходе эмпирических исследований учеными создана богатая фактическая база, позволяющая охарактеризовать все стороны культуры русских сибиряков. Можно считать доказанным, что культура русского населения Сибири отличается по целому ряду параметров от любой локальной культуры русских европейской части России. Но как происходит процесс нивелирования локальных форм культуры в Сибири, есть ли у сибирской русской культуры единая основа и где искать ее истоки? Сложным представляется вопрос о единстве русского сибирского населения. Общепринятое деление русских сибиряков на старожилов и переселенцев с выделением этносоциальной группы казаков и этноконфессиональной – староверов уже не может удовлетворить современных исследователей.

Серьезной причиной, тормозящей решение поставленных вопросов, является большая численность русских и их расселение по всей территории Сибири. Этнографы, изучающие русских, знакомы на практике, как правило, с несколькими отдельными регионами Сибири, представляя остальную культуру по различным публикациям. Между тем разрешить проблему единства населения и генезиса даже одного региона трудно без учета этнической истории группы. Поэтому методика этногенеалогических исследований принята сейчас на вооружение сибирскими учеными, занимающимися этнографией русских.

Работу по сбору генеалогий русских омские этнографы начали еще в 1970-е гг., но в центре внимания проблемы этнической истории русских Среднего Прииртышья оказались только в середине 1990-х гг. История формирования населения этого региона изучена историками с большой тщательностью. Но из сферы интересов историков, как правило, выпадают моменты, связанные с этническим статусом населения исследуемых районов. Указывая на переселения, историки обычно ограничиваются указанием губернии, реже – волости. Не всегда эта информация может быть достаточной для определения этнической принадлежности переселенцев.

Занимаясь семейной историей жителей отдельных населенных пунктов, этнографы сейчас не только накапливают материал и отрабатывают методику исследования, которая имеет свою специфику при работе с большими группами. Ряд частных наблюдений позволяет прийти к определенным выводам, которые, как нам представляется, должны быть учтены при решении вопросов культурогенеза и этнической истории русских сибиряков.

Использование родословных при изучении этнической истории русского населения Западной Сибири потребовало выработки новых методических приемов, которые обусловлены спецификой при работе с большими группами²⁸.

Возможности использования данных родословных и применение этногенеалогических методов далеко не исчерпываются только этноисторическими исследованиями. Возникает, например, перспектива соединения генеалогий с данными о браках, почерпнутыми из метрических книг и из записей актов гражданского состояния. Генеалогии дают возможность представить демографическую ситуацию в разные хронологические периоды, выяснить половозрастную, социально-профессиональную характеристики населения, зафиксировать изменение социального положения членов семей, выделить семейно-брачные связи и т. д. Что касается

исследования современного этнического и этносоциального состава населения, то здесь генеалогии, по нашему мнению, должны занять положение основного источника.

Сегодня для этнографов очень важно постоянно заниматься сбором массовых генеалогических материалов. Но пока в области этнической генеалогии в отечественной науке работают буквально единицы.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о возникновении нового направления, сложившегося на стыке этнографии (прежде всего, такого ее раздела, как этническая история) и генеалогии – *этнической генеалогии*. В то же время понятие «этническая история» в широком смысле означает изучение процессов формирования этнических общностей и их последующего развития. В сферу этнической генеалогии входит рассмотрение лишь ряда моментов этнической истории, связанных с выявлением различных этнических компонентов в составе этнической общности, этнодемографическими изменениями и т. п.

Источники и методы исследования

При проведении этногенеалогических исследований используются и специфические источники (собранные в этнографических экспедициях генеалогии, предания о первых жителях и истории населенных пунктов и т. д.), и целый пласт источников, характерных в целом для генеалогии как науки. В этом разделе предлагается анализ части источников, используемых для проведения генеалогических исследований, основное внимание уделяется тем из них, на основе которых возможна реконструкция родословных.

Уникальность генеалогии как специальной исторической дисциплины определяется не только широкими задачами, которые ставятся перед ней, но и практически неограниченной источниковой базой. Генеалогическим источником может быть любой памятник, содержащий сведения об отдельном лице, – письменный, архитектурный, археологический, предметы искусства и т. д.

В России первая классификация генеалогических источников была предложена Л. М. Савеловым, который занимался дворянством, и его классификация основывалась именно на источниках дворянской генеалогии. Схематично ее можно представить следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Классификация генеалогических источников по Л. М. Савелову*

Источники русского родословия				
Устные	Вещественные	Письменные		
		Официальные	Исторические	Семейные
Легенды, предания	Монеты, медали, надгробные памятники, церковные предметы, родовые гербы и т. п.	Метрические свидетельства, послужные списки, акты и т. п.	Летописи, разрядные книги, родословцы, писцовые книги и т. п.	Воспоминания, частная переписка, духовные завещания и т. п.

* Составлено по: Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии. – М., 1994. – С. 33–40.

Эта классификация основывалась на достижениях источниковедения своего времени и имела ряд недостатков. Так, например, родословные легенды (имеются в виду родословные легенды дворянских родов) вряд ли можно отнести к устным источникам, ведь они дошли до

нас в составе письменных материалов (например родословных книг). Сами принципы классификации вызывают сомнение, т. к. одни виды источников (официальные и семейные) выделены по происхождению, а другие (исторические) – объединены по содержанию. Савелов видел недостатки своей классификации и предложил разделить источники на *прямые* (все произведения письменности и изобразительного искусства, созданные с целью отметить, описать или представить какое-нибудь событие из жизни человека, т. е. источники, прямо относящиеся к данному лицу) и *косвенные* (источники, которые говорят, имея общественный характер, о человеке в общих выражениях, т. е. источники, названные в предыдущей классификации историческими)²⁹. Официальные и семейные памятники в основном принадлежат к прямым источникам.

Возникшие в XX в. новые направления генеалогических исследований и, прежде всего, расширение социальных рамок исследований привели к привлечению новых источников генеалогических исследований. Каждый исследователь, ставя определенные задачи, использует свой круг источников. Особо стоит отметить источниковую базу для изучения родословных так называемых непривилегированных сословий, специфика которой заключается в отсутствии прямых источников и наличии широкого спектра источников косвенных. М. В. Тарасов-Борисенко предложил классификацию источников по генеалогии крестьянства (табл. 2).

Таблица 2

**Типологическая классификация источников,
содержащих генеалогическую информацию о крестьянстве XVII–XX вв.***

I. Письменные

а) категория документации видов персонального учета	б) материалы личного характера: дневники, письма, надписи, сочинения, автобиографии, воспоминания	в) рукописные (опубликованные и неопубликованные) материалы по истории крестьянского населения региона, периодическая печать
--	--	---

II. Устные:

а) рассказы по истории семьи и рода, предания, местный семейный фольклор	б) лингвистические памятники: антропонимы и топонимы, местные диалектные обозначения родственных терминов и отношений
---	--

III. Вещественные:

Личные предметы, награды и семейные реликвии, одежда, утварь, жилища и другие постройки или изделия, погребальные сооружения, предметные образцы археологии и этнографии края

IV. Изобразительные:

Иконография родственной общности: рисунки, фотоснимки (портретные, сюжетные, видовые), схемы родословных, зарисовки, планы и карты мест проживания
--

V. Межтипового характера

а) личная память образа предков, современников и потомков у носителей родословных сведений; переданные навыки деятельности	б) фольклорно-этнографическая категория: известия о системе обрядов свадебных, родовых, воспитательных, погребальных, поминальных
---	--

* *Источник:* Тарасов-Борисенко М. В. Ареал генеалогии русских крестьян. Проблемы и опыт микроисследований по материалам Тобольского и Тарского уезда конца XVI – начала XX вв. – СПб., 2001. – С. 102.

Оценивая предложенную классификацию, нельзя не отметить скрупулезность характеристик – выделены разряды, типы, категории и виды источников. Но при этом автор признает условность разделения и пишет о том, что различные виды источников из разных разрядов могут объединяться в одну группу по разным признакам.

А. В. Елпатьевский для изучения биографий и генеалогий современного населения предложил объединить документы в следующие группы: 1) гражданского состояния (акты гражданского состояния); 2) служебно-трудовых и других социальных взаимоотношений отдельных лиц и общества (документы по трудовому стажу, зарплате, награждениям, пенсионному обеспечению и т. д.); 3) получения образования; 4) гражданства, социального положения, а также персонального учета отдельных групп населения; 5) установления опеки, патронирования, усыновления. Однако сам автор признает, что этими группами не может быть исчерпан круг основных историко-биографических источников³⁰. Анализируя данную классификацию, М. В. Тарасов-Борисенко отмечает, что «эта группировка строится на учете лишь некоторых (хотя и важных) сфер взаимодействия личности и общества. Весьма спорно и употребление в этом ряду (группа 4) понятия «персональный учет», которое, на наш взгляд, настолько обширно, что перекрывает по своим составляющим весь данный перечень прочих видов документации»³¹.

Приведенные примеры убеждают, что составить общую классификацию источников, содержащих генеалогическую информацию очень сложно. Поэтому мною принято разделение на прямые и косвенные источники, но несколько в ином плане, чем это было у Л. М. Савелова.

Собственно *прямыми источниками* в генеалогии будем считать родословные росписи, таблицы, составленные в практических целях, записи и документы департамента герольдии. Эти источники характерны для дворянской генеалогии. В России документы, создававшиеся с целью зафиксировать родство членов семьи, т. е. источники русской генеалогии, на этапе ее практического развития однообразны. В основном это росписи нисходящего родства (потомки по мужской линии). Росписи восходящего родства, где записаны все предки, русской генеалогии почти неизвестны.

В генеалогических источниках можно выделить 2 элемента – так называемая «легенда» о происхождении семьи, где записан ее родоначальник, и поколенная роспись. Родословные легенды исследуются в научных целях реже, в основном с точки зрения достоверности происхождения родоначальника. Однако родословная легенда играла большую роль: она фиксировала начальный момент происхождения родоначальника семьи, от этого зависело положение в служебной иерархии феодального общества, что закрепляло сословное происхождение рода.

У тюркских и монгольских народов, которые проживают на территории России и сопредельных территорий, также существовал обычай составлять родовые генеалогии. Эти памятники средневековой истории могут называться у различных народов по-разному (*шежэре, шеджире, тайра, тарих* и т. д.) Но суть их одна – они включают генеалогию племени (рода) с более или менее подробным изложением выдающихся событий из жизни народа вообще или чаще родоплеменной группы.

Шежэре в переводе с арабского означает «родословная». У народов, в жизни которых до сравнительно недавнего времени сохранялись атрибуты патриархально-родового уклада, генеалогии или воспоминания о них живы еще и в наши дни. Устные шежэре бытуют среди казахов, туркмен, башкир, киргизов, сибирских татар, монголов и других народов.

Однако дословный перевод не исчерпывает значения, который термин «шежэре» имеет в действительности. В историко-краеведческой литературе XIX в. (а со второй половины XIX в. эти памятники стали печатать, поскольку интерес к ним возрос) эти письменные памятники назывались по-разному – хроникой, преданием, летописью или просто исторической записью. Ни одно из этих обозначений нельзя считать точным, ибо сами шежэре как по форме, так и по содержанию неодинаковы. Одни шежэре действительно являются родословными, другие включают сведения, приближающие их к летописям. Большинство их можно определить как «генеалогическая летопись». В шежэре включались имена членов рода по мужской линии. Передаваясь от поколения к поколению, родословные постепенно обрастали рассказами о со-

бытиях, которые происходили при жизни того или иного родового главы или предка, постепенно они превращались в своеобразную историю рода. Лица старшего поколения должны были запоминать имена своих предков до 10–12 колена.

В XV–XVI вв. и позднее, когда шежере стали слишком громоздкими, чтобы удержаться целиком, без искажений в памяти отдельных людей, их стали записывать. Превращение устных родословных в письменные документы было связано с укреплением ислама и распространением арабской графики. Шежере записывались многими поколениями. Принцип преемственности шежере исходит из самой природы их происхождения. Если в основе шежере была генеалогическая схема какого-либо рода, то при составлении нового текста предыдущий список служил основой, т. е. рождались новые списки шежере. Эти генеалогии постоянно пополнялись именами, а текстовые части – описаниями свежих событий. Отсюда невозможность употребления понятий «оригинал» и «копия» по отношению к шежере. Каждая новая копия включала в себя имена и описания, которых не было и не могло быть в оригинале. Одновременно в новые списки копии старых списков включались с лакунами, переписчики пропускали некоторые факты и описания событий или давали их краткое, фрагментарное изложение. До наших дней шежере дошли преимущественно в копиях XVIII–XIX вв.

Шежере представляли большую ценность, своеобразную реликвию, свидетельствующую о древности происхождения рода, о богатстве его истории. Рукописными шежере очень дорожили. Хранителями обычно были мулла или один из наиболее авторитетных старейшин рода. Они не только сберегали рукопись, но и записывали в нее события и имена людей, современниками которых являлись сами. Перед смертью аксакал или мулла передавал шежере своему преемнику, который обычно заново копировал ее.

Бытование шежере зафиксировано у сибирских бухарцев, которые рассматривали свои шежере как документы, подтверждавшие иностранное происхождение их предков и дававшие им право на пользование различными привилегиями, предоставленными им в разное время указами русских царей – Алексея Михайловича, Петра I, Екатерины II. Бухарцы часто предъявляли переведенные на русский язык шежере органам местной администрации в качестве официальных документов³².

Достоверность источников типа шежере вызывала немало сомнений. Шежере записывались муллами, которые обычно часть текста посвящали составлению генеалогии пророков аллаха. Иногда шежере начиналось с имени Чингис-хана. Тем не менее многие факты из шежере поддаются проверке. К тому же немало рукописей шежере начинаются непосредственно с описания достоверных событий, а их генеалогии включают только реальных людей.

В 1930-е гг. шежере стали уничтожать. В это время закрепилось мнение, что шежере – «сочиненные духовенством» родословные феодалов, преследующие узкоклассовые интересы: доказать аристократическое происхождение того или иного лица и его право на привилегии. Чтобы избежать репрессий, шежере либо сжигали, либо клали в могилу при захоронении старшего из семейного клана. Сейчас развернулась работа по восстановлению, насколько это можно, и сохранению шежере у ряда тюркских народов. Так, в казахстанской зоне Интернета создан сайт, на котором предполагается аккумулировать все имеющиеся шежере и создать единую шежере казахов. В с. Уленкуль Большереченского района Омской области и соседних деревнях у ряда жителей (в основном имеющих отношение к роду Шиховых) имеются генеалогические схемы, в которых предками показаны шейхи. Информаторы ссылаются на шэжэрэ с перечислением предков по поколениям (естественно, только по мужской линии). Основателем рода Шиховых является Авазбақы, который, по сведениям информаторов, прибыл в Сибирь из Бухары в 1572 г. с четырьмя сыновьями. Один из этих сыновей, как считают современные жители этого села, и основал Уленкуль.

Большинство же источников генеалогических исследований – *косвенные*, содержащие сведения о семьях, на основе которых возможна реконструкция истории родов, семей. Чаще всего реконструкция возможна в ходе соединения данных разных видов источников. Еще в начале XX в. Л.М. Савелов предложил метод ступенчатого перехода от одних источников к

другим по мере углубления исторического прошлого рода. Но есть такие источники, по которым возможно реконструировать поколенную роспись в определенный промежуток времени.

Сложнее восстановить генеалогию представителя непривилегированного сословия. Так, Савелов указывал на отсутствие источников по генеалогии «народной массы» и отмечал: «Словный характер русской генеалогии несомненно стоит в связи и является прямым результатом низкого культурного уровня народной массы, которая не давала да и не дает генеалогу почти никакого материала, ни вещественного, ни тем более письменного. Единственным более или менее культурным сословием в России было до самого последнего времени одно только дворянство, единственно оно было грамотно, только почти исключительно от дворянства сохранились еще письменные памятники в наших архивах даже в правительственных, не говоря уже о семейных»³³.

Основополагающей и неотъемлемой задачей любого генеалогического изучения непривилегированных сословий является реконструкция родословных. В основном в этой ситуации используют массовые делопроизводственные документы. В монографии не ставится задача дать характеристику всех источников, да это и невозможно, т. к. с течением времени появляется или обнаруживается новый вид источника (еще 50 лет назад нельзя было себе представить, что берестяные грамоты, найденные при раскопках Великого Новгорода, станут источником для проведения генеалогических исследований!³⁴). Меня больше интересуют источники, которые используются в данной работе.

Большая часть источников, содержащих генеалогическую информацию, хранится в архивах, как в центральных (в Москве и Санкт-Петербурге), так и в местных (в данном исследовании используются материалы архива Тобольска). Для православного населения очень важны для реконструкции метрические книги и исповедные росписи, начало составления которых относится к первой половине XVIII в. Источниковедческий анализ этих источников представлен в ряде историко-демографических и генеалогических исследований³⁵.

Очень ценный источник для генеалогических исследований – материалы переписей населения, которые и служат одним из основных источников для проведения данного исследования. Переписи – это подсчет и записывание однородных предметов и явлений на определенной территории. Переписи приурочиваются к известному моменту и, так сказать, фотографируют действительность или последовательно регистрируют известные явления, изменяющиеся во времени. Переписи известны с древнейших времен (Китай, Египет, Индия), они применяются для определения численности и состава населения, движения населения (рождаемость, смертность, заболеваемость, эмиграция), численности жилищ, скота, главных элементов сельского хозяйства, промышленности и торговли (урожайность, размеры добычи и производства, численность рабочих и лошадиных сил, торговый ввоз и вывоз, доходность и пр.). В России первые переписи (населения и хозяйств) составлены в XIII в. татарами для сбора дани. С переходом сбора дани в руки князей переписывали шательщиков их писцы и данщики. В 1538–1547 гг. была составлена общая большая перепись; на основании ее податной единицей сделали меру распаханной земли.

Разновидностью переписных книг являлись писцовые книги, которые в Московском государстве XV–XVII вв. служили основанием для податного обложения. С тех пор писцовые книги составлялись периодически. По переписи 1676–1678 гг. все подати были переведены на дворы. Писцовые книги имели юридическое значение для владельцев как крепостные документы; это очень важный исторический источник для изучения экономической, финансовой, сословной стороны быта, генеалогии, этнографии и т. д.

К источникам по генеалогии непривилегированных сословий относятся дозорные книги, именные списки пашенных, оброчных крестьян и посадских людей и т. д. Дозорные книги – это разновидность писцовых книг в Русском государстве XVI–XVII вв., они составлялись писцами («дозорщиками») по челобитью местного населения, просившего о «дозоре», т. е. о проверке соответствия между размером оклада государственных налогов и платежеспособностью населения. Проведение «дозоров» было экстренной мерой (после стихийных бедствий, вражеских нашествий и других событий, приводивших к разорению края и делавших невозможной выплату налогов в прежнем размере). Когда правительство признавало правильность сведений, сообщенных дозорной книгой, то последняя заменяла при сборе налогов писцовую книгу.

В данном исследовании используются материалы Дозорной книги Тарского уезда 1701 г., хранящейся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)³⁶. В настоящее время сотрудники кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета ведут работу по подготовке рукописи «Дозорной книги Тарского уезда 1701 г.» к изданию, что подразумевает адаптацию текста XVII–XVIII вв. к современному русскому языку и подготовку комментариев к нему.

Обзор земель в конце XVII – начале XVIII вв. был произведен по указу правительства для выяснения многих обстоятельств, связанных с землевладением. В частности, необходимо было выяснить наличие земли у разных категорий населения – служилых (как русских, так и татар), ясачных, бухарцев и т. д. Также дозоры проводились с целью выявления населения, не платившего налоги.

Цель создания документа обозначена во введении: «А в 1698 г., 4 января, по указу Великого Государя царя и Великого князя Петра Алексеевича, всей Великой, и Малой, и Белой России самодержца, велено дворянину Ивану Родионовичу Качанову в Сибири Тобольского уезда, на Таре и в уездах Великого Государя, волости и слободы, и села, и деревни, и метрополищечьи, и монастырские, и церковные [земли]*, и у детей боярских, и у служилых людей, и у помянных, и у оброчных крестьян, и у бобылей, и у захребетников, и у татар, и у всяких чинов людей описать земли. И в тех волостях и слободах, и в селах, и в деревнях, и в метрополитчых, и в монастырских [землях], и у детей боярских, и служилых людей, и у крестьян переписать всяких чинов людей: и пришлых, и русских, и поморских городов, кто именно, с отчеством и прозвищем, и с какого города за кем жили, и как давно в Сибирь приехали, и сколько у них детей, и братьев, и племянников, и внучат, и пасынков, и в котором году и по какому указу поселились, и на каких землях, и сколько пашут крестьяне Великого Государя десятинной пашни, и платят денежный, и хлебный, и с мельниц, и с кузниц, и с рыбных ловель, и со всяких угодий оброк, а ясачные татары в казну Великого Государя [сколько платят] ясак. А, переписав, велено, смотря по пожиткам, и по семьям, и по пахоте, прибавить на крестьян Великого Государя десятинной пашни, и денежного, и хлебного оброков... – и на бобылей, и захребетников, и на пришлых из русских и из приморских городов людей десятинной пашни, и хлебный, и денежный оброк, и за мельницы и кузницы, и за рыбные и птичьи ловли, и за всякие угоды вновь положить и прибавить...»³⁷.

В данной книге переписано по поселениям (внутри – по дворам) все мужское население, указаны пашни, сенокосные и другие угоды, определяются местонахождения поселений и угодий, формы владения ими как у местного (татары), так и у пришлого (в основном русского) населения. Содержатся сведения по социальной стратификации населения. Одним из интересных моментов является описание споров по поводу угодий между местным и пришлым населением, о чем речь пойдет во второй главе.

Недостатком дозорных книг является то, что в них переписано только мужское население. Надо также отметить, что часть дозорных книг невозможно прочитать в связи с плохой сохранностью.

Одним из главных источников для генеалогических исследований, позволяющим получить необходимую информацию о предках, являются ревизские сказки – документы именной переписи податного населения Российской империи, охваченного ревизиями XVIII – середины XIX вв. Возникновение ревизских сказок как особого вида исторических источников непосредственно связано с реформой налогообложения, начатой в 1718 г. Тогда подворное налогообложение было заменено подушным, подати стали взиматься с «душ мужского пола». Проведение реформы потребовало организации подушного учета населения.

История ревизий и история ревизских сказок как вида исторических источников настолько неразрывно связаны, что отделять их друг от друга не имеет смысла. Ревизские сказки, оформленные в виде книги или тетради, содержат сведения, позволяющие судить о численности населения, его географическом размещении, социальном и половозрастном составе, семейном

* Слова в квадратных скобках добавлены мною.

положении, этнической принадлежности, а также решать вопросы миграции населения. Генеалогия в первую очередь должны интересоваться сведения о составе семьи и родственных связях внутри нее, а также даты рождения и смерти, информация о браках, разводах и рождении детей.

На протяжении XVIII – середины XIX вв. было проведено 10 ревизий: 1-я в 1719 г., 2-я – в 1744 г., 3-я – в 1763 г., 4-я – в 1782 г., 5-я – в 1795 г., 6-я – в 1811 г., 7-я – в 1815 г., 8-я – в 1833 г., 9-я – в 1850 г., 10-я – в 1857 г. Каждая из этих ревизий растягивалась на несколько лет, поэтому за год проведения ревизии историками обычно принимается ее «основной год», т. е. тот, в который было учтено большее количество населения. При работе с материалами ревизского учета следует принимать во внимание, что в ревизии учитывалось податное население, состав которого на протяжении XVIII–XIX вв. постоянно менялся, следовательно, менялась и степень представления в ревизских сказках всего населения страны. Так, 1-, 2- и 6-я ревизии учитывали только «души мужского пола», остальные же – и мужского, и женского. Как правило, учету подлежали все категории податного населения (а их, согласно списку, подготовленному по окончании 3-й ревизии, насчитывалось более 100 наименований), традиционно объединявшиеся в более крупные группы – крестьян (государственные, дворцовые и частновладельческие), посадских людей и купцов. Во всех без исключения ревизиях не участвовали дворяне, духовенство, отставные солдаты и драгуны, а также состав действующей армии и флота. Что же касается социальных групп, занимавших «промежуточное» положение между податными и привилегированными сословиями, то здесь государство пошло по пути постепенного освобождения их от подушной подати. Так, с конца XVIII в. учету не подвергаются купцы первой гильдии, государственные чиновники и разночинцы.

Единицей переписи была так называемая «ревизская душа», сохранявшая свою актуальность как налогоплательщик вплоть до следующей ревизии, несмотря на возможное изменение социального статуса, забор в рекруты или смерть. Сложности с выборкой и определением категорий населения объяснялись еще и тем, что сами ревизии являлись своего рода шагом на пути к выделению этих категорий, а не просто отражали уже устоявшуюся стратификацию общества. К концу 3-й ревизии, как уже отмечалось выше, был подготовлен список, включавший более 100 наименований категорий податного населения. Ясачное население Сибири стало учитываться только с 4-й ревизии.

Ревизия как процесс состояла из нескольких этапов, на каждом из которых возникали особые виды документов. Таким образом, ревизские сказки являются первичными материалами ревизии, сведения которых на следующих этапах обобщаются и структурируются, а также подвергаются дальнейшей обработке и тщательной проверке (отсюда собственно и название переписи – «ревизия»). Ревизские сказки подавались в местные органы власти (волостные правления, ратуши, затем городские думы), где составлялись перечневые ведомости – первый этап обобщения данных ревизских сказок в масштабах уезда, провинции и губернии, содержавшие сравнение данных текущей ревизии с уже проверенными данными предыдущей. На момент полного окончания ревизий составлялись генеральные таблицы, а с 4-й ревизии (1782 г.) начинают составляться окладные книги – общероссийские сводные материалы ревизии, предназначенные только для расчета податных сборов (поэтому в них отсутствуют сведения о женском населении и сопоставление с предыдущими ревизиями).

Долгое время четкого формуляра ревизской сказки не существовало: во время двух первых ревизий учитывались только лица мужского пола с указанием возраста; начиная с третьей ревизии вводится печатный бланк сказки, начинает учитываться и женское население, увеличивается количество данных, которое обязательно должна сообщать сказка по каждому учитываемому человеку. Только с 7-й ревизии (1815 г.) формуляр складывается окончательно: вводится новая, более простая форма структурирования данных, запись начинает вестись по семьям. С этого момента ревизская сказка содержит в себе следующие данные: название (год, месяц, число подачи, губерния, уезд, село, владелец крепостного селения, если сказка дана по помещицкому селу), графу с номером семьи, цифры состава семьи «по последней ревизии», число и состав «выбывших» и «прибывших» лиц, временно отсутствовавших, и итоговые данные «ныне налицо». В заключение стоят подписи ответственных лиц. В сказку записывалась одна семья за другой, на левой половине листа – мужчины, на правой – женщины.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о достоверности сведений, содержащихся в ревизских сказках и других материалах ревизского учета населения. Вполне естественно, что государство стремилось максимально увеличить количество «душ», облагавшихся налогом. Подлежавшие же учету слои населения (или их владельцы, если речь идет о помещичьих крестьянах) были заинтересованы в обратном, особенно это касалось раскольников, обязанных платить двойной налог. Как правило, серьезные искажения могут содержаться в информации о численности населения, учитывавшегося только для счета (например женского населения) и необязанного платить налог. В учете данной категории населения никто не был заинтересован, поэтому иногда он проводился непоследовательно и небрежно.

Таким образом, анализ ревизских сказок позволяет почерпнуть необходимую информацию для генеалогического исследования: имена, даты рождения и смерти, сведения о социальном статусе и семейном положении, а также ряд дополнительных сведений о предках. Для дополнения сведений, предоставляемых ревизскими сказками, часто используются другие документы церковного и административно-полицейского учета населения. Однако в большинстве случаев ревизские сказки остаются единственным и самым информативным, самым значимым источником для генеалогических исследований по истории семей XVIII – середины XIX вв.

Первая научная перепись населения произведена в России в 1897 г. В отличие от ревизий, преследовавших исключительно фискальную цель, она ставила задачу всестороннего изучения народной жизни. Вопрос о всеобщей переписи ставился не один раз. Но только к 1895 г. настоятельная ее необходимость была окончательно признана. Здесь важную роль инициатора и организатора сыграл Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский, ученый географ, статистик, в то время возглавлявший Русское географическое общество. 5 июня 1895 г. было высочайше утверждено Положение о Первой всеобщей переписи Российской империи. В ходе переписи учитывалось наличное, постоянное (оседлое) и приписное население Российской империи, которое было чрезвычайно сложным и пестрым по своему составу (национальному, религиозному, сословному, социокультурному), по типу хозяйственной деятельности, образу жизни и т. д.

Материалы переписи были обработаны и изданы в серии публикаций Центральным статкомитетом России. Всего было издано с 1897 по 1906 гг. 119 выпусков и томов материалов переписи. В них – общие сводные результаты переписи по империи, каждой губернии (области), а также по самым крупным городам – Санкт-Петербургу, Москве, Варшаве, Одессе. Отдельные выпуски показывали конфессиональный, сословный, профессиональный состав населения. Уже в дореволюционный период появляются крупные статистические публикации, содержащие более детальную разработку материалов переписи по какому-либо вопросу, например труд С.К. Патканова о национальном составе населения Сибири³⁸.

Досоветские и современные авторы отмечали недостатки в проведении переписи и обработке ее данных. Значение переписи 1897 г. для науки несомненно, но огромный пласт ее материалов до настоящего времени еще недостаточно введен в научный оборот. В то же время отметим, что в исследовательской литературе данные переписи постоянно используются³⁹. При всех очевидных достоинствах опубликованные материалы, к сожалению, не содержат сведений о семье и потому не могут быть использованы для изучения и реконструкции родословных.

Особую ценность для генеалогического исследования имеют первичные переписные листы 1897 г. К сожалению, исходные материалы переписи – первичные переписные листы – после обработки и публикации результатов переписи по Высочайшему повелению были уничтожены. Однако очень небольшая группа таких материалов – вторые экземпляры переписных листов, хранившиеся в губернских правлениях, – обнаружены в Центральном государственном историческом архиве Москвы (по Московской губернии), в Государственных архивах Архангельской и Тульской областей, в архиве Тобольска и Хабаровском музее краеведения.

Программа переписи 1897 г. была тщательно продумана, и в переписные листы внесены 14 признаков, по которым учитывалось население:

1) фамилия (прозвище), имя и отчество или имена, если их несколько (здесь же делалась отметка о физических недостатках человека – слепота, глухонмота или умалишенность, отсутствие руки, ноги, пальцев и т. д.);

- 2) пол;
- 3) кем записанный приходился главе хозяйства и главе своей семьи;
- 4) сколько минуло лет или месяцев от роду;
- 5) холост, женат, вдов или разведен;
- 6) сословие, состояние или звание;
- 7) родился ли здесь, а если не здесь, то где именно (губерния, город, уезд);
- 8) приписан ли здесь, а если не здесь, то где именно (губерния, город, уезд);
- 9) где обыкновенно проживает: здесь ли, а если не здесь, то где именно (губерния, город, уезд);
- 10) отметка об отсутствии, отлучке и о временном здесь пребывании;
- 11) вероисповедание;
- 12) родной язык;
- 13) грамотность: умеет ли читать, где обучался, обучается или закончил курс обучения;
- 14) занятие, ремесло, промысел или служба: главное (которое доставляет главные средства к существованию), побочное или вспомогательное; здесь же делалась отметка о положении по воинской повинности.

Такой набор пунктов, описывающий все стороны жизни людей, живших на момент переписи, позволяет всесторонне рассмотреть не только сословную, половозрастную и т. п. стратификацию общества, но и выделить этнические компоненты в составе населения, правда косвенным путем, т. к. вопрос об этнической принадлежности как таковой не ставился в данных переписных листах. Первичные переписные листы этой переписи постоянно используются для характеристики различных сторон жизни населения России⁴⁰.

Недостатками переписных листов как источника для генеалогических исследований являются не очень хорошее качество записи и незначительная в количественном отношении сохранность этого источника, о чем было сказано ранее. И все же материалы переписи 1897 г. уникальны, потому что она проводилась по очень широкой программе, столь полных сведений о месте рождения, сословном, профессиональном, национальном, половозрастном составе, грамотности прочие источники не дают.

Для истории крестьянских семей советского периода главнейшим источником являются похозяйственные книги, содержащие сведения об имени, отчестве, фамилии, возрасте, должности и профессии главы хозяйства, членах его семьи, их собственности, а также причинах выбытия из конкретного населенного пункта. Похозяйственные книги сохранились в фондах местных сельских администраций с 1930-х гг. по настоящее время.

Можно еще долго характеризовать источники, хранящиеся в архивах и имеющие значение для генеалогических исследований. Основная задача для архивистов сегодня – это публикация источников, где содержится генеалогическая информация, т. к. перелом, произошедший в общественном сознании в сторону историзма, гуманизации, интереса к человеку и личности в истории, качественно изменил и отношение к генеалогии, ее проблематике, родословию предков, человеческого рода в целом. Генеалогические изыскания возобновились повсюду, развернулись на всех уровнях, связываясь в общественном сознании с гуманизацией науки, духовным и культурным возрождением, переосмыслением опыта прошлого. Очень активно в последние годы ведутся работы по размещению архивных материалов в сети Интернет, предлагаются услуги по поиску предков и составлению родословных. Однако еще огромный объем архивных источников ждет как любителей, так и исследователей-профессионалов.

Помимо вышеперечисленных источников, в данном исследовании используются собранные в этнографических экспедициях родословные сибирских татар. Современные родословные татарского населения Западной Сибири в большинстве своем дают представление о двух-трех, реже четырех поколениях. Это относится не только к сибирско-татарскому населению, но это можно отнести и к большинству населения России. Основные генеалогические сведения, за редким исключением, датируются второй половиной XIX – началом XX вв. Соответственно встает проблема реконструкции генеалогических линий. В качестве основных источников в данном случае могут быть использованы массовые делопроизводственные материалы, в частности посемейные ревизские сказки и первичные переписные листы переписи населения 1897 г.

В ходе решения вопросов этнической истории представляется необходимым реконструировать, насколько это возможно, генеалогические линии всего населения на период последней четверти XVIII–XIX вв., т. е. начиная с имеющихся материалов 4-й (1782 г.) и 5-й ревизий населения (1795 г.). Реконструкция и изучение генеалогий такой значительной по численности группы населения требует комплексного подхода, специфических методов в оценке информационных возможностей источников и их дальнейшей обработки. К сожалению, при работе с материалами переписей населения пришлось столкнуться с рядом проблем.

Так, в большинстве своем мы имеем дело не с полным набором переписей, а лишь с его фрагментами. Это связано со слабой сохранностью переписных книг – практически нет ни одной татарской деревни, по которой бы сохранились материалы всех переписей населения. В ряде случаев из-за отсутствия материалов некоторых ревизий временной промежуток по имеющимся материалам настолько значителен, что не представляется возможной реконструкция генеалогических линий в связи с тем, что существует еще одна проблема – проблема идентификации. Решение ее в каждом конкретном случае зависит от целого ряда обстоятельств, а прежде всего от процесса фамилиеобразования и источниковедческой специфики ревизских сказок.

Следует отметить, что в XVIII–XIX вв. в татарских селениях данного региона дети получали фамилию, образованную от имени отца, в редких случаях – от имени деда. Соответственно в каждом новом поколении происходила смена фамилий, хотя это не были фамилии как таковые. Слово «фамилия» не имеет аналогов в языке сибирских татар и является заимствованием. Однако для удобства изложения материала в дальнейшем будем использовать это понятие. Например, в материалах 5-й ревизии по д. Абаул (в настоящий момент расположена на территории Вагайского района Тюменской области) имеются сведения о семье Еша Размстева, у которого были сыновья Айтак, Курманали, Натырбага, Юсуп. В материалах 7-й ревизии (1816 г.) переписаны отдельно семьи Айтака Ешева, Курманали Ешева, Натырбаги Ешева, Юсупа Ешева и семья Еша Размстева, у которого записаны младшие сыновья Абашалин и Уразмат. Смена фамилий происходила порой до 1920–1930-х гг.

При проведении всех переписей населения непосредственными исполнителями были в основном русские. Записанные со слуха имена и фамилии татарского населения не всегда соответствовали тому, как они звучали. Например, те же Ешевы из д. Абаул в материалах 10-й ревизии (1858 г.) записаны как Ияшевы, а в материалах переписи населения 1897 г. – Айшовы. Из всего вышесказанного следует, что при реконструкции генеалогий необходимо постоянно иметь в виду принадлежность того или иного лица к определенной семье, фамилии, поколению. Для идентификации лиц в таких случаях первостепенное значение приобретают данные по структуре и составу семьи, содержащиеся в ревизских сказках. В ходе работы с материалами переписей населения конца XVIII–XIX вв. возникали трудности и другого рода – трудночитаемый почерк, использование старославянской азбуки или вообще написание букв каким-то своим, характерным для одного человека способом.

Записи, имеющиеся в материалах 5–10-й ревизий и переписи населения 1897 г., используются следующим образом. Сведения о каждой семье заносят на отдельную карточку. Затем материалы располагают в таблицах с разбивкой по годам проведения переписей населения. В эти таблицы заносят только мужское население, т. к. реконструировать генеалогии по женской линии не представляется возможным. Однако в ряде случаев используются сведения и о лицах женского пола (когда главой записана женщина). Таблицы составляются отдельно для каждого населенного пункта. Затем они сравниваются между собой, в ходе чего выстраиваются генеалогические линии.

В дальнейшем составленные по материалам переписей населения конца XVIII – XIX вв. генеалогии сравниваются с генеалогиями, собранными в настоящее время среди татарского населения. Современные генеалогии не отражают смену фамилий, т. к. большинство информаторов об этом не помнят. В связи с этим возникает ряд затруднений при сравнении двух видов генеалогий, поскольку процесс смены фамилий был характерен и для начала XX в. Для того чтобы сопоставить современные родословные и реконструируемые по архивным материалам генеалогические линии, необходимо определить круг лиц, предки которых проживали

в данном населенном пункте хотя бы в конце XIX в. Для этого нами использовались генеалогические карточки, основанные на данных собранных в 1970-е – начале 2000-х гг. генеалогиях. На эти карточки заносят сведения о предках информатора по одной из линий (отцовской или материнской) с указанием места их рождения, времени переезда (если таковые имелись), смены фамилии в связи с замужеством. Именно по этим карточкам можно выяснить, какие фамилии были местными, а какие появились в данном конкретном поселении в связи с переездом их носителей.

При сборе современных родословных обязательно фиксируется этническая идентификация всех представителей конкретной семьи. Под влиянием различных факторов в новом поколении может произойти смена этнического самосознания. В этой ситуации у части людей остается этногенетическое сознание (знание об этнической принадлежности своих предков). Однако без использования других источников мы не можем судить о достоверности сведений, полученных из родословных. Именно сравнение современных родословных с архивными материалами подтверждает достоверность генеалогического источника.

Помимо архивных материалов, современных родословных, выписок из похозяйственных списков сельских советов (в настоящее время – администраций), использованы также устные рассказы и предания сибирских татар, собранные участниками этнографических экспедиций Омского госуниверситета и Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН среди сибирских татар в 1974–2004 гг. Данные материалы имеют разную сохранность и информативность, в связи с чем их научная ценность неодинакова. Ценность фольклорных источников измеряется также их объемами, большинство же текстов фрагментарны, что также снижает их информативность. Но с другой стороны, в ходе экспедиций были обследованы все населенные пункты татар, в которых были собраны практически все ныне бытующие фольклорные сюжеты, связанные с освоением данного региона, причем для них характерна вариативность.

Изучение исторических преданий сибирских татар по истории поселений И. В. Беличем, Ф. Т. Валеевым, Н. А. Томиловым и другими исследователями показало, что во многом они являются достоверными рассказами о прошлом, отдельные образцы которых свидетельствуют о глубокой исторической памяти народа. В то же время фольклорному сознанию присущи специфические пространственные и временные представления. Особенностью исторических преданий является нередкое смещение хронологических рамок событий, описываемых в этих преданиях. Имеющиеся документальные источники позволяют либо доказать, либо опровергнуть достоверность преданий, а также поставить новые вопросы, подвигнуть исследователя на дальнейшие поиски архивных материалов. Сопоставление преданий с историческими документами не есть сопоставление с самой исторической действительностью. Часто вместо решения проблемы мы получаем вопросы, на которые либо не можем ответить на данном этапе исследования, либо высказываем догадки, пока не подтвержденные документально.

В качестве источников были использованы выписки из описей дел и указатели к делам, включенные в сшитые тома⁴¹. Такие списки позволяют указать тип поселения (деревня, заимка, выселки), время заселения (существующее или вновь заведенное и т. д.), численность населения. Списки населенных пунктов содержат также краткую историю населенного пункта в том виде, как она была известна волостным писарям. В качестве источников были использованы и опубликованные в разное время справочные издания, в частности работа С. К. Патканова «Статистические данные, показывающие племенной состав населения, язык и роды инородцев»⁴², списки населенных мест, которые в конце XIX – начале XX вв. составляли губернские статистические комитеты⁴³; справочное издание «С днем рождения, родной край»⁴⁴.

Все эти источники позволяют учесть число поселений на разные периоды времени, состав населения в них, выявить даты основания разных населенных пунктов. Тем не менее эти источники – разные по своему происхождению. Списки населенных мест составлялись на основе статистических данных по строго определенной формуле: центр волости, входившие в волость деревни, количество земли в пользовании жителей селения, количество дворов, число жителей.

Кроме того, в работе используются этнографические описания XVIII–XIX вв., где даны географические, хозяйственные, этнические характеристики поселений татар данного региона, а также картографический материал XVIII–XX вв.

Примечания:

- ¹ Леонтьева Г. А., Шорин П. А., Кобрин В. Б. Вспомогательные исторические дисциплины. – М., 2000. – С. 6.
- ² Аксенов А. И. Очерк истории генеалогии в России // История и генеалогия. – М., 1977. – С. 79.
- ³ Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв.: (Енисейский край). – М., 1964; Бояришинова З. П. Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1967. – Вып. 3. – С. 13–17; и др.
- ⁴ Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. – Омск, 1973; Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. – Новосибирск, 1989; и др.
- ⁵ Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственно-го и семейного быта (XIX – начало XX вв.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. – М., 1969. – С. 157–161; Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. – Л., 1967. – С. 165–170.
- ⁶ Громыко М. М. Социально-экономические аспекты изучения генеалогии непривилегированных сословий феодальной Сибири // История и генеалогия. – М., 1977. – С. 201.
- ⁷ Борисенко М. В. К характеристике источниковой базы по истории семей сибирских крестьян-переселенцев (конец XIX – начало XX вв.) // Изв. Омск. гос. ист.-краевед. музея. – 1993. – № 2. – С. 61–69.
- ⁸ Тарасов-Борисенко М. В. Ареал генеалогии русских крестьян: Проблемы и опыт микроисследований по материалам Тобольского и Тарского уезда конца XVI – начала XX вв. – СПб., 2001. – С. 3.
- ⁹ Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. – М., 1988; Кротов М. Г. Опыт изучения генеалогии крепостного крестьянства по массовым источникам (на материалах сельца Захарова) // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. – М., 1989.; Прохоров М. Ф. О генеалогии крестьянских семей в России в XVII – первой половине XIX вв. (по материалам Покровской вотчины Нарышкиных) // Генеалогические исследования: Сб. науч. тр. – М., 1994. – С. 160–168; и др.
- ¹⁰ Тарасов-Борисенко М. В. Ареал генеалогии русских крестьян. – С. 11–130.
- ¹¹ Подробнее см.: Томилов Н. А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). – Томск, 1993. – С. 8–10.
- ¹² Васильев В. И. Методические аспекты исследования этногенеза и этнической истории народов Севера: На самодийских материалах // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск, 1976. – С. 184–186; Он же. Проблемы формирования северосамодийских народностей. – М., 1979; Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. – Л., 1973; Лашук Л. П. Формирование народности коми. – М., 1972.
- ¹³ Томилов Н. А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири); Он же. О методологии гуманитарных наук // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. – Томск, 2002. – С. 20–21.
- ¹⁴ Томилов Н. А. О методологии гуманитарных наук. – С. 20–21.
- ¹⁵ Там же. – С. 21.
- ¹⁶ Валеев Ф. Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв. (Историко-этнографические очерки). – Казань, 1980; Ериш И. А. Некоторые проблемы изучения этнического самосознания сибирских татар // Народы Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 1995. – С. 132–139; Томилов Н. А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. – Томск, 1978.
- ¹⁷ Корусенко С. Н., Кулешова Н. В. Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. – Новосибирск, 1999.
- ¹⁸ Кузеев Р. Г. Этногенетика башкир (к вопросу об этнографическом источниковедении) // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск, 1981. – С. 28.
- ¹⁹ Тарасов-Борисенко М. В. Ареал генеалогии русских крестьян. – С. 38.
- ²⁰ Афанасьева Г. М., Симченко Ю. Б. Методика генеалогических описаний и использование их для сбора сведений о номенклатурах родства и брачных нормах // Материалы к серии «Народы и культуры». – Вып. XXI: Методика этнологических и антропологических исследований. – Кн. 1. – М., 1992. – С. 5.
- ²¹ Там же. – С. 11–12.

²² *Томилов Н. А.* Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). – Томск, 1993. – С. 124–152.

²³ *Корусенко С. Н., Кулешова Н. В.* Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. – Новосибирск, 1999. – С. 122–195.

²⁴ *Васильев В. И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. – М., 1979; *Перевалова Е. В.* Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург, 2004; *Пивнева Е. А.* Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVII–XX вв.). – М., 1999; *Соколова З. П.* Эндогамный ареал и этническая группа (на материалах хантов и манси). – М., 1990; и др.

²⁵ *Кулешова Н. В.* Межэтнические связи барабинских татар (по данным массовых записей генеалогий) // Роль этнографии в идеологической работе и в ускорении социально-экономического развития общества. – Омск, 1987. – С. 140–142; *Она же.* Генеалогии как историко-этнографический источник (по материалам тюркоязычного населения Барабинской степи) // Этническая история и культура народов Советской страны. – Омск, 1991. – С. 48–49; *Она же.* К характеристике современного этнического состава тюркоязычного населения Барабинской степи // Индустриальные тенденции современной эпохи и гуманитарное образование. – Омск, 1992. – Т. I. – С. 31–34; *Она же.* Генеалогия барабинских татар (к вопросу о глубине исторической памяти) // Проблемы культурогенеза и культурного наследия: Материалы к конф. – СПб., 1993. – Ч. III: Этнография и изучение культурных процессов и явлений. – С. 59–61; *Она же.* Генеалогия в изучении этнической истории барабинских татар XIX–XX вв. // Ислам, общество и культура. – Омск, 1994. – С. 90–92; *Она же.* Коренные барабинские татары (по генеалогическим данным) // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. – Т. II: Археология и этнография. – Новосибирск, 1995. – С. 151–153; *Она же.* Браки барабинских татар в 1900 – начале 1970-х гг. (по данным генеалогий) // Россия и Восток: археология и этническая история. – Омск, 1997. – С. 186–188; *Она же.* Использование генеалогических данных для изучения территориальных групп барабинских татар в конце 19 – первой половине 20 вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Владивосток; Омск, 2000. – С. 90–91; *Она же.* Семейные родословные и изучение локальной истории этнической группы (на примере барабинских татар) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Тез. докл. и сообщ. IV регион. науч.-практ. конф. – Омск, 2000. – С. 151–154; *Томилов Н. А.* Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья (этническая история, быт и духовная культура). – Томск, 1983. – С. 7–54; *Он же.* Статистика генеалогии как источник по изучению этнического состава населения // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. – Барнаул, 1983. – С. 107–110; *Томилов Н. А., Кузнецова Н. В.* Опыт изучения этнического состава барабинских татар // История, археология и этнография Сибири. – Томск, 1979. – С. 96–103; и др.

²⁶ *Томилов Н. А.* Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. – Омск, 1987; *Он же.* Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). – С. 124–152.

²⁷ *Корусенко С. Н.* Проблемы выявления различных компонентов в современном этническом составе татар Среднего Прииртышья: к вопросу о взаимодействии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Тез. докл. – Ч. III. – Челябинск, 1995. – С. 152–155; *Она же.* Генеалогии и этническая история курдакско-саргатских татар // История и культура Сибири: Материалы отчетной сессии Омского филиала ОИИФФ. – Омск, 1996. – С. 39–42; *Она же.* Устная генеалогическая традиция татар Среднего Прииртышья // Материалы третьего науч.-практ. семинара Зап.-Сиб. регион. вуз. центра по народной культуре. – Омск, 1996. – С. 73–76; *Она же.* Методика реконструкции генеалогий татарского населения Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; Уфа, 1997. – С. 74–76; *Она же.* Генеалогические исследования сибирских татар: итоги и перспективы // Сибирские татары: Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» – Омск, 1998. – С. 88–90; *Она же.* Этническая генеалогия – новое направление отечественной этнографии // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 1999. – С. 78–81; *Корусенко С. Н., Кулешова Н. В.* Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар; и др.

²⁸ *Бережнова М. Л., Корусенко С. Н.* Использование архивных фондов для изучения этнического состава населения Западной Сибири конца XVIII – XIX вв. // Музей и общество на пороге XXI в. – Омск, 1998. – С. 247–248; *Они же.* О методах изучения этнической истории русских Сибири // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов

Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 2000. – С. 268–270; *Герасимова Л. Б.* Генеалогии русских крестьян Среднего Прииртышья как этнографический источник // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 2000. – С. 277–279; *Герасимова Л. Б.* Семья и семейно-родовые кланы русских Омского Прииртышья // Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX вв.). – Омск, 2002. – С. 52–76; и др.

²⁹ *Савелов Л. М.* Лекции по русской генеалогии. – М., 1994. – С. 38.

³⁰ *Елпатьевский А. В.* О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований // Археографический ежегодник за 1971 г. – М., 1972. – С. 72–88.

³¹ *Тарасов-Борисенко М. В.* Ареал генеалогии русских крестьян: Проблемы и опыт микроисследований по материалам Тобольского и Тарского уезда конца XVI – начала XX вв. – С. 66.

³² *Валеев Ф. Т.* Родословные записи (шэжэрэ) сибирских татар как историко-этнографический источник // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. – Омск, 1991. – С. 99–100.

³³ *Савелов Л. М.* Лекции по русской генеалогии. – С. 13.

³⁴ *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. – М., 1981.

³⁵ *Антонов Д. Н., Антонова И. А.* Метрические книги: время собирать камни // Отечеств. архивы. – 1996. – № 4. – С. 15–28; № 5. – С. 29–42; *Горюшкин Л. М.* Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. – Новосибирск, 1988. – С. 60; *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). – М., 1963. – С. 78–82; *Миненко Н. А.* Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX вв. – Новосибирск, 1981. – С. 16; *Палли Х.* Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях // История СССР. – 1982. – № 1. – С. 87–93; *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки. – М., 1956. – С. 37; *Тарасов-Борисенко М. В.* Ареал генеалогии русских крестьян. – С. 88–89; и др.

³⁶ *РГАДА.* Ф. 214. Кн. № 1182. Л. 1–425 (Для данного региона используются листы № 348–391. См. Приложение 1).

³⁷ Там же. Л. 1.

³⁸ *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения, язык и роды инородцев. – Т. II. – СПб., 1911.

³⁹ *Аксенов А. И.* Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. – М., 1993; *Борисенко М. В.* Первая перепись населения Российской империи 1897 г. как источник по истории крестьянских семей // ИРГО. – 1995. – Вып. III. – С. 12–19; *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. (По материалам ревизий). – М., 1971; *Он же.* Народонаселение России в XVII – первой половине XIX вв. (по материалам ревизий). – М., 1963; *Миненко Н. А.* Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX вв. – Новосибирск, 1981; *Население России за 100 лет (1811–1913 гг.).* Статистические очерки. – М., 1956; *Подъяпольская Е. П.* Ревизские сказки как исторический источник // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия: Сб. ст. – М., 1952. – С. 311–321; и др.

⁴⁰ *Сагайдачный А. Н.* Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. – Новосибирск, 2000; *Тарасов-Борисенко М. В.* Ареал генеалогии русских крестьян.

⁴¹ Например: ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 31; Ф. 417. Оп. 2.

⁴² *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения, язык и роды инородцев. – Т. II. – СПб., 1911. – С. 70–72.

⁴³ *Волости и населенные места 1893 г.* – СПб., 1894. – Вып. 10: Тобольская губерния.

⁴⁴ *Янин В. В., Машикарин М. И.* С днем рождения, родной край: к истокам основания поселений Омского Прииртышья. – Омск, 1999.

ГЛАВА 2

РАССЕЛЕНИЕ ТАТАР ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Складывание и развитие сети поселений – неотъемлемая часть процесса заселения и освоения людьми любой территории. Тюркское население стало осваивать Тарское Прииртышье с конца I тыс. н. э., ассимилируя или оттесняя местное угорское население в более северные районы. К концу XVI – началу XVII вв. на данной территории возникла сеть тюркских поселений, большинство из которых являлись сезонными (летники и зимники), т. к. основным видом хозяйственной деятельности было полукочевое скотоводство.

Система расселения тюркского населения в данном регионе с конца XVII в. претерпевает значительные изменения, обусловленные, с одной стороны, освоением этого региона русскими, с другой – переселением бухарцев и поволжско-приуральских татар, с третьей – социально-экономическими переменами в годы советской власти. Значительно изменились характеристики системы расселения – численность населенных пунктов, типология поселений, состояние связей между ними и т. д. События второй половины XX в. очень сильно повлияли на систему расселения в нашей стране. Сеть сельских поселений в данном регионе, как и по стране в целом, сокращается, что обусловлено и процессом урбанизации, и политикой государства по ликвидации бесперспективных деревень, и реформами 1990-х гг. С точки зрения общества в целом, внимание к истории поселений (родного села или деревни) – проявление любви к своей малой родине и истории своего народа.

Под *системой расселения* мы понимаем территориальное сочетание поселений, между которыми более или менее четко распределены функции, а также существуют производственные и социальные связи. Система расселения складывается постепенно в процессе освоения определенного пространства. Новосибирский ученый В. Н. Курилов так писал о необходимости изучения проблем расселения в этнографии: «...со становлением этнографии как отдельной научной дисциплины аспект пространственной определенности этноса включается как обязательный элемент в этнографическое ...исследование. Пространственная (географическая) определенность является неотъемлемой характеристикой каждого этноса и его основных субэтнических подразделений. <...> К ...условно говоря, «социальной этногеографии» принадлежит исследование такого важного, едва ли не базового, элемента этнической культуры, как характер расселения, определяющийся через типологию поселений (стационарных или временных) и их взаимосвязей в этническом ареале»¹. Курилов, полемизируя с другими авторами, указывает на то, что характер расселения любых групп населения является этнически обусловленным².

В конце XVII – начале XVIII вв. территория Тарского Прииртышья входила в зону активного освоения русскими. Государство создавало структуры для включения местного населения в систему государственного налогообложения, что предполагало учет, документы которого и сохранились в архивах. На протяжении XVIII в. по причине активного освоения этого региона русскими определенным образом изменяется система расселения местного тюркоязычного населения. В XVIII – первой половине XIX вв. система расселения в целом сложилась и приобрела определенную устойчивость. Но массовые переселения в Сибирь, начавшиеся во второй половине XIX в., а также события XX в. изменили систему расселения в регионе. В рассматриваемые 300 лет укладываются сложные процессы прибытия, размещения и адаптации в этих местах новых групп населения, среди которых были русские Европейской России, поволжско-приураль-

ские татары и бухарцы, а также поэтапная трансформация общества в целом, связанная с изменениями государственного устройства России и законодательства, что влияло на поселенческую структуру сельского населения. Таким образом, рассмотрение событий именно XVIII–XX вв. позволит сделать обоснованный вывод о том, какими чертами обладала система расселения татар и как она менялась во времени.

Формирование системы поселений татар в XVIII – первой половине XIX века

В настоящее время на территории Тарского Прииртышья расселена группа тарских татар, граничащая с одной стороны с курдакско-саргатскими, с другой – с барабинскими татарами. Формирование этой группы происходило в XVI–XIX вв., и особенности ее формирования обусловлены этническими компонентами, составившими основу этой группы.

В XVI в. тарские татары находились в составе Сибирского ханства. Территория их расселения – часть Среднего Прииртышья примерно от р. Оши и до устья р. Оми. Часть тарских татар проживала тогда и в бассейнах рек Тары, Уя и Оши, постепенно осваивая все более широкую территорию. В южных и юго-западных районах расселения тарские татары граничили с кочевническим миром различных тюркских, а затем и монгольских племен³. На востоке тарские татары уже в тот период жили на землях, прилегавших к территории барабинских татар.

В XVII в. граница расселения местных татар стала понемногу отодвигаться на север в связи с приходом в южные районы Западной Сибири калмыков, которые начали теснить аялынцеv и барабинцев с р. Оми и грабить их хозяйства⁴.

В XVII в. территории расселения тарских татар активно осваиваются русскими. В XVII – первой половине XVIII вв. возникают их многочисленные поселения, в результате чего русские стали постепенно отеснять татар и селиться с ними чересполосно.

В составе тарских татар исследователями были выделены две локальные группы: аялы и туралы. Как отмечает Н. А. Томилов, изучение степени замкнутости указанных групп позволило выяснить, что аялынская группа территориально смыкается, а кое-где пересекается с туралинскими татарами, что она имеет низкую степень эндогамной замкнутости (65 % внутригрупповых браков по материалам ревизии населения 1795 г.) и тесно связана с туралинцами⁵. Таким образом, аялынские и туралинские татары, по существу, представляют собой по крайней мере с XVI в. одну группу. С ней и следует связывать название «тарские татары», поскольку основная их территория простирается вокруг и южнее г. Тары, а сами себя местные татары нередко именуют этнонимом *тарлык* (*тарлик*).

Сведения путешественников и ученых конца XVI–XIX вв. о поселениях сибирских татар представлены в работе Томилова⁶, в которой описаны наиболее ранние типы поселений – городки, а также летники и зимники тоболо-иртышских, в т. ч. и тарских татар. Большинство приведенных им сведений касается все-таки более северных районов, прежде всего Тоболо-Тюменского региона, где тюркское население стало оседлым несколько раньше, чем в Тарском Прииртышье, т. к. именно там располагался центр Сибирского ханства. Формирование системы постоянных поселений тарских татар приходится на XVII–XVIII вв.

Немного дошло до нас сведений о населенных пунктах тарских татар, которые были у них до появления в этих местах русских. Это Малый городок у оз. Большие Мурлы и Каратура (Черный город), который стоял, по одним данным, между устьями рек Тары и Оми, близ большого озера (тогда это тоже оз. Большие Мурлы, которое раньше называлось Улькуль), по другим – на Иртыше, ниже будущей Чернолуцкой слободы, в 40 км от нее. С. В. Бахрушин предполагает, что г. Каратура был основан сыном Кучума – Али⁷.

В 1625 г. в Аялынской волости, в которой и проживали все аялынцеv, значилось 15 деревень: Верхний Тунус, Кетешева, Кошбахтина, Бергамак, Абай-томак, Сеиткулова, Чеплярева,

Тар-Томак, Рухледь, Буксунова, Буян, Большая, Байгильдеева, Уй-томак, Ашут⁸. Основная часть аялынцев была расселена тогда в Прииртышье южнее туралинцев, начиная от устья Тары, впадающей в Иртыш. Наиболее северные их селения подходили вплотную к территории туралинцев – второй подгруппы тарских татар.

Туралинцы, пожалуй, одна из самых интересных в плане этнического развития этнографических групп сибирских татар. Связано это, прежде всего, с путаницей в употреблении термина «туралы». Вот как освещен этот вопрос в работе Н. А. Томилова о тюркоязычном населении юга Западной Сибири: «Башкиры называли тобольских и тюменских татар туралы, что означало «оседлые». И. Г. Георги писал, что туралы или туралинцы – это городские (от слова тура – город) или «остепеневшиеся на одном месте люди». Он употреблял это название по отношению к тюменским и туринским татарам. Наконец, туралами... именовалась небольшая группа тарских татар»⁹. В научных трудах туралинские татары рассматриваются как этническая (Ф. Т. Валеев) или локальная (Н. А. Томилов) группа тарских татар. Среди диалектов сибирских татар существует и выделенный В. В. Радловым туралинский диалект, наличие которого подтверждается и в работе Д. Г. Тумашевой¹⁰. Казалось бы, вопрос о дифференциации тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины и существовании такой группы в составе именно тарских татар решен¹¹, однако в фундаментальном исследовании «Татары» туралинскими татарами названа одна из групп «местных татар» – тюменская¹².

Согласно Томилову, туралинскими названы те татары, которые образовались непосредственно от группы туралы¹³. В то же время необходимо отметить, что в монографии Б. О. Долгих, в которой выделяются родо-племенные подразделения народов Сибири, в Тарском уезде конца XVI–XVII вв. нет названия племени туралы¹⁴. Всех татар, проживавших вверх по Иртышу южнее курдакско-саргатских татар, Долгих причислял к аялынцам, а среди них выделял еще «малогородцев» и юртовских служилых татар. Относительно «малогородцев» им доказано, что они были аялынцами, жившими в Малом городке и первоначально выделявшимися русскими в самостоятельную Малогородскую волость. Поскольку других волостей здесь не было, то туралинцы, казалось бы, не могли быть выделены в составе тарских татар XVII в., тем более что сам термин «туралы», как уже отмечалось, неоднозначен в употреблении, что вносило определенную путаницу и могло вызвать сомнение в существовании туралинских татар отдельно от аялынцев.

И все же исследователи выделяют в составе тарских татар группу туралы. Н. А. Томилов считает, что туралы так же, как и курдаки и аялы, с древних времен живут в Сибири, т. к. «В. В. Радлов писал о тарских туралы и выделял в XIX в. туралинский диалект, правда, определяя его носителями, видимо, и аялынцев»¹⁵. Еще одним доказательством существования этой локальной группы, приведенным Томиловым, является факт наличия собственных селений у служилых татар, которые и представляли основу формирования данной группы: «Б. О. Долгих полагал, что тарские служилые татары происходили из волости Аялы. В этом случае, казалось, они должны были бы и жить в селениях этой волости. Но дело обстояло не совсем так: служилые татары и их захребетники¹⁶ имели свои собственные селения. При нанесении на карту юрт аялынских татар сразу же бросилось в глаза, что между ними и саргатско-утузскими татарами (одной из локальных групп соседних курдакско-саргатских татар) в Прииртышье существовал небольшой территориальный разрыв, т. е. как бы имелось пустое, не занятое татарами место. Эта территория располагалась по Иртышу вверх и вниз от Тары. Но именно здесь-то как раз и жили служилые татары и их захребетники. В XVIII в., когда многие из них оказались в составе ясачных татар, здесь возникла отдельная Подгородная волость»¹⁷.

Однако далее Н. А. Томилов отмечает, что «особенности этнического состава туралинцев остаются пока до конца еще неясными»¹⁸. И это действительно так. Как известно, для периода XVII–XIX вв. в исторических источниках отмечается не этническая, а социальная и/или сословная принадлежность. Поэтому при выяснении этнического состава туралинских татар основное внимание необходимо уделить этносоциальным (где социальное – главное составляющее слова) группам. Прежде всего, остановимся на такой социальной категории, как служилые татары и их захребетники, которые составили один из компонентов туралинских та-

тар¹⁹. Подробно эта социальная группа проанализирована в работе С. В. Бахрушина «Сибирские служилые татары в XVII в.»²⁰. Автор выводит происхождение татарского служилого сословия от прежних феодалов-«тарханов», куда он включает туземных князей (беков), мурз, племенных князцов и отчасти духовную знать. Звание служилого татарина было наследственным. Служилые татары несли разнообразные воинские повинности наравне с русскими служилыми людьми, участвовали в ямской гонимости, использовались для различных поручений, требовавших знания местных условий и связей с населением²¹. Представители данной социальной группы были освобождены от уплаты ясака. Если исходить из этих истоков формирования служилых татар, то можно предположить, что в составе служилых татар Тарского уезда было значительное количество местного тюркоязычного населения и, прежде всего, аялынцеv. Впрочем, это предположение было выдвинуто еще Б. О. Долгих²².

В услужении у этой социальной группы татар были захребетники – «обедневшие сородичи, которые по тем или иным причинам не вошли в разряд служилых» и, «живя «за хребтом» более состоятельных своих соплеменников... были обязаны своим хозяевам известными повинностями»²³. Бахрушин указывал, что основную массу захребетников все же составляли чужеродцы. В то же время необходимо отметить, что в количественном отношении служилых и захребетных татар было немного по сравнению с общей массой ясачных людей. На протяжении всего XVII в. количество дворов у данных социальных групп не превышало 60 (на территории расселения туралинских татар).

В Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. вокруг Тары зафиксировано по 59 дворов служилых и захребетных татар²⁴. В материалах этой книги можно отметить следующий факт: если при написании названия деревни ясачных татар (в данном случае это в основном аялынцеv) обязательно указывалась Аялынская волость, то при написании названия деревень, где проживали служилые татары, волость не указывалась. В Приложении 1 представлен фрагмент этой книги (Л. 348–391), в котором переписано татарское население Тарского Прииртышья, а именно того района, который и является объектом исследования в нашей работе.

Остановимся еще на одном интересном факте, который обнаруживается при сопоставлении данных Б. О. Долгих о тарских татарах первой четверти XVII в., взятых из ясачных книг, и Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. Долгих перечисляет населенные пункты татар исследуемой территории – это 15 деревень Аялынской волости: Верхний Тунус, Кетешева, Кошбахтина, Бергомак, Абай-Томак, Сеиткулова, Чеплярева, Тар-томак, Рухлерь, Буксунова (Темшиняково она же), Буян, Большая, Байгильдеева, Уй-томак, Ашут²⁵. При сравнении этих двух источников оказывается, что деревень, заселенных в конце XVII в. служилыми и захребетными татарами, в первой четверти XVII в. «не существовало»!

Здесь бы хотелось остановиться на том моменте, когда происходит перевод служилого населения на землю. Пожалуй, наиболее подробно вопрос освещен в работе Н. Г. Аполловой, касающейся именно территории Прииртышья, куда входил и Тарский уезд. Автор рассматривает этот процесс относительно русского служилого населения, отмечает, что начало оседания на землю служилого населения происходило в первой четверти XVII в., и приводит в пример данные Дозорной книги Тарского уезда 1624 г., в которой были переписаны селения служилых людей, представлявшие в этот период в большинстве своем деревни-однодворки²⁶. На протяжении XVII в. служилые люди постепенно осваивают все больше земельных угодий. Аполлова пишет о двойственности политики правительства по отношению к служилым людям в XVII в.: «Добиваясь «государевых прибылей» и экономии в хлебе, оно стремилось урезать хлебное жалование служилых или совсем не выдавать его, переводя их на службу с пашни. С другой стороны, не желая отрывать их от своих служебных обязанностей, особенно казаков от разъездной службы, правительство пыталось установить норму земельного держания»²⁷.

Можно предположить, что у служилых татар имелись свои земельные угодья до оседания на землю русских служилых людей, т. к. в состав служилых татар, по мнению С. В. Бахрушина, вошли туземные князья, мурзы, племенные князцы и отчасти духовная знать. В ясачных книгах, в которых переписано ясачное население Аялынской волости, нет о них сведений,

т. к. они не платили ясак. В то же время в деревнях Аялынской волости, помимо ясачных татар, зафиксированы захребетные люди. Таким образом, можно предположить, что у служилых татар имелись свои земельные наделы и населенные пункты, сведений о которых по понятным причинам нет в ясачных книгах. Но, учитывая тот факт, что основной деятельностью служилого сословия являлось выполнение разнообразных воинских повинностей, представители этой социальной категории использовали для обслуживания своих земель захребетников.

К концу XVII – началу XVIII вв. ситуация на территории Тарского уезда становится более стабильной: русские продвинулись уже далеко вверх по Иртышу, прекратились набеги калмыков и т. д. Поэтому именно в это время происходит увеличение количества «оседлых» служилых людей, приписанных к различным деревням и имевших в своем распоряжении значительные земельные угодия. Таким образом, мне представляется, что начиная со второй четверти и на всем протяжении XVII в. идет процесс оседания служилых татар на землю и возникают вышеназванные деревни служилых татар и их захребетников, т. е. так называемых туралинских татар.

Сведения о количестве поселений тарских татар предоставляет нам Дозорная книга Тарского уезда 1701 г., в которой указаны не только названия деревень, но и места их расположения. Здесь уже имеются сведения о 25 населенных пунктах. Материалы Дозорной книги Тарского уезда можно хорошо проиллюстрировать картами «Хорографической чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова, которые охватывают 1697–1711 гг. Данный источник стал доступен благодаря усилиям работников Омского государственного историко-краеведческого музея А. Б. Матвеева и Л. Я. Яворской, реконструировавшим по ксерокопиям опубликованной в 1958 г. в Гааге книги (факсимильное издание) листы С. У. Ремезова²⁸.

Количество дворов в населенном пункте не превышало 30, в основном же многие поселения были небольшими. Причем надо принимать во внимание, что учет населения в это время велся «из рук вон плохо», большая часть ясачного населения укрывалась. В поселениях на самом деле было намного больше дворов, т. к. там жили бухарцы, которые не записаны в эту книгу, – это, например, «деревня Шиховых юрт», «деревня Атацких юрт» и ряд других (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о поселениях тарских татар в начале XVIII в.*

Название населенного пункта **	Географическое положение	Социальные группы насельников ***
«Деревня Кыргакских юрт»	Над р. Иртышом	Служилые (13), захребетные (17)
«Деревня Аиткуловых юрт»	Над р. Иртышом	Служилые (12), захребетные (18), ясачные (1)
«Деревня Атацких юрт»	Над р. Иртышом	Служилые (3), захребетные (3)
«Деревня Иткучукова Атацкая Усеинова та ж»	Над р. Иртышом	Служилые (6), захребетные (1), казанец (1)
«Деревня Шиховых юрт»	Над р. Иртышом на Красном Яру	Служилые (1)
«Деревня Усть-Тарская Тартамак та ж»	На устье р. Тары	Ясачные (23)
«Деревня Чипляровых юрт»	–	Ясачные (25), казанцы (1)

Название деревни**	Географическое положение	Социальные группы населения***
«Деревня Инцыских юрт Абайтамак Сеиткулова та ж»	–	Ясачные (14)
«Деревня Биргамацких юрт»	–	Ясачные (19)
«Деревня Кожбахта Сарыбаева Чертанлинская та ж»	–	Ясачные (22)
«Деревня Темшенякова Мантабарова Кукунова та ж»	–	Ясачные (6)
«Деревня Сабанчеева Алменова та ж»	–	Ясачные (15)
«Деревня Рухляева»	Над р. Иртышом	Ясачные (15)
«Деревня Туралинских юрт»	Над р. Ошей	Служилые (7), захребетные (10), ясачные (1)
«Деревня Бугенских юрт»	Над р. Ошей	Ясачные (4)
«Деревня Енгачаковых юрт»	Над р. Ошей	Ясачные (4)
«Деревня Темшенякова»	Над р. Иртышом	Ясачные (3)
«Деревня Буянова»	Над р. Иртышом	Ясачные (9)
«Деревня Большая»	Над р. Иртышом	Ясачные (6)
«Деревня Верхняя»	Над р. Иртышом	Ясачные (8)
«Деревня Бабина»	Над р. Иртышом	Служилые (5), захребетные (4)
«Деревня Сеитова Булунбаева Апталова та ж»	Над р. Иртышом	Служилые (6), захребетные (2)
«Деревня Байтуганова»	Над р. Иртышом	Служилые (6), захребетные (4), «и в той же деревне живут Аялынской волости ясашные татаровя» (7)
«Деревня Утамацкий юрт»	Над р. Иртышом	Ясачные (2)
«Деревня Красноярская»	–	Ясачные (4)

* Составлено по: Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 348 об. – 391).

** Порядок перечисления деревень и написания их названий соответствуют таковым в Дозорной книге.

*** В скобках указано количество глав семей.

Необходимо отметить и то, что некоторые поселения имели 2 названия. Например, это Индические юрты, второе название здесь связано с именем и фамилией старейшины – «деревня Индский юрт Абайтамак Сеиткулова та ж», д. Чертанлинская – Кожбахта Сарыбаева и т. д. В начале 1720-х гг. Д. Г. Мессершмидт указывал на бытование у тарских татар следующего топонимического обычая: «...Деревня зовется по имени известных и старейших, и как отец умирает, то она по сыну называется»²⁹. И здесь же, как отмечает Н. А. Томилов, он привел факт, когда д. Себеляково называли то по имени знаменитого местного татарина Себеляка, то по имени его сына Байтигана³⁰. На самом деле, это д. Байтуганова (по материалам 1701 г.), второе название которой в этих материалах не зафиксировано, но в результате сравнений с рядом документов выяснилось, что позднее это Себеляково.

При выяснении системы расселения и влияния на нее разнородных этнических компонентов нельзя обойти стороной такую этносоциальную группу в составе тарских татар, как юртовские бухарцы. Эту группу следует рассматривать в контексте этнической истории туралинских татар.

Бухарцы оседали здесь еще до появления русских и смешивались частично с аялыпцами. «Бухарцы» – это обобщающее название узбеков, таджиков, уйгуров и некоторых других народов, переселившихся из Средней Азии в районы Западной Сибири в XVI–XVIII вв.³¹

Начало переселения бухарцев в Сибирское ханство в период правления Кучума относится к моменту захвата им власти, т. е. они пришли вместе с Кучумом. Постоянные контакты населения Западной Сибири с жителями Средней Азии осуществлялись в то время также благодаря караванной торговле бухарцев³².

В ранний период своего пребывания в Сибири бухарцы царским правительством рассматривались как иностранцы, добровольно принявшие российское подданство. Поэтому они пользовались определенными привилегиями (например в области торговли, передвижения), предоставленными им царскими указами³³.

Сибирские бухарцы называли себя *бухарлык*, *сарт*. Русские, местное тюркоязычное население и другие народы Сибири называли их также бухарцами, иногда сартами или узбеками³⁴.

Между татарами и бухарцами заключались браки и складывались родственные отношения. Правда, в прошлом состоятельные бухарцы неохотно отдавали своих дочерей за татар, стараясь сохранить чистоту рода, хотя и женили своих сыновей на татарках, казашках, башкирках³⁵.

Среди сибирских бухарцев сложилось 4 территориальных группы: тюменская, тобольская, тарская и томская. Все они ко второй четверти XIX в. были в определенной степени обособлены друг от друга, проживали на землях сибирских татар, с которыми и вступали в тесные контакты. Управление бухарцами в Западной Сибири было организовано по волостям, во главе каждой такой группы стояли старшины³⁶.

Тарская группа бухарцев была приписана к деревням Бухарской волости, в которых были расселены прежде всего служилые татары (вокруг г. Тары). Б. О. Долгих отмечает, что «в Тарском уезде уже в первой половине XVII в. жили «бухарцы», т. е. выходцы из Средней Азии. Вначале их было немного, всего 21 трудоспособный мужчина, но позже, к 1672 г., их уже было 53 двора»³⁷. К сожалению, в имеющейся в нашем распоряжении Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. отсутствуют данные по бухарцам. В этом же 1701 г. была создана отдельная Тарская дозорная книга, которая полностью была посвящена описанию земель бухарцев. Создание этой дозорной книги связано с тем, что бухарцы «хотели вернуться к своему прежнему положению, оформленному указом 1645 г., когда они не платили никаких оброков»³⁸ и просили государя освободить их от дачи «выдельного хлеба» с пашен и денежного оброка с сенокосов. «Правительство отказало им и только заменило «выдельной хлеб» с пашен «денежным оброком», для чего и предписано было Ивану Качанову описать бухарские земли в Тобольском, Тарском и Тюменском уездах»³⁹.

Вот как характеризует Н. Н. Оглоблин в «Обзрении столбцов и книг Сибирского приказа» ситуацию с бухарскими землями и налогами: «Любопытны мотивы обложения: правительство внушает бухарцам, что «во всех странах христианских и бусурманских государств

никаково чину не токмо пришлой иноземец, но и того государства природной человек безоб- рочно и безданно никакими землями и угодыми не владеют...» (л. 3), взимаемые же с бухарцев (как и с других подданных) оброки идут на жалованье ратным людям, которые-де «и их бусурман от разорения оберегают...» (л. 3 об.). Бухарцы же «ничего больши 50 лет не платили (л. 4 об.) в государеву казну». Указ же 153 г. (1645 г.) объясняется тем, что тогда «в Тобольску бухарцев было немного, а на Таре и на Тюмени никого не было» (л. 4). Теперь же количество бухарцев так увеличилось, что правительство считает необходимым запретить впредь бухарцам покупать земли и угоды «у русских людей и у служилых и ясашных татар» (л. 5)»⁴⁰. По выше- приведенным сведениям Б.О. Долгих, в первой половине XVII в. в Тарском уезде зафиксиро- ван 21 трудоспособный мужчина из бухарцев, что расходится с данными Н. Н. Оглоблина, но в действительности бухарцев было очень немного.

Проблемы, связанные с бухарскими землями, интересовали правительство и раньше. Как пишет Н. Н. Оглоблин, «вообще, бухарцы были людьми со средствами и охотно занима- лись скупкою земель у служилых и других русских людей. Такая деятельность их нередко на- рушала установленный порядок русского землевладения и доходила до злоупотреблений, так что в 197 г. (1689 г.) был произведен по Тарскому уезду специальный осмотр всех земель и угодий, проданных или заложенных служилыми людьми местным бухарцам. Перепись как этих, «спорных земель», так и всех вообще бухарских земель уезда производил и составил до- зорную книгу «ротмистр Литовскаго списка Яков Чередов с товарищи» (Кн. 925, л. 59)»⁴¹. Н. Г. Аполлова отмечает, что «купив землю у служилых людей, бухарцы считали, что таким образом они перешли в разряд служилых, которые вправе требовать хлебное жалованье и ос- вобождение от оброка»⁴².

По сведениям Г. Ф. Миллера и по материалам ревизий прослеживается закономерность, касающаяся расселения бухарцев, а именно: там, где расселены служилые татары и их захре- бетники, там же в дальнейшем расселяется и основная масса бухарцев. Можно предположить несколько причин этого процесса. Во-первых, земли служилых татар располагались вокруг г. Та- ры, который являлся центром торговли и ремесла, а, как известно, бухарцы прежде всего за- нимались торговой деятельностью. В то же время, приобретая землю у служилых татар, бу- харцы рассчитывали на освобождение от налогов.

Во-вторых, когда происходит увеличение количества бухарцев на территории Тарского уезда (в конце XVIII в. их было свыше 1 200 чел.⁴³, в конце XIX в. – свыше 4 000⁴⁴), основные земли уже были поделены между татарами и русскими, поэтому возникшие в XIX в. поселения бухарцев расположены в заболоченной, богатой озерами местности левобережного Иртыша. Основные же земельные угоды местного тюркоязычного населения Тарского Прииртышья рас- полагались на правом берегу Иртыша. Необходимо также отметить, что эти земли стали осваи- ваться только во второй половине XVIII в., когда стабилизировалась военная обстановка и пре- кратились набеги калмыков и казахов. То, что в начале XVIII в. бухарцы прочно обосновались в ряде поселений вокруг г. Тары, хорошо видно из Дозорной книги Тарского уезда 1701 г., где при описании земельных наделов служилых и ясачных татар указываются в качестве границ земли бухарцев. Например, об Атацких юртах написано: «Кутлуметко Ачимиков сказал, у него сын Бегишко двух лет. Скота – две лошади, две коровы. А оклад ему, Кутлуметке, Великого Го- сударя жалованья денег три рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые за рекою Иртышом десятина в поле, а в дву потому ж. Да непашаной земли и лесных мест пять десятин в межах с *бухаретдином* (курсив мой. – С. К.) с Тозаем Ачибабеевым. Сен- ных у него покосов в Кыргакском лугу на сто копен. Владеет исстари»⁴⁵.

К концу XIX в. значительно увеличилось количество населенных пунктов бухарцев. Отне- сение этих поселений к туралинской группе можно мотивировать тем, что среди аялынцев бу- харцы не расселялись или их количество было незначительным.

В конце XVIII – начале XX вв. бухарцы числились в отдельной Бухарской волости. По дан- ным ревизии 1782 г., они проживали почти исключительно среди туралинцев. Но в самом конце XVIII в. и в первой четверти XIX в. ревизиями населения 1795-го, 1811-го, 1816 г. бу-

харцы в незначительном количестве отмечены и в нескольких селениях аялынцеv. Таким образом, бухарцы в этот период нарушали единство этнических территорий тарских, и в частности туралинских татар. Именно поэтому, рассматривая этническую историю туралинских татар, нельзя было не затронуть некоторые аспекты, касающиеся истории бухарцев как весьма значительного этносоциального компонента в составе туралинских татар.

Слияние бухарцев с сибирскими татарами привело к изменению их этносоциального самосознания. До конца первой трети XX в. бухарцы в Сибири постоянно указывали на свое среднеазиатское происхождение, называя себя *бухарлык* – бухарец, а иногда – «доброжелательный бухарец», тем самым подчеркивая добровольное переселение своих предков в Сибирь и связанные с этим привилегии бухарцев. Обусловлено это было также и существованием Бухарской волости в Тарском уезде, которая была расформирована в связи с территориальными изменениями в 1920-х гг., и наличием строки «бухарец» при проведении переписи населения 1926 г. (последняя перепись, где бухарцы учитывались отдельно).

По мнению Ф. Т. Валеева, к середине XX в. бухарцы были ассимилированы тарскими татарами⁴⁶. Воспоминания о живших здесь бухарцах прослеживаются по некоторым этногенетическим преданиям местного населения. В то же время память о бухарцах отразилась в названии тугума (группа родственных семей) «сарт», частушках про сартов и т. д.

Основные выводы, касающиеся этнической истории туралинских татар, заключаются в следующем. На той территории, на которой якобы в XVII–XVIII вв. (а также и позднее) были расселены туралинские татары, тюркское население относилось к трем этносоциальным группам – служилым татарам и их захребетникам (в этническом плане в основном аялынцеv), ясачным татарам (приписанным к Аялынской волости и, соответственно, являвшимся аялынцеvми) и бухарцам. Казанские татары в XVII – конце XIX вв. на этой территории почти не селились. Здесь также стоит еще раз подчеркнуть, что в XVII–XVIII вв. бухарцы преимущественно были расселены в деревнях служилых татар (уже в XIX в. было образовано несколько деревень с чисто бухарским населением). В этих же деревнях иногда проживали и аялынские татары. Что касается территории расселения служилых татар, то, как отмечено выше, они жили весьма компактно – вокруг Тары. Этот факт получил свое подтверждение уже в середине XVIII в. в путевых записках Г. Ф. Миллера. Также стоит отметить, что местные ясачные татары имели летние и зимние деревни, что отчетливо прослеживается по путевым материалам Г. Ф. Миллера, а служилые татары жили постоянно в одном месте, и именно благодаря этому они и стали называться «туралы», что означает «оседлые». Таким образом, о туралинских татарах как локальной группе можно говорить очень условно. Выделение этой группы среди местного тюркоязычного населения связано прежде всего с социальной стратификацией общества в XVII–XVIII вв.

Как уже указывалось, в пользу обособления туралинцеv говорит тот факт, что «В. В. Радлов писал о тарских туралы и выделял в XIX в. (курсив мой. – С. К.) туралинский диалект, правда, определяя его носителями, видимо, и аялынцеv»⁴⁷. Действительно, во второй половине XIX в. было возможно наличие этого диалекта, сложившегося на основе совместного проживания бухарцев и местного тюркоязычного населения на протяжении длительного времени. Для этого периода условно можно назвать все тюркское население обозначенной территории туралинскими татарами. При этом бухарцы до середины XX в. сохраняли этническое самосознание, а затем – этногенетическое сознание и отделяли себя от «туралы», о чем можно судить по материалам экспедиций середины 1970-х гг. на этой территории: «Бухарские татары называли сибирских татар туралы»⁴⁸.

Следующий источник, дающий нам сведения о поселениях тарских татар, – это путевые описания Г. Ф. Миллера о путешествии по Иртышу 1734 г. (табл. 4). Здесь, конечно, имеются сведения не обо всех поселениях тарских татар, а только о тех, которые расположены вдоль Иртыша (их 20). Так, например, поселения, расположенные по берегам рек Оши и Тары, не упомянуты в данном описании. В то же время при подсчете количества поселений для этого периода их необходимо учитывать, т. к. о них имеются сведения в более ранних источниках. В целом можно говорить примерно о 28 поселениях тарских татар.

Сведения о поселениях тарских татар в путевых описаниях Г. Ф. Миллера*

Название населенного пункта**	Географическое положение; когда заселяется (время года)	Примечания (социальные группы населения, дополнительные сведения)
Сибеляк аул	Восточный берег Иртыша	Служилые, ясачные, бухарцы
Ходжа аул (Сеидовы юрты)	Восточный берег Иртыша	Служилые, ясачные, бухарцы
Изинбай аул	Восточный берег Иртыша	Ясачные
Аптал аул	Восточный берег Иртыша	Ясачные, служилые, бухарцы
Ишширим аул (Буяновы юрты)	Восточный берег Иртыша	Ясачные
Тимщенек аул	Восточный берег Иртыша	Ясачные
Уруклар или Руклар аул (Верхние юрты)	Восточный берег Иртыша	Ясачные
Речап или Бахмурат аул	Восточный берег Иртыша	Бухарцы
Аптиш аул	Восточный берег Иртыша	Бухарцы, захребетные татары – называют себя туралинцами
Атак аул	Восточный берег Иртыша	Бухарцы, захребетные татары
Иткул или Кизилкаш аул (Иткулевы или Красноярские юрты)	Восточный берег Иртыша	Бухарцы, служилые, захребетные татары
Киргап аул (две деревни)	Восточный берег Иртыша: летняя (верхняя) деревня; зимняя (нижняя) деревня	Бухарцы, служилые, захребетные татары
Тар-тамак аул (или деревня Усть-Тарская)	Восточный берег Иртыша, рядом с устьем р. Тары	Частично русские, частично ясачные татары
Улу-Китшей аул	Восточный берег Иртыша	Ясачные
Булунбай или Отрау аул	Восточный берег Иртыша	Ясачные
Чупляр аул	Восточный берег Иртыша, бывшая летняя деревня, сейчас никто не живет, а живут в зимней д. Чупляр аул** на р. Таре	Ясачные
Барют аул	Восточный берег Иртыша, напротив устья Нюхаловки, летняя деревня; зимой живут в д. Чупляр аул** на р. Таре	Ясачные
Кудук аул	Восточный берег Иртыша	Ясачные
Изюк аул (на озере)	Летняя деревня, зимой живут в д. Инчис** на р. Таре	Ясачные
Таксай аул	Восточный берег Иртыша	Порушныне

* Составлено по: Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на р. Иртыше и возле него вверх от города Тобольска // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996. – С. 75–99.

** В источнике названия топонимов приведено как у Г. Ф. Миллера (на латинице). Здесь произведена транслитерация на русский язык.

На самом деле поселений тарских татар было больше, т. к. имелись летние и зимние поселения, о которых упоминает Г. Ф. Миллер. Месторасположение поселений тарских татар, описанных Г. Ф. Миллером, попытался определить С. С. Тихонов⁴⁹, который на современных картах локализовал эти поселения и отметил, что «к югу от устья р. Шиша располагались как русские, так и татарские населенные пункты. Русские селились по преимуществу на левом берегу Иртыша, а татары – на правом. Расстояние между деревнями и аулами от 3–5 до 15–20 км. Интересно, что русские и татарские селения иногда располагаются очень близко друг к другу. Вероятно, это связано, во-первых, с отсутствием большого количества удобных мест для расселения, во-вторых, с военной опасностью и возможными нападениями джунгар», и далее – «русские и татары селились у Иртыша. Причем много аулов и деревень располагались в пойме. Возможно, это связано с другим водным режимом Иртыша или иной всеобщей увлажненностью... Имеющиеся в нашем распоряжении археологические и этнографические материалы свидетельствуют, что вплоть до XIX в. эта территория была наиболее притягательна для русских и аборигенов. Многие селения находились, и находятся даже в наши дни, в пойме. Их неоднократно заливало в половодье, но жители деревень не покидали эти места».

Вывод Тихонова о том, что татары были расселены в основном по правому берегу, сделанный им на основании описаний Миллера, кажется однозначным. Однако в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. при описании пашенных земель, сенокосных угодий и в целом земель, принадлежавших татарам, часто указывается, что эти угодья располагались на городской (имеется в виду Тара) стороне, т. е. левом берегу. Например, при описании земель татар юрт Иткучуковых («Атацкая та ж») указывается, что 20 десятин «непаханой земли» 20-летнего сына Абандайко Шамаева Кутайгулки находятся «вверх по Иртышу реке на городской стороне в урочище у Нюхаловских вершин в общих межах со служилым татаринном, с Иткучуком Чолбаровым с товарищами»⁵⁰.

Таким образом, земля на левом берегу была хорошо освоена тюркским населением. Судя по описаниям, здесь имелись значительные земельные владения татар. Не случайно, позднее, уже в конце XVIII в., на этих местах стали основываться татарские поселения или деревни «переезжали» на другой берег. Далее этот момент будет рассмотрен на примере ряда деревень.

Во второй половине XVIII в. увеличивается количество поселений тарских татар. В 1782 г. перечень деревень аялыньских татар был шире, в него входили деревни Усть-Тарская (Тар-тамак), Чишлярова, Ацвина, Бергамакская, Буянова, Боксянская, Байтуганова, Ашатская, Лехлярова, Чертавлинская, Суюнсемская (Суючинская), Ельменева (Альменево), Тарланская (Яманташева), Кузеново, Таксанская, Мурлянская, Тянкульская, Колбышева, Есмятская, Гунуская. В конце XVIII в. была выделена из Аялыньской Порущская волость, в 1816 г. к ней приписаны жители деревень Мурлинской, Таксайской (Таксанской), Тянкульской (Тинкульской), Караульной, Тусказанской, Колбышной. В Аялыньской же волости в первой четверти XIX в. дополнительно указаны деревни Тасларская, Темшенякова, Уйская⁵¹.

К населенным пунктам служилых татар без определения волости относились юрты Кыргалские, Туралинские, Айткуловы, Атацкие, Шиховые, деревни Иткучакова, Атацкая, Бабина, Сеитова, Байтуганова. Большую часть этих названий мы встречаем и в ревизских сказках 1782 г. – в Подгородную волость конца XVIII – первой четверти XIX вв. входили деревни Кыргалская, Туралинская, Иткулова, Айткулова, Атацкая, Аптишево, Речапово, Апталова, Сеитова, Себелякова, Тулбакульская⁵².

Наиболее существенное влияние на изменения в расселении тарских татар оказали здесь русские. Первоначально они осваивали северную часть территории, где проживали татары. В XVIII – в первой четверти XIX вв. русские и тарско-татарские селения располагались в основном чересполосно, но в самих татарских юртах русские не жили (за исключением д. Усть-Тарской). По данным 1741 г., по Иртышу, вверх от Тары, раскинулись 32 деревни (из них 8 татарских и 24 русских), а по р. Таре из 27 деревень только 4 были татарскими, остальные – русскими⁵³.

Значительной группой, оседавшей на территории тарских татар в XVI–XVIII вв., были бухарцы. По данным ревизии 1782 г., они проживали почти исключительно среди туралинцев.

Надо сказать, что количество бухарцев значительно увеличилось в течение XVIII в. В это время осваивались новые деревни. Так, например, целый куст деревень образовался на левом берегу Иртыша, вдоль р. Нюхаловки.

Наиболее характерным для расселения как тоболо-иртышских, так и тарских татар является приречный тип – большинство их поселений расположено по берегам больших и малых рек. Тем более интересен куст поселений (Каракуль, Комуслы, Тузказань, Черналы, Уленкуль, Яланкуль и ряд других), расположенный в настоящее время в Большереченском районе Омской области. Когда и почему на таком расстоянии от Иртыша и основных дорог возникли эти татарские поселения, которые можно отнести к приозерному типу расселения?

Первым делом внимание привлекают предания о возникновении этих населенных пунктов, их основателях – здесь имеются в виду не конкретные лица, а этническая принадлежность первых насельников. Это связано, прежде всего, с наличием разноэтничных компонентов, участвовавших в формировании татар Сибири. И одним из таких компонентов являлись сибирские бухарцы, с которыми связано много преданий и в т. ч. предания о приходе в Сибирь шихов (шейхов), от которых впоследствии распространилась фамилия Шиховых.

Куст деревень, центр которого в настоящее время с. Уленкуль, по рассказам информаторов возник около 300–350 лет тому назад, т. е. в XVII в. В то же время, сравнивая предания о возникновении разных деревень данной местности, можно прийти к выводу, что появились они почти одновременно с разницей в 50–100 лет, а это не срок для истории. В 2001 г. жители Уленкуля отпраздновали 350 лет со времени основания своего села. Самыми старыми считаются деревни Каракуль и Черналы. Существующие предания связывают основание этих поселений с бухарцами, конкретнее – с шейхами. Только относительно д. Тузказань имеются сведения, что основали ее местные татары. В Уленкуле и соседних деревнях у ряда жителей (в основном имеющих отношение к фамилии Шиховы) имеются генеалогические схемы, в которых предками показаны шейхи. Информаторы ссылаются на шэжэрэ, в которых были перечислены предки по поколениям (естественно, только по мужской линии). Основателем рода Шиховых является Авазбақы, по сведениям информаторов прибывший в Сибирь из Бухары в 1572 г. с четырьмя сыновьями проповедовать ислам. Один из этих сыновей и основал Уленкуль.

В работе мы не будем приводить все предания об основании населенных пунктов этого куста – собрано их немало. Хотя они содержат несколько разных версий о том, как и кем были основаны данные татарские поселения, в них постоянно подчеркивается, что эти поселения существуют как минимум 3–4 столетия.

Теперь обратимся к архивным материалам, имеющимся в нашем распоряжении, – это ревизские сказки 4–10-й ревизий населения (1782–1858 гг.), первичные материалы Первой всероссийской переписи населения 1897 г. и другие документы, которые хранятся в архиве Тобольска. В этих материалах есть сведения о большинстве поселений тюркского населения Тарского округа, в дальнейшем – Тарского уезда Тобольской губернии, куда входила часть территории современной Омской области. Эти материалы неоднородны по своей информативности, ревизские сказки сохранились частично. Однако сравнение сведений из разных ревизских сказок позволяет проводить исследование: имеющиеся пробелы в материалах одной ревизии восполняются наличием информации в материалах другой ревизии. В целом можно говорить о достоверности такого источника, как материалы переписей населения XVIII–XIX вв.

В этих архивных материалах есть информация и об интересующих меня поселениях. Конец XVIII в. – период активного передвижения населения в Среднем Прииртышье, т. к. в архивных материалах имеются многочисленные сведения о «вновь заведенных» поселениях русских и татар. В материалах 5-й ревизии появляются первые сведения о «вновь заведенных» поселениях – Черналинской и Тосказанской (Тузказань) деревнях. Эти поселения основали жители д. Аптишевой, которая была расположена на Иртыше в 16 верстах от г. Тары; о ее существовании мы знаем из путевых описаний Г. Ф. Миллера. Причины переселения также ука-

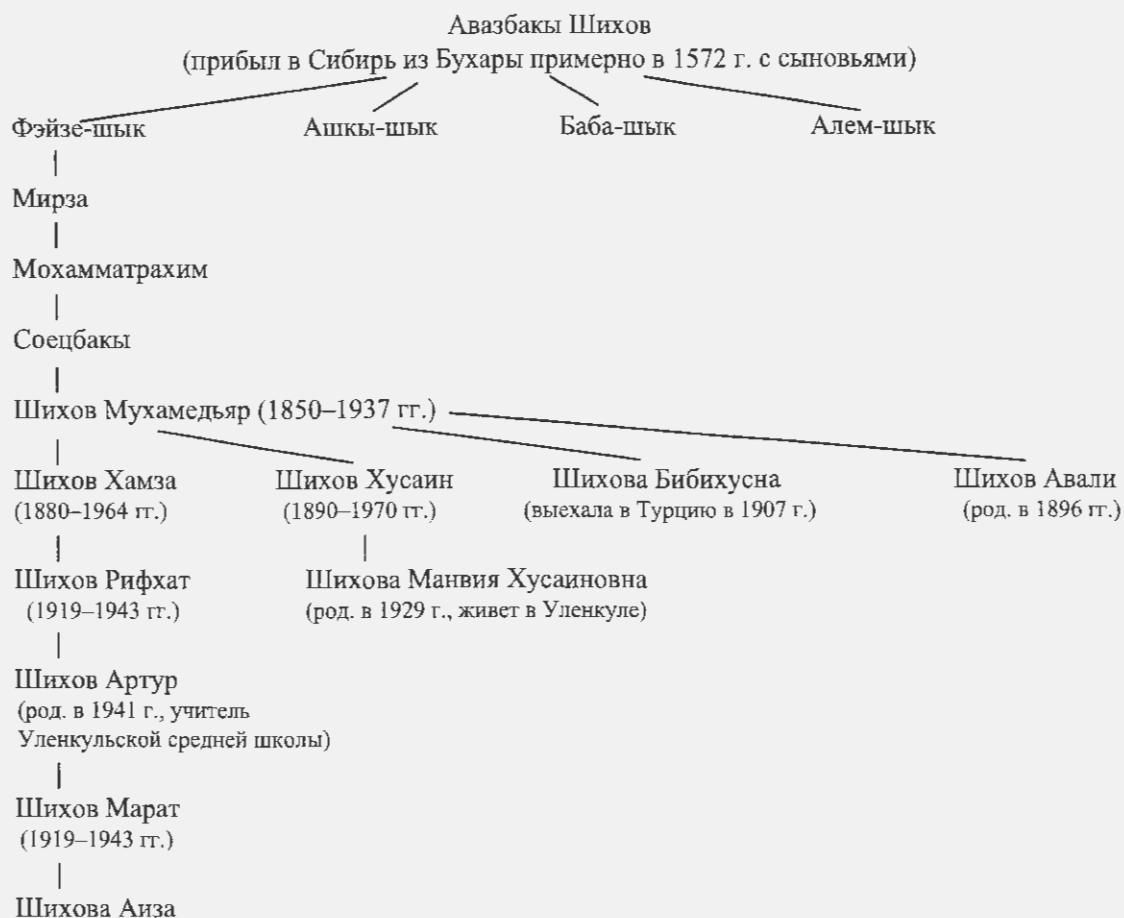
заны в материалах этой ревизии: «по часто бываемому в оной деревне Аптишевой каждый год большому наводнению, неимению хлебопахотных земель и сенных покосов»⁵⁴. Население д. Аптишевой было приписано к Бухарской волости. Таким образом, Черналы и Тусказань основали бухарцы, но не 300–350 лет назад, а около 200 лет назад. Аптишево просуществовало до середины XIX в., что следует из материалов переписей населения, на протяжении первой половины XIX в. здесь было от 8 до 12 дворов.

Однако ни в одних из имеющихся материалов ревизий нет сведений об Уленкуле, Яланкуле, Комуслах и Каракуле. Эти сведения появляются только в материалах Первой всероссийской переписи населения 1897 г. К Бухарской волости Тарского уезда Тобольской губернии относилось несколько поселений и среди них – выселок Еланкульский (Яланкуль), юрты Каракульские (Каракуль), выселок Кумуслинский (Комуслы) и д. Уляnguль (Уленкуль)⁵⁵. В архиве Тобольска хранятся также «Списки населенных обществ по волостям Тарского уезда за 1900 г.»⁵⁶, где приведены данные о числе сельских обществ Бухарской волости Тарского уезда. В этот период волость состояла из двух сельских обществ – Бухарского (23 населенных пункта) и Уйского (один населенный пункт). В «Списках» есть сведения о том, в каких деревнях имеются сельские старосты. В основном сельские старосты прописаны почти в каждой деревне, за небольшим исключением, которое относится и к исследуемому кусту поселений. Так, сельский староста д. Аубатканской, выселка Кумуслинского и выселка Яланкульского проживал в выселке Яланкульском. Сельский староста выселка Уленкульского, выселка Аптрашитовского и д. Тусказанской проживал в д. Тусказанской. Таким образом, и в переписи 1897 г., и в списках населенных мест за 1900 г. есть сведения об интересующих меня поселениях. Однако если Комуслы (современное название) и Яланкуль значатся в обоих этих источниках как выселки, то Уленкуль по переписи 1897 г. назван деревней, а в «Списках» – выселком. Существующие разногласия не позволяют сомневаться в том, что Комуслы, Уленкуль и Яланкуль образованы и документально зафиксированы лишь во второй половине XIX в. Трудно предположить, что эти поселения существовали на самом деле и ранее, но их жители не были учтены царской администрацией, хотя и встречались такие случаи.

При сопоставлении двух видов источников – полевого и архивного – возникает вопрос о том, когда же в действительности возникли эти поселения. Разрешить его на данном этапе не представляется возможным, необходим поиск новых источников. Более интересным представляется другой вопрос: если эти поселения на самом деле возникли чуть более 100 лет тому назад, то почему большинство информаторов (за исключением переселившихся сюда уже в прошлом веке) считает данные поселения существующими свыше 300 лет? И здесь мне бы еще раз хотелось бы отметить, что основали эти поселения бухарцы. Именно бухарцы сохраняли свои родословные (шэжэрэ), которые нужны были им в качестве доказательства их иностранного происхождения и, соответственно, давали им право на пользование различными привилегиями. Большинство шэжэрэ бухарцев восходит к XVI в., к предкам, прибывшим в Сибирь распространять ислам среди местного тюркского населения. Сохранились шэжэрэ и у жителей Уленкуля. Так, в краеведческом музее Уленкульской средней школы представлено генеалогическое древо Шиховых, составленное местным учителем истории М. Х. Шиховой со слов ее отца Хусаина Шихова, который в свою очередь получил его от своего деда (схема 3). Данное родословие начинается с Авазбаки Шихова, прибывшего в Сибирь из Бухары в 1572 г. В данном случае генеалогическая информация послужила основой возникновения предания о возникновении поселений.

В то же время в исторических источниках, например в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г., есть информация о том, что эти земли действительно были освоены тюркоязычным населением. Здесь были сенокосные угодья, пашни жителей ряда деревень, расположенных на другом берегу Иртыша. Таким образом, предания являются достаточно информативным источником по изучению истории поселений сибирских татар. Художественный вымысел часто переплетается здесь с вполне реальными фактами.

Генеалогическое древо рода Шиховых

О перенесении деревень на другое, но близко расположенное место имеются многочисленные предания, собранные в самых разных поселениях тарских татар. Вот, например, история про д. Малые Туралы: «Сначала приехали в Большие Туралы татары из Бухары, чтобы проповедовать свою веру мусульманскую, которой здесь не было. Потом бухарцы отделились от сибирских татар и образовали д. Малые Туралы. Бухарцы переселились в Малые Туралы из-за того, что не поладили с жителями Больших Туралов. Считается, что Большие Туралы старше Тары. Когда бухарцы переехали сюда, здесь уже жили сибирские татары»⁵⁷.

Вот еще одно интересное предание, связанное с освоением Тарского Прииртышья русскими и перенесением татарской деревни на другое место. В этом предании смещены хронологические рамки, но оно очень хорошо передает интерпретацию татарами момента переезда.

«Было это давно. Во времена войны с Кучумом царь выпускал листовки, в которых призывал татар переходить к нему. Тогда группа татар поселилась в Усть-Таре (Тартамак). Через некоторое время русские разбойники стали их притеснять. Тогда татарин по имени Пучканов Алишмык поехал к царю с жалобой. Царь принял его, дал княжеский титул, издал указ о наделении его землей, где пожелает. Алишмык приехал и взял себе землю от Нагорной Ивановки до Полумбаевки. Кроме того, ему отдали земли до д. Евгацино. В это время татары из-под Усть-Тары жили бедно, в домах из прутьев и из бревен. Алишмык нашел их, и они поселились ближе к современной д. Берняжке на 2 км. А через год Алишмык взял себе несколько тысяч гектар земли в Барабинской степи. Место, куда переселились, было не особенно удачным: случилось наводнение. Татары решили переселиться куда-нибудь повыше. Такое высокое место они нашли выше по реке и стали просить губернатора разрешить им переселиться. Губернатор разре-

шил, но за новую землю им пришлось платить налог. На новом месте татары основали деревню, которая теперь называется Берняжка. Вероятно, это слово есть не что иное, как искаженная Пирнагуловка (у Алишмыка был товарищ по имени Пирнагул). В настоящее время в д. Берняжка проживают казанские и сибирские татары, которые делятся на несколько тугумов (родственных групп)". Информатор заявил о существовании аялынского и туралинского тугумов. Себя он причислил к аялынскому тугуму Князевых. Аялынцев, по его словам, было больше, и они часто командовали. Кроме сибирских и казанских татар, в деревне проживает несколько бухарцев. Про бухарцев говорят, что они у себя в Средней Азии изнашивали скотину. За это царь сослал их в Сибирь. Бухарцы проживают по соседству с Берняжкой в деревнях Уленкуль и Большие Туралы. Бухарцев не уважали и в брак с ними, как правило, не вступали»⁵⁸.

Еще одно предание связано с существующей в настоящее время д. Киргап: «Название д. Киргап состоит из двух слов: *кыр* – «поле», *кап* – «мешок», т. е. поле в мешке. Название это не случайное. Дело в том, что раньше деревня находилась в другом месте. Иртыш, изгибаясь, делал подобие «мешка». Внутри этого «мешка» располагалось поле. Это место, по словам информатора, было не очень удобным, т. к. во время половодья вода отрезала деревню от леса и пастбищ. Жители переселились на другой берег Иртыша»⁵⁹.

Таким образом, ряд деревень сменил место расположения. При этом население деревни или оставалось прежним, или переселялось из других деревень и образовывало новые деревни. В основном деревни располагались по берегам рек, но в конце XVIII в. был образован куст деревень, расположенных на озерах. В целом можно сказать, что в течение XVIII – первой половины XIX вв. система расселения тарских татар оставалась почти неизменной, за исключением небольшого количества вновь образованных поселений и перенесения ряда поселений в другое место, но расположенное недалеко от прежнего. Если в 1701 г. насчитывалось 25 поселений тарских татар, в 1734 г. – примерно 28 поселений, то к середине XIX в., по материалам 10-й ревизии населения, таких поселений насчитывалось 32. Таким образом, и в количественном отношении не произошло больших изменений

Изменения в системе расселения татар во второй половине XIX–XX веке

Вторая половина XIX в. характеризуется, прежде всего, началом массовых переселений, с одной стороны, русского населения, с другой – поволжско-приуральских татар, которые не только качественно, но и количественно оказали свое влияние на расселение татар Тарского Прииртышья. Первые поволжско-приуральские татары, записанные государственными крестьянами, фиксируются в поселениях аялынских татар еще в материалах 10-й ревизии. В течение второй половины XIX в. их количество значительно увеличивается. Расселялись они в основном в поселениях аялынцев. Если в конце XVIII – первой половине XIX вв. тюркское население Тарского Прииртышья было приписано к Аялынской, Бухарской, Порушной и Подгородной волостям, то в 1863–1864 гг. эти волости были преобразованы, но не по территориальному, а по этносоциальному принципу. Бухарская волость (по числу поселений) в основном осталась в прежнем составе, а к Аялынской волости отнесли теперь поселения, которые входили как в Аялынскую, так и в Подгородную и Порушную волости. Соответственно увеличилось количество поселений этой волости.

Поволжско-приуральские татары чаще всего подсеялись к местным татарам, но бывали случаи и образования новых деревень. Так, например, были образованы деревни Молодцова, Малыс Мурлы и т. п. В то же время во второй половине XIX в. увеличивается количество выходцев из Средней Азии, приписываемых к бухарцам, которые тоже образовывали новые поселения. Большинство из этих поселений располагалось уже в неудобных местах. Дело в том, что в эти годы начались массовые переселения русских, которые также претендовали на зе-

мельные наделы и, насколько это возможно, пытались основать поселения в удобных в плане сообщений и пригодных для земледелия местах.

Образование новых поселений можно проследить на примере возникновения д. Малые Мурлы, которая была расположена в низовьях р. Тары – одним из интереснейших по процессу заселения мест. Издавна здесь живут тюрки – аялынская подгруппа тарских татар. Наиболее древние поселения, сохранившиеся до настоящего времени или недавно прекратившие свое существование, – это деревни Берняжка (Тартамак или Усть-Тарская) и Чеплярово Большереченского района; Инцисс, Юрт-Бергамак и Черталы Муромцевского района Омской области. Сведения о них имеются в архивных документах конца XVI – начала XVII вв., и в первую очередь в ясачных книгах. Однако расположенные в бассейне р. Тары татарские поселения могли существовать и ранее.

О возникновении и перемещении места расположения ряда поселений сохранились предания – прежде всего, о деревнях Юрт-Бергамак (юрты Бергамацкие) и Берняжка (Усть-Тарская). Несколько слов необходимо сказать и об этносоциальном составе населения, изменение которого можно проследить по первичным материалам ревизий (4–10-я ревизии) и Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Если в конце XVIII в. основная часть населения была причислена к ясачным татарам (за исключением д. Усть-Тарской, где уже в то время проживало незначительное количество бухарцев и государственных крестьян), то в середине, а особенно в конце XIX в. в этих поселениях зафиксировано большое количество поволжско-приуральских татар, относившихся к категории государственных крестьян. Переселение в Сибирь во второй половине XIX в. как татар, так и представителей других этнических образований (прежде всего групп восточнославянского населения) не могло не отразиться на системе землепользования коренного населения. И в этом плане интересна история возникновения д. Ново-Мурлинской.

Сведения об этой ныне не существующей деревне были получены во время экспедиционной поездки в 1995 г. в д. Чеплярово Большереченского района Омской области. Малые Мурлы были расположены примерно в 10–12 км от д. Чеплярово на противоположном берегу р. Тары, в 3 км от ее устья. В настоящее время на месте жилых строений остались только всхолмления, поросшие крапивой, по которым можно проследить планировку деревни. На краю деревни сохранилось кладбище, на котором, по сведениям информаторов, еще несколько лет назад хоронили бывших жителей этой деревни. Последние жители этой деревни разъехались около 30 лет назад, т. е. в начале 1970-х гг., и основная часть их осела в с. Усть-Тарском, расположенном в 3 км при слиянии рек Тары и Иртыша.

Первое упоминание о существовании д. Ново-Мурлинской имеется в первичных материалах Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.⁶⁰ В дальнейшем эта деревня называлась Малые Мурлы. С чем это связано? Дело в том, что на другом берегу Иртыша расположена д. Большие Мурлы – одно из наиболее ранних поселений тарских татар, которое в материалах ревизий населения XVIII–XIX вв. значилось как Мурлинская. Эти 2 деревни в конце XIX в. входили в одну волость – Аялынскую, и, чтобы не возникло путаницы, вновь образованная деревня получила название Ново-Мурлинской. Название обеих деревень происходит от татарского слова *мур* – белая глина. Действительно, в этих местах и в настоящее время производится ее добыча для хозяйственных нужд.

Вопрос о времени возникновения и об этносоциальном составе населения может быть выяснен благодаря сопоставлению рассказов жителей близлежащих деревень и материалов переписей населения XIX в. В этом плане прежде всего интерес представляет предание о происхождении современной д. Берняжка, расположенной по другую сторону Иртыша от д. Малые Мурлы. Расстояние в этом месте между реками Тарой и Иртышом очень незначительно, поэтому, например, д. Чеплярово расположена с одной стороны на левом берегу р. Тары, а с другой – на правом берегу Иртыша. Вот краткое изложение предания: «В 7 км от нынешней территории д. Берняжки располагалась д. Усть-Тара... Жили одни татары... Во время похода Ермака в Сибирь у д. Усть-Тара (по-татарски Тар-Тамак) произошло крупное сражение русских с татарами... Русские победили. Забрали у татар скот, разорили дерев-

ню и окрестности... Очень страдали татары, и, наконец, нашелся один татарин, который вызвался ехать к русскому царю. Звали его Алишак Пучканов... Царь хорошо принял Алишака и дал ему княжеское имя, золотую медаль. Уехал Алишак и увез с собой грамоту царя тарскому губернатору. В грамоте царь приказывал губернатору давать землю князю там, где тот пожелает и сколько пожелает... Княжеское звание передаваться стало по наследству. Алишак поехал к тарскому губернатору с картой, на которой были обозначены земли, которые хотел иметь князь. Губернатор дал князю 70 км урмана [присранный лес] вокруг деревни, все луга на протяжении 25 км...»⁶¹ и т. д. Имя Алимшак в разных звучаниях (Алимтык, Алимшык) присутствует во всех рассказах, связанных с историей возникновения фамилии Князев. Далее рассказывают, что после смерти Пучканова его потомки получили фамилию Князевы. В свою очередь их тугум стал называться Князлэр – князи. Рассказывают, что это был богатый тугум. У Князевых были свои магазины, маслозавод. Жили они в двухэтажных домах, имели прислугу и наемных работников.

А теперь рассмотрим реконструированную по материалам переписей населения конца XVIII–XIX вв. генеалогическую схему Князевых. Имя Алимшак (Алимтык, Алимшык), так же как и фамилия Пучканов, не встречаются среди предков современных Князевых. Однако это не означает, что его не существовало. В то же время по реконструированной генеалогии оказалось возможным определить во времени первую официально зафиксированную фамилию Князев. Она обнаружена в материалах переписи 1897 г., где главой одной из семей являлся Ташбулат Князев. Необходимо учитывать также тот факт, что семья, где главой в материалах 1858 г. был записан Маметей Иткучуков и к которой относился Ташбулат, сын Абдулназыра (в дальнейшем Князев), во второй половине XIX в. разделилась на 3 семьи, только в одной главой записан Князев, в двух же других главами записаны Абдул-Антрахман Катыров и Абшакир-Абдул Катыров (см. Приложение 2). Сравнив же материалы 1897 г. и современные родословные, мы обнаружили, что потомки всех трех семей в дальнейшем, уже в XX в., стали носить фамилию Князевых. В Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. в д. Усть-Тарской, «Тартамак та ж, на устье Тары реки» переписан князец Иткучук Бучкаков. Здесь же на нескольких листах рассказывается о подаче челобитной князем Иткучуком Бучкаковым с товарищами, в которой описываются земельные споры с русскими, поселившимися на землях татар (см. Приложение 1). Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что во многом это историческое предание является достоверным. Сведения о богатстве Князевых подтверждаются материалами переписи населения 1897 г., где указано, что Князевы имели несколько двухэтажных и трехэтажных домов.

Таким образом, д. Усть-Тарская сменила как место своего расположения, так и название. При изучении этносоциального и количественного состава населения этой деревни по материалам переписей населения конца XVIII–XIX вв. осталось непонятным, почему к концу XIX в. существенно сократилось количество жителей и связано ли это с изменением места расположения деревни. Прояснить это обстоятельство удалось, исследовав материалы переписи населения 1897 г. по д. Ново-Мурлинской.

В 1897 г. в д. Ново-Мурлинской переписано 26 семей, из них 16 семей – «инородцы», 9 семей – «государственные крестьяне» или «крестьяне из ссыльных» и 1 семья «бухарцев». В результате сопоставления архивных материалов по деревням Усть-Тарской (1850 г., 1858 г.) и Ново-Мурлинской (1897 г.) выяснено, что 11 семей из 26 – это бывшие жители д. Усть-Тарской (как написано в материалах переписи – «старой Тартамак»). Из них 3 семьи Князевых, 2 семьи Аскардовых и 4 семьи Диниповых. Сведения о предках последних впервые появляются в материалах 9-й ревизии населения (1850 г.), из которых следует, что это были переселенцы из Европейской России. Предки Князевых и Аскардовых прослеживаются по материалам 4-й ревизии населения (1782 г.). Далее, 5 семей – это семьи «государственных крестьян» и «крестьян из ссыльных», приехавших из Казанской (4 семьи) и Самарской (1 семья) губерний. Появление инородческих семей Ниясова и вдовы Арабаевой проследить не удалось. Загадкой остается появление родственного клана Катумовых (8 семей), записанных инородцами. Возможно, материалы переписей населения XVIII–XIX вв. по соседним деревням помогут определить место жительства предков этого семейного клана.

Сопоставив даты и место рождения, можно с определенной долей уверенности сказать, что образование д. Ново-Мурлинской относится к началу 1870-х гг. Таким образом, и д. Усть-Тарская сменила свое место расположения в это время. Связано это было прежде всего с землеустроительной политикой государства в период массовой миграции населения в Сибирь из европейской части России.

Хотелось бы отметить еще один интересный момент. До сих пор рядом с кладбищем д. Малые Мурлы сохранилось сооружение, которым пользовались для производства смолы. Смологонка действовала вплоть до исчезновения деревни. В материалах переписи 1897 г. приводятся сведения о занятиях населения, которые обеспечивали семью. В д. Малые Мурлы у семи человек в графе «Чем добывают средства существования» записано «смолокурение» или «смоловарение», что, кстати, не характерно для жителей близлежащих татарских поселений.

Ново-Мурлинка (затем Малые Мурлы) просуществовала около 100 лет. Она исчезла в начале 1970-х гг. в период укрупнения колхозов. Причиной этого стало не очень удобное расположение деревни – вдали от основных дорог и наличие в 3 км от нее старого русского с. Усть-Тарское (не путать с татарской деревней Усть-Тарской), расположенного на слиянии рек Тары и Иртыша.

На этом примере мы рассмотрели, как прибывшие из Европейской России татары оказывали влияние на изменение системы расселения местных татар. Всего же к концу XIX в., по материалам переписи 1897 г.⁶², в Тарском Прииртышье зафиксировано 43 поселения татар, из них 24 поселения были приписаны к Аялынской волости, 16 поселений – к Бухарской волости, население трех поселений было приписано как к Аялынской, так и к Бухарской волостям (табл. 5).

Таблица 5

Сведения о татарских поселениях Тарского Прииртышья в материалах 5-й ревизии населения и Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.*

Название населенного пункта**	Волости, к которым приписаны жители населенного пункта	
	1795 г. (5-я ревизия населения)	1897 г. (Первая Всероссийская перепись населения)
Апталова	Подгородная	Аялынская
Аптишева	Подгородная, Порушная, Бухарская	–
Аптрапитова		Бухарская
Атак	Подгородная, Бухарская	Бухарская
Ашировский	–	Аялынская
Аубатканские юрты		Бухарская
Бергамакские юрты		Аялынская
Бугановский выселок		Аялынская
Гузенские юрты		Аялынская
Еланкульский выселок		Бухарская
Инцизские юрты		Аялынская
Иткулова	Подгородная, Бухарская	Аялынская
Ишейкива		Аялынская
Казатовские юрты		Аялынская, Бухарская
Каракульские юрты		Бухарская
Караульная	Порушная	
Когутовские юрты		Аялынская
Кошкульский выселок		Аялынская
Куйгалинские юрты		Бухарская
Куюркульские юрты		Бухарская

Название населенного пункта**	Волости, к которым приписаны жители населенного пункта	
	1795 г. (5-я ревизия населения)	1897 г. (Первая Всероссийская перепись населения)
Кумуслинский выселок		Бухарская
Кырганская	Подгородная, Бухарская	Бухарская
Мамштейкинский выселок		Аялынская
Молодцова заимка		Аялынская
Мурлинская	Порушная	Аялынская
Нарыпкина		Аялынская
Ново-Мурлинская		Аялынская
Новый выселок		Бухарская
Рсчанова	Бухарская	Бухарская
Саусканские юрты		Бухарская
Себляковские юрты (они же Курмановские)		Бухарская
Себлякова	Бухарская	Аялынская
Ситова	Подгородная, Бухарская	Аялынская, Бухарская
Таксайская	Порушная, Бухарская	Аялынская, Бухарская
Темшиняковские юрты		Аялынская
Тингульская	Порушная	
Тосказанская	Бухарская	Аялынская
Тоскап		Аялынская
Туралинская	Подгородная, Бухарская	Аялынская
Уйские юрты		Бухарская
Улянгульские юрты		Бухарская
Усть-Тарская	Бухарская, Аялынская, Порушная	Аялынская, Бухарская
Фаргус		Аялынская
Черталинские		Аялынская
Чипляровские		Аялынская
Черналинская	Бухарская	Бухарская

* Составлено по: ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8; Ф. 417. Оп. 2.

** Сохранены написания источника.

В начале XX в., а именно в 1906–1910 гг., была сделана попытка создания волостей по территориальному принципу. Часть татарских поселений приписали к русским волостям. В ответ на это татары забросали как местную, так и центральную администрацию прошениями о том, чтобы, как и раньше, татары имели свои волости. В результате многочисленных преобразований к 1910 г. в Тарском Прииртышье было создано две инородческих волости – Бухарская и Улянгульская (Приложение 2. Рис. 2), которые не были территориально объединены, а выделялись опять-таки по этносоциальному признаку.

Система расселения в Тарском Прииртышье претерпела сильные изменения в годы советской власти. Административное деление Сибири, как и СССР в целом, постоянно реформировалось. При этом декларировался экономический принцип административного деления, основанный на территориальном единстве (в отличие от волостного деления по социальному принципу).

В большей мере процесс советского районирования задел татарские деревни. В советское время были упразднены инородческие волости и, соответственно, татарские деревни не только райцентрами, но и центрами сельских советов (сельских администраций) быть перестали. Из последнего правила существует только несколько исключений.

Название населенного пункта**	Волости, к которым приписаны жители населенного пункта	
	1795 г. (5-я ревизия населения)	1897 г. (Первая Всероссийская перепись населения)
Кумуслинский выселок		Бухарская
Кыргашская	Подгородная, Бухарская	Бухарская
Мамштейкинский выселок		Аялынская
Молодцова заимка		Аялынская
Мурлинская	Порушная	Аялынская
Нарыпкина		Аялынская
Ново-Мурлинская		Аялынская
Новый выселок		Бухарская
Речанова	Бухарская	Бухарская
Саусканские юрты		Бухарская
Себеляковские юрты (они же Курмаповские)		Бухарская
Себелякова	Бухарская	Аялынская
Сейтова	Подгородная, Бухарская	Аялынская, Бухарская
Таксайская	Порушная, Бухарская	Аялынская, Бухарская
Темшиняковские юрты		Аялынская
Тингульская	Порушная	
Тосказанская	Бухарская	Аялынская
Тоскан		Аялынская
Туралинская	Подгородная, Бухарская	Аялынская
Уйские юрты		Бухарская
Улянгульские юрты		Бухарская
Усть-Тарская	Бухарская, Аялынская, Порушная	Аялынская, Бухарская
Фаррус		Аялынская
Черталинские		Аялынская
Чипляровские		Аялынская
Черналинская	Бухарская	Бухарская

* Составлено по: ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8; Ф. 417. Оп. 2.

** Сохранены написания источника.

В начале XX в., а именно в 1906–1910 гг., была сделана попытка создания волостей по территориальному принципу. Часть татарских поселений приписали к русским волостям. В ответ на это татары забросали как местную, так и центральную администрацию прошениями о том, чтобы, как и раньше, татары имели свои волости. В результате многочисленных преобразований к 1910 г. в Тарском Прииртышье было создано две инородческих волости – Бухарская и Улянгульская (Приложение 2. Рис. 2), которые не были территориально объединены, а выделялись опять-таки по этносоциальному признаку.

Система расселения в Тарском Прииртышье претерпела сильные изменения в годы советской власти. Административное деление Сибири, как и СССР в целом, постоянно реформировалось. При этом декларировался экономический принцип административного деления, основанный на территориальном единстве (в отличие от волостного деления по социальному принципу).

В большей мере процессе советского районирования задел татарские деревни. В советское время были упразднены инородческие волости и, соответственно, татарские деревни не только райцентрами, но и центрами сельских советов (сельских администраций) быть перестали. Из последнего правила существует только несколько исключений.

Сведения о татарских поселениях Тарского Прииртышья по переписи 1926 г.*

Название населенного пункта**	Род населенного пункта	Местоположение населенного пункта	Год возникновения	Число хозяйств	Численность населения	Численно преобладавшая национальность
<i>Тарский округ</i>						
<i>Большереченский район</i>						
Больше-Мурлинка	Деревня	оз. Мурлы	-	95	455	Татары
Мамшенева	Деревня	оз. Мамшенево	-	6	32	Татары
Казанская	Деревня	-	1910	61	295	Татары
Таксай	Деревня	р. Иртыш	1562	11	64	Монголы
<i>Евгацинский район</i>						
Инцисс	Деревня	р. Тара	-	93	425	Татары
Бергамакские	Юрты	р. Тара	-	32	152	Татары
Молодцова	Деревня	р. Тара	1886	31	143	Тептяри
Кошкуль	Деревня	оз. Кошкуль	-	36	143	Бухарцы
Казатово	Деревня	оз. Куль	-	64	255	Бухарцы
Коюркуль	Деревня	оз. Коюркуль	-	45	200	Бухарцы
Куйгалы	Деревня	оз. Куйгал	-	46	242	Бухарцы
Кошулево	Деревня	оз. Кошкуль	-	33	130	Тептяри
Берняжка	Деревня	р. Иртыш	1844	56	222	Русские***
Малые Мурлы	Деревня	р. Тара	1826	39	188	Тептяри
Чеплярова	Деревня	р. Тара	-	39	165	Тептяри
Уленкуль	Деревня	-	-	70	326	Бухарцы
Аптрашигова	Деревня	озеро без названия	-	34	148	Бухарцы
Каракуль	Деревня	-	-	53	228	Бухарцы
Тусказан	Деревня	р. Нюхаловка	-	65	281	Тептяри
Форпост	Деревня	р. Нюхаловка	-	26	113	Тептяри
Чернали	Деревня	-	-	81	352	Бухарцы
Яланкуль	Село	оз. Яланкуль	1427	125	511	Бухарцы
Аубаткан	Деревня	оз. Аубаткан	-	43	180	Бухарцы
Кумуслы	Деревня	оз. Кумуслы	-	49	199	Бухарцы
<i>Екатерининский район</i>						
Айткулово	Деревня	оз. Айткуловское	1750	81	314	Бухарцы
Киргап	Деревня	р. Иртыш	1776	64	265	Бухарцы
Речалова	Деревня	р. Иртыш	1760	71	316	Бухарцы
Атак	Деревня	р. Иртыш	1768	27	117	Бухарцы
Тимшенякова (Нерпина)	Деревня	р. Иртыш	1854	35	164	Бухарцы
Соускановские	Юрты	р. Оша	1777	22	93	Татары
Сибиляково	Село	р. Иртыш	1626	70	317	Татары
Ашировка	Деревня	р. Иртыш	1832	7	28	Татары
Ишеево	Деревня	р. Уй	1626	22	118	Татары
Курманова	Деревня	р. Иртыш	1826	36	159	Татары

Название населенных пунктов	Род населенного пункта	Место-положение населенного пункта	Год возникновения	Число хозяйств	Численность населения	Численно преобладавшая национальность
Сентово	Село	р. Иртыш	1576	109	450	Татары
Черталы	Юрты	р. Тара	–	78	388	Башкиры
<i>Нижнее-Колосовский район</i>						
Барыбкино****	Деревня	–	1772	45	165	Татары
Кочутовская	Деревня	–	1654	48	219	Татары
Большие-Туралы	Деревня	р. Опа	1650	86	385	Татары
Мало-Туралы	Деревня	р. Оша	1650	38	176	Татары
Тоскино	Деревня	оз. Тоскино	1759	78	328	Татары
<i>Рыбинский район</i>						
Юрты-Уйские	Деревня	р. Уй и речка Ичуг	1626	62	289	Бухарцы
<i>Барабинский округ</i>						
<i>Мало-Красноярский район</i>						
Юрты Гузенова	Деревня	р. Тара	1831	44	228	Барабинцы

* Составлено по: Список населенных мест Сибирского края. – Т. 1: Округа Юго-Западной Сибири. – Новосибирск, 1928. – С. 2–84.

** Сохранены написания источника.

*** Эти сведения, скорее всего, неверны, т. к. эту деревню основали татары из д. Тар-Тамак (Усть-Тарская).

**** Явная опечатка. Должна быть Нарыб(п)кино.

Число исчезнувших в XX в. татарских поселений довольно велико. В Тарском Прииртышье – это Юрт-Бергамак, Нары(б)пкино, Ново-Мурлинская (Малые Мурлы), Аптрашнатово и др. Однако довольно легко определить, что в основном исчезли в XX в. недавно заведенные деревни, выселки и заимки. Обычно они оказывались дальше всего от центров сельских советов, райцентров⁶⁵ и попадали в разряд неперспективных. Таким образом, к концу XX в. в Тарском Прииртышье осталось 27 татарских поселений. Такое же количество поселений было и в начале XVIII в.

Жители расформированных населенных пунктов необязательно навсегда покидали родные места – большая часть устранилась на постоянное жительство на центральных усадьбах совхозов и колхозов или в рядом расположенных деревнях. В связи с этим появляются населенные пункты со смешанным населением. Несмотря на общее мнение, что таких поселений в Тарском Прииртышье много, к ним относятся только 4: д. Окунево Бергамакской сельской администрации Муромцевского района, куда переехали на постоянное жительство татары из д. Юрт-Бергамак; с. Большие Туралы Тарского района, где сейчас проживают жители татарской д. Туралы и русской д. Солдатово; с. Усть-Тара Тарского района, где проживает несколько семей – выходцев из татарской д. Малые Мурлы и с. Качуково Знаменского района Омской области. Качуково уникально тем, что это старинная татарская деревня, в которую переехали русские жители из расформированных переселенческих поселков.

Система расселения тюркского населения в данном регионе с конца XVII в. претерпевает значительные изменения, обусловленные, с одной стороны, освоением этого региона русскими, с другой – переселением бухарцев и поволжско-приуральских татар, с третьей – социально-экономическими изменениями в годы советской власти.

В целом система расселения может быть охарактеризована следующим образом.

1) Первоначальная система расселения, сложившаяся в XVII – первой половине XVIII вв., включала в себя летние и зимние деревни, что обусловлено направленностью хозяйственной деятельности татар, а именно основным занятием – скотоводством. В первой половине XVIII в. существовало 28 поселений тарских татар. Ряд исследователей отмечают, что в этот период, время активного заселения данного региона выходцами из Европейской России, русские селились по преимуществу на левом берегу Иртыша, а татары – на правом. Расстояние между деревнями и аулами от 3–5 до 15–20 км. В то же время по материалам Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. выясняется, что угодья татар располагались на той стороне, где Тара, т. е. на левом берегу Иртыша, тоже хорошо освоено тюркским населением. Судя по описаниям, здесь имелись значительные земельные владения татар, на которых впоследствии были образованы новые поселения.

2) Во второй половине XVIII – начале XIX вв. сложилась устойчивая система поселений татар Тарского Прииртышья. В основном деревни располагались по берегам рек, но в конце XVIII вв. образовался куст деревень, расположенных на озерах. В целом можно сказать, что в течение XVIII – первой половины XIX вв. система расселения тарских татар оставалась почти неизменной, за исключением небольшого количества вновь образованных поселений и перенесением ряда поселений в другое место. К середине XIX в. мы имеем сведения о 32 поселениях тарских татар.

3) Несколько изменяется система расселения во второй половине XIX – начале XX вв., когда возникают новые деревни и выселки. Это связано с миграционными потоками и, в первую очередь, с переселением татар из Европейской России, которые как поселялись в уже существовавшие деревни местных татар, так и образовывали свои деревни. в результате чего количество деревень увеличилось до 43.

4) Для системы расселения тарских татар второй половины XX в. характерно сокращение числа поселений, прежде всего, за счет исчезновения переселенческих поселков. К концу XX в. в Тарском Прииртышье осталось 27 поселений. Такое же количество поселений было и в начале XVIII в.

5) Жители расформированных населенных пунктов не всегда уезжали из родных мест. Многие поселялись на центральных участках совхозов и колхозов или в ближайших деревнях. В связи с этим появляются населенные пункты со смешанным русско-татарским населением.

Примечания:

¹ Курилов В. Н. Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия: Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – С. 3.

² Там же. – С. 5.

³ Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск, 1981 – С. 135.

⁴ Там же. – С. 143.

⁵ Там же. – С. 114.

⁶ Томилов Н. А. Поселения сибирских татар в трудах ученых и путешественников конца XVI–XIX вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Т. 8. – Омск, 2004. – С. 21–36.

⁷ Бахрушин С. В. Сибирь и Средняя Азия в XVII и XVIII вв. // Науч. тр. – М., 1959. – С. 196.

⁸ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960. – С. 53.

⁹ Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – С. 139.

¹⁰ Гумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. – Казань, 1977. – С. 26.

¹¹ Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – С. 247; *Он же.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. – Новосибирск, 1992. – С. 223–224.

- ¹² *Татары.* – М., 2001. – С. 24. Возможно, здесь имеются в виду туринские татары – одна из локальных групп тюменско-туринских татар.
- ¹³ *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – С. 138.
- ¹⁴ *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – С. 49–55.
- ¹⁵ *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – С. 139.
- ¹⁶ Захребетники в России XV–XVII вв. – феодально-зависимые люди, не имевшие своего хозяйства, жившие и работавшие во дворах крестьян или посадских людей.
- ¹⁷ *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – С. 139.
- ¹⁸ Там же. – С. 140.
- ¹⁹ В данной работе имеются в виду служилые татары, которые были расселены вокруг г. Тары, однако они также проживали и вокруг Тобольска, Тюмени и Томска.
- ²⁰ *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Науч. тр. – М., 1955. – Т. III. – Ч. 2. – С. 153–175.
- ²¹ Там же. – С. 163–166.
- ²² *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – С. 49.
- ²³ *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. – С. 170.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 348–425.
- ²⁵ *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – С. 53.
- ²⁶ *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – М., 1976. – С. 84.
- ²⁷ Там же. – С. 87.
- ²⁸ *Матвеев А. В., Яворская Л. Я.* Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова 1697–1711 гг. // Изв. Омск. гос. ист.-краевед. музея. – № 10. – Омск, 2003. – С. 147–162.
- ²⁹ *Томилов Н. А.* Поселения сибирских татар в трудах ученых и путешественников конца XVI–XIX вв. – С. 29.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Валеев Ф. Т.* Сибирские татары: Культура и быт. – Казань, 1992. – С. 26.
- ³² *Корусенко С. Н., Кулешова Н. В.* Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. – Новосибирск, 1999. – С. 84.
- ³³ *Валеев Ф. Т.* Сибирские татары: Культура и быт. – С. 26.
- ³⁴ Там же. – С. 29.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Корусенко С. Н., Кулешова Н. В.* Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. – С. 30.
- ³⁷ *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – С. 53.
- ³⁸ *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – С. 102.
- ³⁹ *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). – Ч. 1. – М., 1895. – С. 66.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. – С. 56.
- ⁴² *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – С. 102.
- ⁴³ *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – С. 152–153.
- ⁴⁴ *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения, язык и роды инородцев. – Т. 2. – СПб., 1911. – С. 70–73.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 368.
- ⁴⁶ *Валеев Ф. Т.* Сибирские татары: Культура и быт. – С. 30.
- ⁴⁷ *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – С. 139.

⁴⁸ МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Инв. номер (1-10) XVI 123.

⁴⁹ Тихонов С. С. Расселение сибирских татар и русских в Среднем Прииртышье в первой трети XVIII в. (по материалам Г. Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Т. 8. – Омск, 2004. – С. 200–233.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 363. Полный текст записи см.: Приложение 1. С. 114.

⁵¹ Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – С. 136.

⁵² Там же. – С. 140.

⁵³ Там же. – С. 144.

⁵⁴ ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 138. Л. 183.

⁵⁵ Там же. Ф. 417. Оп. 2.

⁵⁶ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 409.

⁵⁷ МАЭ ОмГУ. Ф. 1. П. № 145–2. К. № 107.

⁵⁸ Там же. П. № 90–4. К. № 133.

⁵⁹ Там же. П. № 113–2. К. № 140.

⁶⁰ ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2167.

⁶¹ Лосева З. К., Томилов Н. А. Легенды и исторические предания иртышских татар // Духовная культура народов Сибири. – Томск, 1980. – С. 24.

⁶² ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 2.

⁶³ Цит. по: Яшин В. В., Машкарин М. И. С днем рождения, родной край: к истокам основания поселений Омского Прииртышья. – Омск, 1999. – С. 3.

⁶⁴ Подробнее о введении пункта о национальной принадлежности см.: Соколовский С. В. «Татарская проблема» во Всероссийской переписи населения // Ab Imperio. – 2002. № 4. – С. 207–234.

⁶⁵ Подсчеты удаленности татарских деревень от райцентра см., например: Сатлыкова Р. К. Современное расселение татар Среднего Прииртышья // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. – Томск, 1981. – С. 62.

ГЛАВА 3

ЭТНИЧЕСКИЙ И ПОФАМИЛЬНЫЙ СОСТАВ ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

В данной главе представлены результаты реконструкции генеалогических линий тюркского населения ряда поселений татар Тарского Прииртышья, подробно охарактеризован этнический состав населения и его изменения на протяжении трех столетий. Эти поселения выбраны не случайно. Так, деревни Инцисс, Юрт-Бергамак Муромцевского, Берняжка (прежде Усть-Тарская), Чеплярово Большереченского районов Омской области, расположенные в низовьях р. Тары, являются одними из ранних поселений аялынской подгруппы тарских татар. Во второй половине XIX в. именно в поселениях этой группы обосновалось большое количество ловолжско-приуральских татар, что в корне изменило этническую картину данной локальной группы. Для характеристики процессов, происходивших в туралинской локальной группе, выбрана д. Сеитово Тарского района Омской области, в которой в XVIII в. проживали служилые татары, захребетники, бухарцы и ясачные. Реконструированные генеалогические линии представлены в Приложении 3.

В материалах 4-й ревизии (1782 г.) в д. *Чеплярово* зафиксировано 16 дворов, в которых проживали ясачные (местные сибирские) татары (140 чел.) и в 10 дворах переписаны новокрещеные татары, сведения о которых в материалах дальнейших ревизий по д. Чеплярово не встречаются. В некоторых семьях записаны умершие к моменту переписи, и фактически количество ясачных татар в 1782 г. можно определить в 111 чел. (13 дворов). Трудность сопоставления сведений разных ревизий заключается в том, что у этого населения не начался еще процесс фамилиеобразования и в каждом новом поколении дети записывались по имени отца. Соответственно, по женской линии невозможно реконструировать генеалогические схемы, и в ходе работы по составлению таких линий использовались только сведения о мужчинах. При изложении материала каждому новому поколению будут придаваться фамилии, хотя таковыми они, строго говоря, не являются. Процесс фамилиеобразования завершился среди татарского населения данного региона в первой четверти XX в. Некоторые обстоятельства этого процесса будут рассмотрены в ходе дальнейшего изложения. К тому же значительные промежутки между переписями населения, особенно временной отрезок с 1858 г. (последняя, 10-я ревизия) по 1897 г. при несохранившихся материалах ряда переписей и смене так называемых фамилий чрезвычайно затрудняют выстраивание генеалогических линий и, соответственно, анализ различных характеристик состава населения.

Итак, главами 12 дворов, в которых проживало ясачное население (т. е. местные сибирские татары), в д. Чеплярово во материалах 1872 г. названы: Иян Амлашев, Кутайберды Атенеев, Кармышан Баянов, Кучук Елдашев, Сабар Етинеев, Кучук Казышев, Елдаш Копчагулов, Куртка Кураев, Кучаш Кутайсалдин, Азай Кучаков, Курман Кучаков, Кузей Сабаев, Кулек Субышев, Ашина Танаев, Такатар Тохтин, Куян Чеголдаев. Учитывая не всегда правильное написание фамилий, сравнивая возраст и другие обстоятельства, можно предположить, что Кутайберды Атенеев и Сабар Етинеев могут быть родными братьями. То же самое можно предположить и в отношении Азая Кучакова и Курмана Кучакова, у которого в хозяйстве записан также и брат Бака Кучаков. Возможно, Кучук Елдашев был сыном Елдаша Копчагулова к этому выводу можно прийти, сравнив их возраст. Но это только предположения, которые

невозможно ни опровергнуть, ни подтвердить, поскольку в нашем распоряжении нет более ранних материалов для реконструкции генеалогических линий.

К сожалению, отсутствуют по д. Чеплярово материалы не только 5-й (1795 г.), но и 6-й ревизий (1795 г.). И только ревизские сказки 7-й ревизии населения (1816 г.) предоставляют сведения о населении этой деревни. Количество дворов, в которых проживало ясачное население, к этому времени увеличилось (19 против 16 в 1782 г.). Количество населения несколько уменьшилось (98 чел. против 111 в 1782 г.). При сравнении фамильного состава жителей этой деревни по двум ревизиям, обнаруживаются 3 новые семьи (главы – Ниясамет Авасов, Тлеш Кутангулов, Махмут Уразаев), предки которых не найдены в материалах 4-й ревизии. Эти семьи появились в Чеплярово либо как новые поселенцы, либо просто не были учтены при проведении 4-й ревизии. Но при этом потомки семи семей, зафиксированных 4-й ревизией, не прослеживаются в материалах 7-й ревизии. В некоторых случаях это объяснимо. Так, ранее уже упоминались 3 двора, население которых ко времени проведения 4-й ревизии уже умерло. Куян Чеголдаев, 76 лет, по данным 1782 г., проживал один и был холост. Соответственно с его смертью исчезает и фамилия. У записанного в 4-й ревизии Кучука Казышева, умершего еще в 1765 г., был сын Хохемьяр, которому тогда был 61 год и который, будучи в это время холостым, скорее всего, так и не обзавелся семьей. Неясно, почему не встречаются в материалах 7-й ревизии потомки Сабара Етиняева и Кучаша Кутайсалдина, у которых были сыновья.

Итак, в материалах 1816 г. появились 3 новые семьи и, соответственно, фамилии. Потомки же восьми семей, записанных в 1782 г., стали носить другие фамилии. Часть семей разделилась, и от одного предка могли пойти 2–3 фамилии. Смена фамилий произошла следующим образом: Атенева Кутайберды → Кутайбердин Таштемир → Кутайбердин Ташмак (две и более стрелок означают, что из одной семьи выделилось несколько семей); Баянов Кармышан → Кармышаков Сафармет; Елдашев Кучук → Кучуков Баши; Кураев Куртка → Куртнаев Нияс; Кучаков Курман → Авасов Мамет → Бакин Нияс → Кончагулов Тавлетбага; Субышев Кулек → Кулюков Шахай → Кучуков Уразмамет → Кучуков Уразай → Кашметев Таштемир; Танаев Ашина → Аитбагин Арсамет; Тохтин Такатар → Тохтин Утеш → Танатаров Казым → Мамшенев Курман. Все население деревни отнесено к категории ясачных людей.

Материалы 8-й ревизии (1834 г.) отсутствуют, есть материалы 9-й (1850 г.) и 10-й (1858 г.) ревизий. К 1850 г. население Чеплярово осталось на том же уровне – 104 чел. в 19 дворах. Произошли некоторые изменения фамилий в связи со сменой поколений. Пофамильный состав деревни следующий: Авасов Мамет (если отсутствует стрелка, то этот же человек был переписан в предыдущей ревизии населения), Авасов Ниясамет, Аитбагин Арсамет, Бакин Сабармет, Кончагулов Тавлетбага, Кармышаков Сафармет, Кашметев Таштемир (сын Курманбага) → Курманбагин Назир, Кутайбердин Таштемир, Кулюков Шахай, Куртнаев Нияс → Ниясов Тлев, Кутайбердин Ташлак (сын Барат) → Баратов Аvasбага, Кутангулов Тлеш → Тлешев Речап, Кучуков Баши, Кучуков Уразмамет → Уразмаметев Нияс, Кучуков Уразай → Уразаев Айтыш, Мамшенев Курман, Танатаров Казым → Казымов Арап, Тохтин Утеш → Утяшев Кинчаш, Уразаев Махмут.

К 1858 г. население Чеплярово несколько сократилось (до 88 чел.), уменьшилось до 17 и количество дворов, в которых проживали сибирские татары. Но по указу Казенной палаты от 14 марта 1855 г. за № 4341 к данной деревне приписаны и причислены в крестьяне 2 семьи (11 чел.)¹ пришлых казанских татар. Это семьи Мухамета Абдулкарымова и Юзупа Янгилева. Несмотря на то что переписаны инородцы по 17 дворам, фактически в 1858 г. проживало в Чеплярово 16 семей сибирских татар, а семья Сабармета Таштемирова по предписанию Тобольской казенной палаты от 28 сентября 1856 г. за № 13049 отчислена в д. Усть-Тарскую² и при определении количественного состава населения не учитывалась. Сокращение деревни на 2 семьи объясняется тем, что Курман Мамшенев (по материалам 9-й ревизии проживал отдельно один) умер в 1849 г. и не оставил потомства. Так же и Тавлетбага Кончагулов. Пофамильный состав также несколько изменился. Произошел естественный процесс смены фамилий в связи со сменой поколений: Авасов Мамет, Авасов Ниясамет, Аитбагин Арсамет, Ба-

кин Сабармет, Баратов Уразай, Казымов Арап → Арапов Нияскалы, Кармышаков Сафармет, Курманбагин Назир, Кутайбердин Таштемир → Таштемиров Сабармет (уехали в д. Усть-Тарскую), Кучуков Баши → Башиев Авасбага, Кучуков Шихай → Шихаев Ниясамет, Ниясов Тлев, Тлешев Речап, Уразаев Айтыш → Айтышев Речапбага, Уразаев Махмут, Уразмаметов Нияс, Утяшев Кинчаш → Кинчашев Утеш.

Значительный временной промежуток между проведением 10-й ревизии населения (1858 г.) и Первой всероссийской переписи населения 1897 г. несколько затруднил работу по составлению генеалогических линий, т. к. за это время могло смениться 2 поколения и, соответственно, кардинально изменился пофамильный состав. Часть генеалогических линий прервалась просто из-за невозможности проследить смену фамилий, как-то: у Авасова Мамета, Авасова Ниясамет, Аитбагина Арсамета, Бакина Сабармета, Кармышакова Сафармета, Курманбагина Назира, Башиева Авасбаги, Уразаева Махмута, Кинчашева Утеша. Что касается остальных семей, то при сравнении материалов 1858 г. и 1897 г. наблюдается все тот же закономерный процесс смены фамилий: Арапов Нияскалы → Атаев Танатар → Тавлетбагин Аптрахман → Танатаров Абдулхабар → Танатаров Танатар, Айтышев Речапбага → Айтышев Абдулназир → Айтышев Мухаметназир, Ниясов Тлев → Тлешев Абдрахман, Тлешев Речап → Речапав Абдулазип, Уразмаметов Нияс → Ниясов Мухамет → Раннбакин Нияс, Шихаев Ниясамет → Ниясов Насретдин → Ниясов Серачетдин → Шагаев Сабир Мухамет. Уразай Барашев, проживавший в 1858 г. в отдельном дворе, записан в переписи 1897 г. квартирантом у Нияса Раинбакина. Напомню, что в материалах 10-й ревизии населения в Чеплярово переписаны 2 семьи казанских татар. Потомки одной из них (Мухамета Абдулкарымова) в материалах переписи населения 1897 г. не найдены. Семья Юзупа Янгилева (данные 1858 г.) прослеживается и по материалам 1897 г. – это Нигматулла Янгильдыев и Гизатулла Янгильдыев.

Этнический состав населения Чеплярово во второй половине XIX в. сильно изменился (табл. 8). Деревня, как видно из материалов 1897 г., состояла уже из 27 дворов, причем в 15 дворах проживало инородческое население (так записывали местных сибирских татар). В пяти дворах население записано как «крестьяне из ссыльных» и в пяти – «крестьяне государственных». Так обычно записывали пришлых поволжско-уральских татар. Проживала в это время в Чеплярово одна семья бухарцев. И в одном из дворов записан отставной рядовой Сайли Ханюгулов, государственный крестьянин с женой – местной сибирской татаркой. Зафиксирован еще один смешанный в этническом плане брак – семья Сабира Шагаева (он записан как инородец, т. е. ясачный татарин, жена – «бухарская дочь»).

В количественном отношении население Чеплярово выглядело следующим образом: инородцев – 79, крестьян из ссыльных и крестьян государственных – 44, бухарцев – 6. Количество местных сибирских татар несколько уменьшилось (с 88 чел. в 1858 г. до 79 в 1897 г.). Общее же число жителей д. Чеплярово составило 129 чел.; увеличение произошло за счет татар переселенцев из европейской части России. Предки 13 семей инородцев и семьи казанских татар прослеживаются по предыдущим переписям населения. Семь семей ведут свое начало от Кюлюка Субышева (1782 г.) и четыре семьи – от Такатара Тохтина (1782 г.), одна семья – от Куртки Кураева (1782 г.) и одна семья – от Тлеша Кутагулова (1816 г.). Можно сделать вывод, что большинство местных татар являются потомками Кюлюка Субышева и Такатара Тохтина. Остальные генеалогические линии прервались.

Первичные переписные листы переписи населения 1897 г. предоставляют сведения о местах выхода татар-переселенцев – это Вятская и Казанская губернии.

Не менее важны сведения о том, где добывали жители Чеплярова средства к существованию и какие жилые строения имела каждая семья. Из табл. 8 видно, что большинство их были чернорабочими, поденщиками. Только в пяти семьях главы записаны как земледельцы, имевшие собственные земельные наделы. Среди них Абдул Назир Айтышев, у которого был сын Нияз. Фамилия Айтышевых трансформировалась в дальнейшем в Апушевых. Во время экспедиции в д. Чеплярово в 1995 г. я познакомилась с дочерью Нияза Апушева – Орибой Ниязовной Ахметовой. Она рассказала, что родители ее были богатыми, имели много земли.

Сейчас даже есть понятие такое «Апушенские дачи» – земли, где находились ранее пашни Апушевых. Они единственные в деревне жили в двухэтажном доме, держали 25 дойных коров, примерно столько же телят, значительное количество коней. Для поддержания порядка в хозяйстве Апушевы постоянно нанимали работников из числа жителей деревни³. В настоящее время в деревне носителей фамилии Апушевых не осталось.

Таблица 8

**Этническая принадлежность и социальное положение населения д. Чеплярово
(по данным переписи населения 1897 г.)**

Глава семьи	Социально-этническая принадлежность	Чем добывает средства к существованию	Количество жилых строений, из какого материала и чем крыты
Айтышев Абдулназир Мухаметалы	Иноходец	Земледелец, имеет работника	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Айтышев Мухаметназир Мухаметалы	Иноходец	Земледелец, имеет работника	Одно строение в 2 этажа, пятистенок (дерев., крыто деревом)
Атаев Танатар Абдулхатыр	Иноходец	Чернорабочий, поденщик	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Байзюгиров Камалетдин Халандшан	Крестьянин из ссыльных	Чернорабочий	Одно строение, собственное (дерев., не крыто)
Гайсин Галыстдин Абзаматов	Крестьянин из ссыльных	Чернорабочий, занимается также смолокурением	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Исаев Мухаметкадыр	Бухарец	Учитель	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Ишмухаметов Митхачетдин	Крестьянин из ссыльных	Сведений нет	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Кайметдинов Гайзиб Мухаметкаюм	Государственный крестьянин	Чернорабочий	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Калямов Мухаметрахип	Крестьянин из ссыльных	Чернорабочий, имеет работника	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Каримов Ахмет Ангильды	Государственный крестьянин	Чернорабочий, поденщик	Одно строение, пятистенок (не крыто)
Мухамедияров Сагитдин	Крестьянин из ссыльных	Коновал, занимается также смолокурением	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Ниясов Насретдин	Иноходец	Чернорабочий	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Ниясов Серачетдин	Иноходец	Чернорабочий	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Ниясов Мухамет Раинбакин	Иноходец	Чернорабочий, поденщик	Одно строение (дерев., не крыто)
Раинбакин Нияс Кюлей	Иноходец	Чернорабочий, поденщик	Одно строение, пятистенок (дерев., крыто деревом)
Речапов Абдулазип	Иноходец	Чернорабочий	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Тавлетбагин Аптрахман Баратов	Иноходец	Земледелец	Одно строение, пятистенок, собственное (дерев., без крыши)
Танатаров Абдулхапар	Иноходец	Чернорабочий	Одно строение, собственное (дерев., крыто деревом)

Глава семьи	Социально-этническая принадлежность	Чем добывает средства к существованию	Количество жилых строений, из какого материала и чем крыты
Танатаров Танатар Кармышов	Инородец	Чернорабочий	Одно строение, собственное (дерев., крыто деревом)
Тлешев Абдрахман	Инородец	Чернорабочий	Сведений нет
Уразмухаметов Абдулвахат	Инородец	Чернорабочий	Одно строение, собственное (дерев., без крыши)
Уразмухаметов Ташмухамет	Инородец	Плотник	Одно строение, собственное (дерев., без крыши)
Ханюгулов Сайли Абдрахманов	Государственный крестьянин	Чернорабочий, занимается смолокурением	Одно строение, собственное (дерев., крыто деревом)
Шагаев Сабирмухамет	Инородец	Поденщик, чернорабочий	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Юсупов Мухаметкарим	Государственный крестьянин	Чернорабочий	Одно строение, собственное (дерев., без крыши)
Янгильдыев Нигматулла	Государственный крестьянин	Плотник, земледелец	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Янгильдыев Гизатулла Ибатуллин	Государственный крестьянин	Земледелец	Одно строение (крыто деревом)

Итак, для последней трети XVIII – первой половины XIX вв. характерно постоянство состава населения, т. е. в основном здесь жили потомки тех, кто был переписан в ходе проведения 4-й ревизии. Миграционные процессы, начавшиеся во второй половине XIX в., привели к изменению как этнического, так и пофамильного состава населения. В XX в. в д. Чеплярово отмечается рост населения за счет естественного прироста и единичных случаев переселения из Поволжья и Приуралья. В 1995 г. в д. Чеплярово по похозяйственным спискам насчитывалось 68 дворов, в которых проживало 245 татар и 8 русских, оказавшихся в Чеплярове вследствие женитьбы или замужества. Из 27 фамилий, встречающихся в похозяйственных списках, удалось выявить потомков тех, кто жил в Чеплярове в конце XVIII – середине XIX вв. Это носители фамилий Раинбагиных (8 семей), Речаповых (10 семей) и Танатаровых (5 семей). Часть встречающихся в конце XX в. фамилий, носители которых относятся к потомкам пришлых поволжско-приуральских татар, прослеживается и по материалам переписи населения 1897 г. Это Ахметовы (предки приехали из Башкирии), Богоутдиновы (предки – из Казанской губернии), Гайсины (предки – из Вятской губернии), Ханиковы и Чалеевы (о том, откуда прибыли их предки, в материалах переписи сведений нет). Часть фамилий появилась в Чеплярове в связи с переездом их носителей из близлежащих деревень по причине вступления в брак. Эти поселения – Айткулово и не существующие уже Малые Мурлы (Тарский район Омской области), Инцисс и не существующие уже Юрт-Бергамак (Муромцевского район) и д. Молодцово, расположенная ранее в нескольких километрах от Чеплярово. Относительно брачных контактов жителей Чеплярово удалось выяснить, что браки стремились заключать внутри деревни и с жителями вышеназванных поселений (кроме Айткулово). Тенденция преимущественного заключения браков внутри деревни сохраняется и сейчас.

Еще одно поселение, где проживали представители данной локальной группы тарских татар, – это *юрты Бергамацкие*, в недавнем прошлом *д. Юрт-Бергамак*.

В юртах Бергамацких 4-й ревизией (1782 г.) переписаны 14 семей. На самом деле только в 10 дворах тогда кто-то жил. В трех дворах проживало по одному человеку, которые были в свое время холостыми и умерли в 1870-х гг. (Етуш Мочушев, Абышка Назуков, Тохтагул (без фамилии)). Ко времени 4-й ревизии умер глава семьи Дыцай Сарманов, а его жена вместе с детьми переехала в другую деревню. Всего в это время в юртах Бергамацких проживало 70 чел.

В 10 дворах главами семей записаны Ателяк Аvasов, Бегей Бехтемиров, Баши Ишенев, Акуш Калменев, Чарай Колмачуков, Казалба Табушев, Калмень Тогушев, Беклей Уразаев, Ишкиния Ушеев (возможно, Ишенеев), Кучак Чилтаков. Все население деревни относилось к категории ясачных людей, т. е. это были местные сибирские татары.

По материалам 7-й ревизии (1816 г.), юрты Бергмацкие состояли по-прежнему из 10 дворов, в которых переписано 82 чел.; т. е. количество дворов осталось прежним, но это не означает, что в них проживали те же семьи. Главой одной семьи записан Ниясмамет Бангулов, предки которого не прослеживаются по материалам 4-й ревизии. А вот в семье Калменя Тогушва, умершего еще до 4-й ревизии, проживали только женщины, так что эту генеалогическую линию проследить невозможно. Соответственно, и в материалах 7-й ревизии нет сведений об этой семье. Баши Ишенеев, как видно из материалов 4-й ревизии, был холост (51 год) и не оставил потомков. Не найдены в материалах 7-й ревизии и потомки Беклея Уразаева. Пофамильный состав деревни изменился (в большинстве случаев это объясняется сменой поколений): Аvasов Ателяк → Аиткулов Нияс → Курманов Нияс, Бангулов Ниясмамет, Бехтемиров Бегей → Ташбулатов Нияс, Калменев Акуш → Акушев Аитбага, Колмачуков Чарай → Чираев Куянбай, Табушев Казалба → Казылбаев Танатар, Ушеев Ишкиния → Ишкинин Тохтамет → Изенев Аиткул, Чилтаков Кучак → Юлташев Назир. В этническом плане все население деревни – это местные сибирские татары.

Количество жителей данного поселения на протяжении конца XVIII – первой половины XIX вв. увеличилось за счет естественного прироста. В материалах 9-й ревизии (1850 г.) в тех же 10 дворах переписано 136 чел. Часть фамилий изменилась, и пофамильный состав населения юрт Бергмацких в 1850 г. был следующим: Аиткулов Нияс, Акушев Аитбага → Аитбагин Реинбака, Бангулов Ниясмамет → Ниясмаметов Аптиназир, Изенев Наурус, Ишкинин Тохтамет, Казылбаев Танатар → Танатаров Ниясмамет, Курманов Нияс, Ташбулатов Нияс (брат Речап) → Ташимов Нияс → Тапимов Речап, Юлташев Назир. Не найдены потомки только Куянбая Чираева.

Численность населения деревни к 1858 г. (10-я ревизия) сократилась до 104 чел. По-прежнему деревня состояла из 10 дворов, но семья Аптиназира Ниясмаметова хотя и переписана здесь, переехала в д. Кузенево той же волости. Стало быть фактически в Бергамаке было 9 дворов. В пофамильном составе произошли некоторые закономерные изменения, и главами хозяйств записаны следующие лица: Аитбагин Реинбака, Аиткулов Нияс, Изенев Наурус → Аvasов Нияс, Ишкинин Тохтамет, Курманов Нияс, Танатаров Ниясмамет → Ниясмаметов Уразмамет, Ташимов Нияс → Ниясов Уразмамет, Ташимов Речап → Речапков Бейсулла, Юлташев Назир.

В конце XIX в. в юртах Бергмацких насчитывалось уже 30 дворов (табл. 9). Этнический состав деревни претерпел значительные изменения. Если до этого в деревне проживали только местные сибирские татары, то теперь в материалах переписи зафиксированы осевшие здесь на жительство татары – переселенцы из европейской части России. Здесь проживали 22 семьи инородцев, 7 семей государственных крестьян и в одном дворе проживал мещанин Мухамед Сатыков, родом из Казанской губернии, т. е. казанский татарин. В количественном отношении население деревни выглядело следующим образом: 123 чел. – местные сибирские татары (против 104 в 1858 г.) и 50 чел. – поволжско-приуральские татары. Переселенцы прибыли из Вятской, Казанской, Самарской и Уфимской губерний. Первые переселенцы появились здесь в 1860-х гг., т. к. часть пришлых татар в возрасте 30 с небольшим лет по своему месту рождения записаны местными, при этом место рождения родителей – европейская часть страны. Зафиксированы в материалах переписи и 3 смешанных в этническом плане брака: во всех трех случаях муж – сибирский татарин, жена – казанская татарка.

Сравнивая материалы переписи населения 1858 и 1897 гг., можно сделать вывод о том, что в 1897 г. 21 семья (из 22 семей местных сибирских татар) – это потомки тех семей, которые жили в юртах Бергмацких до приезда пришлых татар. Значит, в некоторых случаях произошло разделение больших семей, в результате чего количество семей увеличилось. Соответ-

ственно сменился пофамильный состав населения деревни. Потомки четырех семей (1858 г.) – Нияса Авасова, Реинбаки Аитбагина, Нияса Курманова (жил один, холост) и Назира Юлташева – не найдены в материалах переписи населения 1897 г. Семья Хисаметдина Авасбагина в 1897 г. – это потомки Тохтамета Ишкинина (1858 г.), генеалогия которого прослеживается до 1782 г. (Ишкиня Ушеев), по другой же линии она прерывается. В 1782 г. в Бергамаке проживал Атемек Авасов, потомки которого по одной линии прослеживаются и по материалам 1897 г. (Ишмухамет Назыров), его другая генеалогическая линия прервалась. Проживавшие здесь в конце XIX в. 19 семей местных сибирских татар – это потомки Бегея Бехтемирова (1782 г.) и Казалбая Табушева (1782 г.). При этом по одной из генеалогических линий у Бегея Бехтемирова прослеживаются в материалах переписи населения 1897 г. в качестве потомков 11 семей (их главы – Ильяс Бакин, Насретдин Бакин, Чемалетдин Бакин, Баязит Калишкин, Нияс Калишкин, Имаматдин Мухаметеев, Хасан Мухаметеев, Абдулазис Уразмухаметов, Абдулатык Уразмухаметов, Рамазан Уразмухаметов, Рафик Уразмухаметов), по другой линии – 2 семьи (главы семей – Рафик Валитов, Мухамет Уразаев). Семьи Махмута Абитова, Мамурзы Абитова, Аптулкабира Аптулина, Мухаметя Сабарметова, Умера Халитова и Аптрахмана Халитова – потомки Казалбая Табушева (1782 г.).

Юрт-Бергамак, известный еще в начале XVII в., прекратил свое существование в 1980-х гг. Семьи, проживавшие здесь, переехали в основном в расположенную неподалеку русскую д. Окунево. В похозяйственных списках Бергамакского сельского совета за 1983 г.⁴ в д. Юрт-Бергамак записано 28 семей, 7 из которых носили фамилию Ташимовых и 6 – Хамитовых; остальные фамилии встречаются по одному разу. Информаторы сообщили, что Ташимовы – это сибирские татары, Хамитовы – казанские татары. Действительно, в материалах переписи населения 1897 г. записана семья Айсы Хамитова, который переехал из Казанской губернии и имел 5 сыновей. Фамилия Ташимовых распространилась следующим образом. Как уже отмечалось ранее, в конце XIX в. в д. Юрт-Бергамак проживало много потомков Бегея Бехтемирова, зафиксированного здесь в материалах 4-й ревизии (1782 г.); у него были внуки Нияс Ташбулатов и Речап Ташбулатов. В материалах ревизии 1850 г. они были записаны как Нияс Ташимов и Речап Ташимов. Возможно, что все их потомки во время переписи 1926 г., когда в общем-то и происходил процесс закрепления фамилий, записались как Ташимовы (такие ситуации встречались и в других деревнях, где проживало татарское население), т. е. в их памяти сохранилось имя их предка Ташбулата в измененном виде – Ташима.

В материалах переписи населения 1897 г. имеются сведения, дающие представление о жилых постройках и занятиях жителей д. Юрт-Бергамак. Основное занятие населения этой деревни – это земледелие. В большинстве своем главы семей записаны земледельцами. Здесь не встречаются такие определения, как «работник земли», «чернорабочий» и т. д. Возможно, система землепользования здесь была иная, чем в д. Чеплярово. В целом, сведения в графе «Чем добывали средства к существованию» в материалах переписи населения 1897 г. по д. Юрт-Бергамак отличаются большим разнообразием, чем данные о населении Чеплярово. Так, у ряда глав семей, записанных земледельцами, или у их жен в материалах переписи имеются сведения о занятиях, приносящих дополнительный доход семье. В деревне были и дровосек, и бондарь, и скотовод, и лесопромышленник. Некоторые женщины пряли нитки на продажу. Двое из жителей данного поселения работали на золотых приисках. Имелась в деревне и молочная лавка, хозяин которой был муллой.

При описании жилых построек каждой семьи здесь переписчик указывал конкретно, чем крыто строение, т. е. «тесом» или «дранью», что дает какое-то представление об имущественном положении населения деревни. Правда, здесь не встречаются сведения о покрытии крыш дерном, однако есть понятие «без крыши». У 7 семей из 29, проживавших в конце XIX в. в д. Юрт-Бергамак, было по 2 жилых строения. Каждая семья имела свой собственный дом, кроме семьи Аптрахмана Ниясова. К этому времени (1897 г.) уже обустроились и приехавшие из Европейской России татары, причем дома у них обычно были крыты тесом, а некоторые имели и по 2 жилых строения (см. табл. 9).

**Этническая принадлежность и социальное положение населения
д. Юрт-Бергамак (по данным переписи населения 1897 г.)**

Глава семьи	Социально-этническая принадлежность	Где добывают средства к существованию	Количество жилых строений, из какого материала и чем крыто
Абитов Махмут	Иноходец	Дровосек, земледелец	Два строения (дерев., одно крыто тесом, другое – без крыши)
Абитов Шамарша	Иноходец	Земледелец	Одно строение (дерев., крыто тесом)
Авасбагин Хисаметдин	Иноходец	Земледелец, бондарь	Одно строение (дерев., без крыши)
Аптулин Аптулкабир	Иноходец	Земледелец	Одно строение (дерев., крыто дранью)
Бакин Ильяс	Иноходец	Земледелец, жена прядет нитки	Два строения (дерев., одно крыто дранью, другое – без крыши)
Бакин Насретдин	Иноходец	Земледелец	Одно строение (без крыши)
Бакин Чемалетдин	Иноходец	Земледелец	Одно строение (дерев., крыто дранью)
Валитов Рафик	Иноходец	Земледелец	Одно строение (дерев., крыто дранью)
Калишкин Баязит	Иноходец	Земледелец	Одно строение (дерев., без крыши)
Калишкин Нияс	Иноходец	Земледелец	Одно строение (дерев., без крыши)
Мухтасимов Мухамедчан	Государственный крестьянин	Земледелец	Одно строение (дерев., крыто дранью)
Мухаметеев Хазан	Иноходец	Земледелец, дровосек	Два строения (дерев., крыты дранью)
Мухаметеев Мухаметдин	Иноходец	Земледелец	Одно строение (дерев., без крыши)
Назыров Ишмухамет	Иноходец	Земледелец	Одно строение (дерев., без крыши)
Ниясов Аптрахман	Иноходец	Земледелец, жена прядет нитки	Живут в чужом доме
Сабитов Мухамедсадык	Государственный крестьянин	Земледелец, жена прядет нитки	Одно строение (без крыши)
Сатыков Мухамед	Мещанин	Земледелец	Два строения (дерев.)
Сабарметов Мухаметей	Иноходец	Земледелец, лесопромышленник, брат работает на золотых приисках	Одно строение (дерев., крыто дранью)
Сулейманов Мустафа	Государственный крестьянин	Земледелец	Одно строение (дерев., крыто тесом)
Сулейманов Сабитулла	Государственный крестьянин	Земледелец	Два строения (дерев., одно крыто тесом, другое – дранью)

Глава семьи	Социально-этническая принадлежность	Где добывают средства к существованию	Количество жилых строений, из какого материала и чем крыто
Уразаев Мухамет	Иноходец	Земледелец	Два строения (дерев., крыты дранью)
Уразмухаметов Абдулазис	Иноходец	Земледелец, работает на золотых приисках	Одно строение (дерев., крыто дранью)
Уразмухаметов Абдулатък	Иноходец	Земледелец	Одно строение (дерев., крыто дранью)
Уразмухаметов Рафик	Иноходец	Земледелец, скотовод	Одно строение (дерев., крыто тесом)
Уразмухаметов Рамазан	Иноходец	Земледелец	Одно строение (дерев., без крыши)
Хайбулин Шарафутдин	Государственный крестьянин	Земледелец, жена прядет нитки	Одно строение (дерев., крыто тесом)
Халитов Аптрахман	Иноходец	Земледелец	Одно строение (дерев., без крыши)
Халитов Умер	Иноходец	Земледелец, жена прядет нитки	Одно строение (дерев., крыто дранью)
Хамитов Айса	Государственный крестьянин	Земледелец	Два строения (дерев., одно крыто тесом, другое дранью)
Чапаров Хасар	Государственный крестьянин	Хозяин молочной лавочки, мулла	Одно строение (дерев., крыто тесом)

Если в деревнях Юрт-Бергамакской и Чеплярово после переселения в них поволжско-приуральских татар большинство населения все-таки составляли местные сибирские татары, то в д. *Инцисс* прослеживается несколько иная ситуация. К сожалению, здесь имеются только материалы 7-й (1816 г.), 9-й (1850 г.), 10-й (1858 г.) ревизий населения и переписи населения 1897 г. В начале XIX в. в Инциссе проживало только сибирско-татарское население. По данным 7-й ревизии, деревня состояла из 18 дворов, в которых жило 136 чел. Пофамильный состав населения деревни был следующим: Сафармет Айтбагин (брат – Кинчаш), Уразай Айткулов, Барат Айттышев, Тохтабай Баянов, Ниясамет Бурашев, Нияскул Ишкинин, Азан Маметев, Нияс Мунципин, Таштемир Ниясов, Сейтулла Ниясов, Аширбага Таушев, Курманбага Таушев, Авасбага Таушев, Айттыш Тюрюшев, Мамшен Тюрюшев, Наурус Уразмухаметов, Авас Ураскулов, Авас Халилов. Таушевы, скорес всего, были родными братьями (у них незначительная разница в возрасте и одинаково заканчивающиеся имена, что характерно для татарских семей). То же самое можно заметить и по отношению к Тюрюшеввым.

К середине XIX в. количество дворов сократилось до 14, количество человек – до 98. В материалах 9-й ревизии не найдены потомки четырех семей. В трех случаях это объясняется отсутствием детей у семейной пары, когда оба уже в пожилом возрасте. По крайней мере во дворах, где проживали в 1816 г. Ниясамет Бурашев, Нияскул Ишкинин и Мамшен Тюрюшев, переписаны были только главы семей и их жены. Возможно, их повзрослевшие дети жили в других деревнях, и, скорес всего, это были дочери, т. к. чаще всего жен брали из других деревень или дочерей выдавали замуж в соседние населенные пункты. У Курманбаги Таушева были только дочери, поэтому проследить его генеалогическую линию не представляется возможным. Со сменой поколений часть фамилий изменилась. Пофамильный состав деревни по материалам 1850 г. был следующим: Айтбагин Кинчаш, Айткулов Уразай → Уразаев Уразамет, Айттышев Барат, Аширбагин Назир, Баянов Тохтабай → Калилов Баяй, Маметов Азан,

Мунципин Нияс, Ниясов Таштемир → Тавлетбагин Назир, Ниясов Сейтулла → Марипов Назир, Таушев Аvasбага, Таушев Аширбага → Аширбагин Назир, Тюрюшев Айтыш → Айтышев Назир, Уразмаметов Наурус, Ураскулов Аvas → Атнагулов Речап, Халилов Аvas.

В 1858 г. в Инциссе переписано 11 семей, фактически же проживало 10 (102 чел.), т. к. семья Науруса Уразмухаметова была «перемещена по предписанию Тобольской казенной палаты от 28 сентября 1856 г. в д. Усть-Тарскую»⁵ той же волости. Пофамильный состав деревни был следующим: Айтышев Барат, Айтышев Назир, Атнагулов Речап, Аширбагин Назир, Маметов Азан → Азанов Баши, Марипов Назир, Мунцын Нияс, Тавлетбагин Назир, Уразаев Уразмамет, Халилов Аvas → Аvasов Ишбулат. Не найдены потомки Аитбагина Кинчаша (жил один, умер), Калилова Баяйя (по переписи населения 1850 г. он жил с женой, оба они были в пожилом возрасте без детей) и Маушева Аvasбаги (жил с внуком, оба умерли).

Значительные изменения в этническом составе населения д. Инцисс произошли во второй половине XIX в. По сравнению с поселениями Юрт-Бергамак и Чеплярово, где после приезда пришлых поволжско-приуральских татар большинство населения по-прежнему составляли местные сибирские татары, в Инциссе в конце XIX в. наблюдается количественный перевес в сторону поволжско-приуральских татар, которые даже селились отдельной улицей. Количество дворов увеличилось до 68: в 20 дворах проживали инородцы, в 47 – государственные крестьяне. В это же время в Инциссе жил приехавший из русского с. Бергамак Артемий Тимофеевич Пикулькин с семьей, который работал казенным лесником. У Абдулганей Абдулвахитова жил в это время работник – поляк Осип Анурав Мадиров, сапожник-одиночка, который был приписан к другой деревне (название ее неизвестно). Постояльцем из ссыльных записан у Аптрахима Азмухаметова русский Иван Васильевич Базлиукей, который «обычно живет в Инциссе», а «приписан к г. Таре»⁶, слесарь.

В количественном отношении тюркоязычное население Инцисса в конце XIX в. представлено следующим образом: 227 чел. – государственные крестьяне (поволжско-приуральские татары) и 94 – инородцы (сибирские татары). Места выхода пришлых татар – Казанская (45 чел.), Вятская (10), Симбирская (9), Самарская (8) и Уфимская (1) губернии. Несмотря на то что пришлые татары поселились в Инциссе в 1860–1970-х гг. (такой вывод можно сделать после изучения данных собранных среди населения генеалогий и материалов переписи 1897 г.), в конце XIX в., не зафиксировано ни одного брака между местными и пришлыми татарами.

Из 20 семей местных сибирских татар (1897 г.) в материалах 10-й ревизии найдены предки 16 семей. Не найдены потомки четырех семей, переписанных в 1858 г., – Ишбулата Аvasова, Барата Айтышева (жил один, 68 лет), Назира Аширбагина и Назира Марипова. Эти генеалогические линии прервались. У остальных семей изменилась часть фамилий: Азанов Баши → Абдулкаримов Абдулганей → Абдулкаримов Бадыр → Назиров Абайдулла → Сабарметов Аптрахман → Хафисов Мухамет Выхлетдин, Айтышев Назир → вдова Кансофарова Амина, Атнагулов Речап → Абубакиров Аптрафик → Атнагулов Абдулмаммет, Мунцын Нияс → Абдулвахитов Абдулканей → Валитин Мухамедвахит → Кутлахметов Абдулвахап → Кутлахметов Мухомеджан → Мухаметов Изатулла → Ногуманов Адельша, Тавлетбагин Курман → Маулюков Хуснутдин Савлют, Уразаев Уразмамет → Аширбагин Абдулла. В материалах переписи 1897 г. записан Аптыльмен Ниясов, которому 30 лет (промежуток между 10-й ревизией и данной переписью – 39 лет, поэтому невозможно определить его предков в связи со сменой фамилий в каждом новом поколении). Аптрафик Сабарметов и Ташмухамед Сабаралеев хотя и записаны в 1897 г. как местные (т. е. родившиеся в Инциссе), таковыми не являются: их предки не встречаются в имеющихся материалах ревизий населения. Быть может, они не были зафиксированы последней ревизией по причине их отсутствия на момент переписи или находились в бегах, что тоже не исключено. Семья Сайхетдина Сайдилинова переехала из Бухарской волости. Итак, состав местных сибирских татар в Инциссе остался почти прежним, а численность несколько уменьшилась (со 102 чел. в 1858 г. до 94 в 1897 г.). Значитель-

ный приток сюда поволжско-приуральских татар качественно изменил этнический состав населения данного поселения.

Материалы переписи 1897 г. дают представление о довольно-таки разнообразных занятиях населения д. Инцисс. Помимо упоминавшихся ранее как проживавшие здесь казенного лесника, слесаря, сапожника-одиночки зафиксированы в переписи и такие профессиональные занятия, как плотник, торговец красными товарами, пимокат и др. (табл. 10).

Таблица 10

**Этническая принадлежность и социальное положение населения
д. Инцисс (по данным переписи населения 1897 г.)**

Глава семьи	Социально-этническая принадлежность	Чем добывает средства к существованию	Количество жилых строений, из какого материала и чем крыты
Абдулвахитов Абдулганей	Иноходец	Хозяин земли, побочное занятие – скотоводство	Два дома (дерев., один крыт тесом, другой – без крыши)
Абдулкаримов Абдулганей	Иноходец	Хозяин земли, жена – швея- одиночка	Одно строение (дерев., крыто дранью)
Абдулкаримов Бадыр	Иноходец	Работник земли, отец – рыбовод	Один дом (дерев., крытый дранью)
Абдулманов Рахматулла	Государственный крестьянин	Земледелец, призреваемый	Один дом (дерев., без крыши)
Абубакиров Аптрафик	Иноходец	Хозяин земли, дядя (Речапов Атнагул) – рыбовод	Один дом (дерев., крытый дранью)
Азмухаметов Аптрахим	Государственный крестьянин	Работник земли, жена – прядет	Один дом (дерев., крытый дранью)
Алиакбаров Хамитулла	Государственный крестьянин	Земледелец	Один дом (дерев., без крыши)
Аптрашитов Валиулла	Государственный крестьянин	Земледелец, лесо- промышленник	Одно строение, крыто дранью
Аптулмануаков Тимиргали, припи- саны к д. Киргап, живут в Инциссе	Государственный крестьянин	Работник земли	Сведений нет
Асадулин Салимгирей, приписаны не здесь, живут постоянно в Инциссе	Государственный крестьянин из ссыльных	Сапожник- одиночка	Один дом (дерев., крытый дерном)
Атнагулов Абдулмамет	Иноходец	Плотник, земледелец	Один дом (дерев., крытый дранью)
Ахмаджанов Ахматсадык	Государственный крестьянин	Работник земли, побочно – ямщик	Сведений нет
Аширбагин Абдулла	Иноходец	Хозяин земли, жена плетет корзины	Один дом (дерев., крытый дранью)
Биктемиров Муфти	Государственный крестьянин	Хозяин земли, коновал	Один дом (дерев., крытый тесом)
Биктемиров Шагди	Государственный крестьянин	Хозяин земли	Одно строение (дерев., крытое тесом)

Глава семьи	Социально-этническая принадлежность	Чем добывает средства к существованию	Количество жилых строений, из какого материала и чем крыты
Биктаиров Хисаметдин	Государственный крестьянин из ссыльных	Работник земли	Два строения, одно крыто тесом, другое – без крыши
Богоутдинов Шарафутдин	Государственный крестьянин	Хозяин молочной лавочки, побочное занятие – десятский	Один дом (дерев., крытый дерном)
Валитин Мухамед	Иноходец	Хозяин земли	Один дом (дерев., крытый тесом)
Газимов Мухаметрахим	Государственный крестьянин из ссыльных	Хозяин земли	Один дом (дерев., крытый дранкой)
Геймадетдинов Гайметдин, у него квартирант	Государственный крестьянин	Дровосек, побочное занятие – земледелие	Один дом (дерев., без крыши)
Гизатуллин Габайтулла	Государственный крестьянин из ссыльных	Дровосек, побочное занятие – работник земли	Один дом (дерев., без крыши)
Губайдуллин Сабит	Государственный крестьянин	Работник земли	Один дом (дерев., крытый тесом)
Едиханов Абубакир, приписаны к Аевской волости, живут в Инциссе	Государственный крестьянин	Коновал, земледелие – побочное занятие	Один дом (дерев., крытый дранью)
Едиханов Мурдахан	Государственный крестьянин	Хозяин земли	Одно строение (дерев., крытое тесом)
Загидуллин Фейзулла	Государственный крестьянин	Саложник-одиночка	Один дом (дерев., без крыши)
Зайнуллин Синатулла	Государственный крестьянин	Хозяин земли	Одно строение (дерев., без крыши)
Изатуллин Хабибулла	Государственный крестьянин	Работник земли	Два дома (дерев., один крытый дранью, другой – без крыши)
Изатуллин Хайрулла	Государственный крестьянин	Земледелец	Два дома (дерев., крытые тесом)
Кансафарова Амина, ее сын Нурмухаметов Сайнетдин	Иноходцы	Работник земли	Один дом (дерев., крытый дранью)
Каримов Бакей Абдулов	Государственный крестьянин	Хозяин земли	Одно жилое строение (дерев., покрытое дранью)
Каримов Хуснетдин Бакиев	Государственный крестьянин	Хозяин земли	Одно строение (дерев., крытое тесом)
Кутлахметов Абдулвахаб	Иноходец	Мулла, учит грамоте по-татарски	Один дом (дерев., крытый тесом)
Кутлахметов Мухамеджан	Иноходец	Хозяин земли	Один дом (дерев., без крыши)

Глава семьи	Социально-этническая принадлежность	Чем добывает средства к существованию	Количество жилых строений, из какого материала и чем крыты
Маулюков Хуснутдин Савлют	Иноходец	Хозяин земли	Один дом (дерев., без крыши)
Муметдинов Гали	Государственный крестьянин	Хозяин земли	Одно строение (дерев., крытое тесом)
Мухамедьяров Сафа, Живут в д. Окунево, записаны в Инциссе	Государственный крестьянин из ссыльных	Хозяин земли	Одно строение (дерев., без крыши)
Мухамедьянов Шайтулла, приписан к Тюкалинску, живет в Инциссе	Государственный крестьянин	Хозяин земли, пимокат	Сведений нет
Мухаметов Изатулла	Иноходец	Хозяин земли	Один дом (дерев., крытый дранью)
Назирев Абайтулла	Иноходец	Рыболов, побочное занятие – работник земли	Один дом (дерев., крытый дранью)
Назамутдинов Юсуп	Государственный крестьянин	Торговец красными товарами, побочное занятие – земледелие	Сведений нет
Ниясов Аптыльмен	Иноходец	Работник земли	Один дом (дерев., крытый дранью)
Ногуманов Адсльша	Иноходец	Хозяин земли	Одно строение, крытое дранью
Нузаметов Ибраим	Государственный крестьянин из ссыльных	Работник земли	Сведений нет
Рахматуллин Абдулла, приписан к д. Юрт-Бергамаку	Государственный крестьянин	Работник земли	Сведений нет
Сабаралеев Аптрафик	Иноходец	Учитель грамоты по-татарски, бывший мулла	Одно строение (дерев., крытое тесом)
Сабаралеев Ташмухамед	Иноходец	Дровосек, работник земли	Сведений нет
Сайдулинов Сайхетдин	Иноходец	Плотник-одиночка, побочное занятие – земледелие	Одни дом (дерев., крытый дранью)
Сабарметов Аптрахман	Иноходец	Работник земли	Одни дом (дерев., крытый дранью)
Фаткулин Ахмат	Государственный крестьянин из ссыльных	Работник земли, овчинник	Два дома (дерев., крыты дранью)
Фаткулин Ильман	Государственный крестьянин	Хозяин земли	Два дома (дерев., крыты дранью)
Фахрутдинов Нурутдин	Государственный крестьянин	Работник земли	Один дом (дерев., крытый дранью)

Глава семьи	Социально-этническая принадлежность	Чем добывает средства к существованию	Количество жилых строений, из какого материала и чем крыты
Фахрутдинов Шайхутдин	Государственный крестьянин	Работник земли	Один дом (дерев., крытый дранью)
Читажин Феткатин	Государственный крестьянин из ссыльных	Хозяин земли	Один дом (дерев., крытый тесом)
Халитов Галиутдин	Государственный крестьянин	Хозяин земли, отец – рыболов (Маметов Халит)	Один дом (дерев., без крыши)
Хафисов Мухамет Выхлетдин	Иноходец	Хозяин земли, сельский староста	Один дом (дерев., без крыши)
Хисматуллин Изатулла	Государственный крестьянин	Хозяин земли	Одно строение (дерев., крыто дранью)
Хисматуллин Халитулла	Государственный крестьянин	Хозяин земли, сын – дровосек	Два жилых строения (одно крыто тесом, другое – дерном)
Хуснетдинов Гимодей	Государственный крестьянин из ссыльных	Хозяин земли	Одно строение (дерев., крыто дранью)
Хуснутдинов Билалетдин	Государственный крестьянин из ссыльных	Рыболов, побочное занятие – работник земли, жена – швея-одиночка	Два жилых строения (одно крыто тесом, другое – без крыши)
Хуснутдинов Киялетдин	Государственный крестьянин из ссыльных	Хозяин земли	Одно строение (дерев., крыто дранью)
Хуснетдинов Мухамедгафли	Государственный крестьянин	Земледелец, плотник	Одно строение (дерев., крытое дерном)
Чапаров Мухамедгарей	Государственный крестьянин	Хозяин земли	Два жилых строения (одно крыто тесом, другое – дерном)
Чаяфанов Биктемир	Государственный крестьянин из ссыльных	Живет на средства детей (см. Биктемировых)	Одно строение (крыто дранью)
Чемалетдинов Сахалетдин	Государственный крестьянин	Торговец красным товаром, побочно – хозяин земли	Два строения (дерев., крытые тесом)
Шаяхметов Гадилиулла	Государственный крестьянин	Работник земли	Два строения (дерев., крытые тесом)
Шаяхметов Рахматулла	Государственный крестьянин	Хозяин земли	Сведений нет

Сравнивая сведения о населении трех деревень, можно отметить значительное разнообразие занятий жителей д. Инцисс, которая, возможно, являлась центром близлежащих татарских и русских поселений. Сведения информаторов о том, что поволжско-приуральские татары арендовали земли у местных сибирских татар, опровергаются материалами первичных переписных листов переписи населения 1897 г. Здесь зафиксированы 3 категории отношения к земле – работник земли, хозяин земли и земледелец, а также понятие «чернорабочий», которое, скорее всего, является синонимом понятия «работник земли». Разночтения возможно объяснить тем, что люди, проводившие перепись в конкретном населенном пункте, по-разному

заполняли графу «где добывают средства к существованию». Можно предположить, что «хозяин земли» и «земледелец» имели свои собственные земельные наделы, а «работник земли» и «чернорабочий» обрабатывали наделы других людей, имея, возможно, и свои собственные небольшие наделы.

Поволжско-приуральские татары (в данном регионе в основном казанские татары) активно включились в систему землепользования. В Инциссе многие из них отнесены к категории «хозяин земли». Среди казанских татар в Инциссе были и лесопромышленник, и сапожник, и коновал, и хозяин молочной лавочки, и дровосек, и ямщик, и торговец красными товарами, и рыболов, и овчинник, и плотник, и пимокат. Такое разнообразие в хозяйственных занятиях населения Инцисса по сравнению с данными по поселениям Юрт-Бергамак и Чеплярово может быть объяснено с разных точек зрения. Возможно, какую-то роль в этом могло сыграть значительное количество казанских татар, превосходивших по численности сибирских. Можно заподозрить и недобросовестную работу переписчиков в деревнях Юрт-Бергамак и Чеплярово, которые, опрашивая людей, фиксировали только одно из занятий. Или это связано с центральным положением Инцисса в данной местности.

При сравнении состава населения д. Инцисс в конце XIX в. и сейчас найдено большинство потомков тех семей, которые жили здесь в конце XIX в. Сохранились такие фамилии, носителями которых были сибирские татары, как Аднагулов (в 1897 г. – Атнагулов), Валитов (в 1897 г. – Валитин), Кутлахметов, Назыров (в 1897 г. – Назиров). Среди казанских татар в Инциссе проживают в настоящее время потомки Аптрашитовых, Биктимировых, Дияншиных (в 1897 г. – Читажины), Карымовых (в 1897 г. – Каримовы), Низамутдиновых, Тухватулиных (в 1897 г. – Хисматулины), Хуснутдиновых, Шаяхметовых. В современной генеалогии Гайнуллы Аптрашитов определил себя сибирским татаринном, предки же его были записаны как «крестьяне государственные» (т. е. казанские татары). То же самое – в отношении Дияншина. Эти случаи объяснимы, т. к. носители этих фамилий – выходцы из этнически смешанных семей, когда один родитель – местный сибирский татарин, другой – пришлый поволжско-приуральский татарин.

Часть имеющихся в материалах переписи населения 1897 г. фамилий, носителями которых являлись и местные, и пришлые татары, исчезла. Как видно из генеалогических линий, составленных по архивным материалам, часть их прерывается, другая же часть генеалогических линий дает основную массу населения деревни. Надо иметь в виду, что усиление миграционных процессов в XX в., особенно во второй его половине, не способствовало сохранению постоянного состава населения. Не найдены предки проживающих в настоящее время в Инциссе Рахматуллиных, которые, судя по современным генеалогиям, появились в Инциссе в конце XIX в. Возможно, эта фамилия произошла от Рахматуллы Шаяхметова, у которого было четверо сыновей и старший в переписи населения 1897 г. записан как Зайнуллы Рахматуллин. Они осознают себя казанскими татарами, и, действительно, по переписи 1897 г. их предки записаны как «государственные крестьяне». Невозможность же в некоторых случаях сопоставить материалы переписи населения 1897 г. и современные генеалогические линии объясняется короткой генеалогической памятью респондентов, уходящей вглубь в основном уже на начало XX в.

Итак, население деревень Юрт-Бергамак, Инцисса и Чеплярово в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. в этническом плане было однородным, т. е. там проживали местные сибирские татары. Со второй половины XIX в. наблюдается значительный приток поволжско-приуральских (в основном казанских) татар, в результате чего претерпел некоторые изменения этнический состав населения данных поселений. Среди местных жителей при составлении генеалогических линий по материалам имеющихся переписей населения обнаруживается значительное постоянство. Появление здесь пришлых татар во второй половине XIX в. и усиление миграционных процессов со второй половины XX в. не способствовали сохранению этого постоянства. Но некоторая часть живущих сейчас в данных населенных пунктах – это потомки тех, кто жил здесь в конце XVIII в.

Следующая татарская деревня – *Берняжка* – в настоящее время расположена на территории Большереченского района Омской области, и проживают в ней татары. Первое название

этой деревни – *Тар-Тамак (Усть-Тарская)*. Это одно из тех немногих сохранившихся до наших дней поселений тарских татар на территории бывшей Аялынской волости, сведения о которых имеются в ясачных книгах 1625 г.⁷ Сведения об истории этого поселения и населении, проживавшем здесь в XVII в., имеются и в ряде публикаций⁸.

Население этой деревни в материалах 4-й ревизии отнесено к разным волостям, большинство – к Аялынской. Всего в Аялынской волости зафиксировано 23 двора, в которых переписано 120 чел. В некоторых семьях записаны умершие к моменту проведения ревизии люди, и фактическое количество ясачных татар в 1782 г. – 106 чел. Главами дворов переписаны Бака Аишев, Ташбулат Аптрашев, Булан Аркин, Кутамберды Байкишин, Нияс Баракгулов, Кучак Иренеев, Мавлют Ишкинин, Берняш Комаев, Тохташ Кутлаибин, Таматар Кураев, Ишкиния Курткачин, Юлташ Курткачин, Токмык Кучеев, Кутангул Мокшеев, Кочкобай Нумаев, Ашиян Тлевбердиев, Абышак Тохтагулов, Аvas Ямчуков.

Население пяти дворов приписано к Бухарской волости. В трех из них проживали государственные крестьяне, скорее всего прибывшие из европейской части России (12 чел.). В 1782 г. главами дворов переписаны Баякиш Бускунов, Тюляк Кунгушев и Атиягул Разанеев. На полях в ревизских сказках напротив глав семей написано, что «отставлен к ясаку» соответственно в 1776, 1778 и 1777 гг. И действительно, материалы 4-й ревизии единственные, где эти семьи отнесены к категории государственных крестьян, т. к. в последующих ревизских сказках они записаны как ясачные. В 1782 г. в двух дворах переписаны юртовские бухарцы (9 чел.) – это семья Казыма Бакина, переехавшая в Усть-Тарскую из г. Тары, и семья Мурата Мадеминова.

Материалы 5-й ревизии (1795 г.) представлены в архиве не полностью, а лишь о населении д. Усть-Тарской, приписанном к Бухарской и Порушной волостям. К Бухарской волости приписаны 4 семьи, причем сведения о семьях бухарцев Казыма Бакина (здесь главой семьи записана жена Казыма Казымова – Раши) и Мурата Мадеминова имеются в материалах предыдущей ревизии населения. Семья бухарцев, где главой записан Ахметсеит Бурханов, приехала в д. Усть-Тарскую из д. Речаново Бухарской волости. Семья Шагуна Изупова, в которой все записаны бухарцами, переехала сюда из г. Тары.

К Порушной волости в материалах 1795 г. приписаны 3 семьи, которые в 1782 г. были приписаны к Бухарской волости и относились к категории государственных крестьян, но т. к. они были приставлены к ясаку, то здесь они записаны как ясачные татары. Главами двух семей по-прежнему записаны Тюляк Кунгушев и Атиягул Разанеев. Глава еще одной семьи Баякиш Бускунов умер, и главой в 1795 г. записан его сын Ашир Баякишин.

Материалы 6-й ревизии (1811 г.) по этой деревне сохранились частично. В них имеются сведения только о пяти семьях, приписанных к Бухарской волости в ходе предыдущей ревизии. Увеличение количества семей на одну произошло за счет раздела семьи Мурата Мадеминова. Частично изменился и пофамильный состав населения в связи со сменой поколений и стал следующим: Раши Казымова (сын Измаил) → Нияскалы Измаилов, Шагун Изупов, Ахметсеит Бурханов, Мурат Мадеминов, Мурат Мадеминов (брат Ивла) → Ивлетов Мамет. О ясачных татарах этой деревни в материалах ревизии населения 1811 г. сведений нет.

Материалы 7-й ревизии населения (1816 г.) дают представление о жителях д. Усть-Тарской (Берняжка), приписанных к Аялынской и Бухарской волостям. Семьи, приписанные в материалах 5-й ревизии (1795 г.) к Порушной волости, здесь приписаны к Аялынской. Рассмотрим сначала семьи, приписанные к Аялынской волости. До этого сведения об этой категории жителей д. Усть-Тарская (Берняжка) имеются только в материалах 4-й ревизии (1782 г.). Временной отрезок между имеющимися материалами значителен (34 года), часть генеалогических линий не удалось состыковать. По-прежнему к Аялынской волости приписано население 23 дворов, в которых проживали ясачные татары. Население увеличилось со 106 чел. в 1782 г. до 130 в 1816 г. Большая часть семей, переписанных в 1816 г., – это потомки тех, кто жил здесь в конце XVIII в. Изменился и пофамильный состав населения в связи со сменой поколений. Часть семей разделилась (в основном братские семьи), и главами семей записаны следующие люди: Аркин Ангул (сын Булан) → Буланов Ашмен; Аптрашев Ташбулат → Таш-

булатов Иткучук; Байкишин Ашир → Аширов Мурат → Аширов Курбан; Байкишин Кутамберды (сын Абыш) → Абышев Бабай; Ишкинин Мавлют → Ишкинин Бекмай → Ишкинин Измаил → Ишкинин Курман; Ирнеев Кучак (сын Уразай) → Уразаев Сабарли → Кучаков Ташбулат; Кунгушев Тюляк (брат Наурус) → Тюляков Сабар → Наурусов Тохтамет; Курткачин Юлташ → Юлташев Куртачин; Курткачин Ишкения (сын Уразай) → Уразаев Ишкения; Разанаев Атнагул (сын Кучук) → Кучуков Нияс; Ямчуков Аvas → Авасов Барат. Предков нескольких семей, переписанных в материалах 7-й ревизии, обнаружить не удалось – это семьи Аваса Кулушева, Тавлетбаги Курманова, Аскара Кучербаева, Авасабаги Наурусова, Сабармета Нияскулова, Сеитмета Сейтыкова, Барачана Тавлиева. Возможно, предки некоторых из них жили в д. Усть-Тарской в конце XVIII в., но из-за отсутствия материалов 5-й ревизии (1795 г.) по ясачным татарам и в связи со значительным временным промежутком, отделяющим 7-ю ревизию от 4-й, невозможно проследить смену фамилий в этих семьях и реконструировать генеалогические линии.

В материалах 8-й ревизии (1834 г.) имеются сведения о семьях д. Усть-Тарской, приписанных к Порушной и Бухарской волостям. Отсутствует фрагмент переписи о приписанных к Аялынской волости. К Порушной волости приписаны 4 семьи, предки которых в материалах 4-й ревизии (1782 г.) приписаны к Бухарской волости, в материалах 5-й ревизии (1795 г.) – к Порушной, в материалах 7-й ревизии (1816 г.) – к Аялынской. Все это потомки государственных крестьян, которых в дальнейшем «приставили к ясаку». Главами семей записаны Курбан Аширов (1816 г.) → Курбанов Аитбага, Кучуков Нияс, Тохтаметов Наурус, Тюляков Сабар. Смена фамилий отмечена только в одной генеалогической линии.

Количество дворов, приписанных в 1834 г. (8-я ревизия) к Бухарской волости, по сравнению с 1816 г. не изменилось. Главами семей записаны те же лица, что и в материалах предыдущей ревизии населения.

Материалы 9-й ревизии населения по д. Усть-Тарской представлены полностью, т. е. имеются сведения о семьях, приписанных ко всем трем волостям – Аялынской, Бухарской и Порушной. Пофамильный и количественный состав семей, отнесенных к Порушной волости, по сравнению с 1834 г. не претерпел изменений. Количество семей, приписанных к Бухарской волости, также осталось стабильным. Однако здесь изменился пофамильный состав в связи со сменой поколений, и главами семей записаны: Бурханов Ахметсеит (1834 г.) → Ахметов Сеитбурхан, Ивлин Мамет, Ивлин Сафармет (1834 г.) → Сафарметов Юзуп, Измаилов Нияскалы (1834 г.) → Нияскалыев Измаил, Изупов Шагун, сын Имямин (1834 г.) → Имяминов Аптыкарим, Муратов Ашир (1834 г.) → Аширов Маулют, Муратов Нияс.

К Аялынской волости в д. Усть-Тарской приписано население 16 дворов. По сравнению с материалами 7-й ревизии 1816 г. (материалы 1834 г., как отмечалось ранее, по приписанным к Аялынской волости семьям д. Усть-Тарской отсутствуют), количество дворов уменьшилось с 23 до 16, однако возросло число жителей в этих дворах – со 130 до 221 чел. Это связано с тем, что к середине XIX в. по материалам ревизий прослеживается укрупнение семей, включавших порой членов четырех-пяти поколений. Изменился в ряде случаев пофамильный состав татарского населения деревни: Аширов Мурат (1816 г.) → Муратов Аширмет; Ишкинин Бекмай (1816 г.) → Бекмаев Речап; Буланов Ашмен, брат Авас (1816 г.) → Авасов Сафаралей; Уразаев Ишкения (1816 г.) → Ишкинин Уразай; Кулушев Авас (1816 г.) → Авасов Мурза; Кучербаев Аскар (1816 г.) → Аскар Барат; Сейтыков Сейтык (1816 г.) → Сейтыков Ашир; Ташбулатов Иткучук (1816 г.) → Иткучуков Авас. В остальных семьях в 1850 г. главами записаны те же лица, что и в 1816 г. В материалах 9-й ревизии по Аялынской волости имеются сведения о семье Аптрахмана Ханюкова, предки которого не упоминаются в материалах предыдущих ревизий.

Помимо всех вышеперечисленных семей в материалах 9-й ревизии появляются данные о двух поселенческих семьях – Мухамедиара Доминова и Тухватуллы Фаткулина, которые прибыли из Европейской России.

В материалах последней, 10-й ревизии (1858 г.) по-прежнему население д. Усть-Тарской приписано к трем волостям – Аялынской, Бухарской и Порушной. Однако этнический состав населения деревни несколько изменился.

В 1858 г. к Порушной волости три двора вместо четырех в 1850 г. (т. к. умер Наурус Тохтаметов (глава семьи), не оставив потомков по мужской линии). В двух семьях изменились фамилии по сравнению с 1850 г. Это можно проследить по генеалогическим линиям, приведенным в Приложении 2.

Произошли изменения среди приписанных к Бухарской волости. Из семи семей, переписанных в 1850 г., в материалах 10-й ревизии имеются сведения о пяти семьях. В одном случае умер глава семьи и не оставил потомков по мужской линии. Другая семья, где главой был записан Сеитбурхан Ахметов, предки которого были родом из д. Речапово, расположенной неподалеку, переехала на другое место жительства. В то же время в Усть-Тарскую по предписанию Тобольской казенной палаты причислено к Бухарской волости 3 семьи бухарцев из д. Речапово – это семьи Назыра Исмаилова, Иноят Маметкарымова и Маметея Кучукова.

В материалах 10-й ревизии семьи д. Усть-Тарская, приписанные в 1858 г. к Аялынской волости, разделены как бы на 2 группы. В первой переписаны семьи сибирских татар, предки которых прослеживаются по материалам предыдущих ревизий, и 2 новые семьи (Сабармета Таштимирова и Науруса Уразметова), причисленные сюда по предписанию Тобольской казенной палаты из близлежащих деревень – Чеплярово и Инцисса. У части семей наблюдается смена пофамильного состава населения в связи с образованием фамилий в новом поколении от имен отцов: Абышев Авасбага (1850 г.) → Авасбагин Айтмаммет → Авасбагин Абышак, Кучаков Ташбулат (1850 г.) → Ташбулатов Кучак, Муратов Аширмамет (1850 г.) → Аширмаметов Насретдин, Уразаев Сабаралей (1850 г.) → Сабаралеев Уразай. Отдельно к Аялынской волости приписаны сосланные на жительство в Сибирь татары из европейской части России (13 одиночек и 5 семей). Имеются в материалах 10-й ревизии и сведения о двух семьях татар-переселенцев из Европейской России, которые были упомянуты и в ходе 9-й ревизии. Если семья Мухамедиара Доминова по-прежнему приписана к д. Усть-Тарской, то семья Тухватуллы Фаткулина отчислена по предписанию Тобольской казенной палаты в д. Черталинскую той же Аялынской волости.

Итак, этнический состав населения д. Усть-Тарская (Берняжка) не был однородным и претерпевал постоянные изменения на протяжении рассматриваемых нами 76 лет (с 1782 г. по 1858 г.). В 1782 г. (4-я ревизия) большинство жителей деревни были ясачными, т. е. местными сибирскими татарами, приписанными к Аялынской волости. Две семьи «юртовских бухарцев» и три семьи «государственных татар» – переселенцев из Европейской России, приписанных к Бухарской волости, не могли существенно изменить этническую картину населения данной деревни. Однако в дальнейшем происходит рост числа бухарцев: с 9 чел. в 1782 г. до 169 в 1858 г. Семьи государственных татар, сведения о которых имеются в материалах 4-й ревизии (1782 г.), «отставленных к ясаку», в ходе последующих ревизий приписаны то к Аялынской волости, то к Порушной и затем отнесены уже к категории ясачных татар. Кроме того, в середине XIX в. в д. Усть-Тарская (Берняжка) оседает большое количество татар-переселенцев из Европейской-России.

Какие изменения в этническом составе населения произошли во второй половине XIX в.? Ответ на этот вопрос содержится в первичных материалах Первой Всероссийской переписи населения. Значительный временной промежуток между проведением 10-й ревизии (1858 г.) и Первой Всероссийской переписи населения (1897 г.) несколько затруднил работу по составлению генеалогических линий, т. к. за это время сменилось 2–3 поколения и соответственно – пофамильный состав. Часть генеалогических линий не удалось реконструировать из-за невозможности проследить смену фамилий: у Сабармета Нияскулова, Ашира Сайтыкова, Речапа Бекмаева, Уразая Ишкинина, Насретдина Аширмаметова, Абышака Авасбагина, Сабармета Таштимирова, Науруса Уразмаметова (ясачные татары Аялынской волости), Курбанова Назыра, Сафарова Курбана, Ниясова Атнагула (ясачные татары Порушной волости). Следует перечислить и бухарцев, чьи потомки не найдены в переписи 1897 г.: Маулют Аширов, Абреш Ниясов Муратов, Юзуп Сафарметов, Аптыкарим Имьяминов, Измаил Нияскальев, Назыр Исмаилов, Иноят Карымов. Что касается остальных семей, то при сравнении материалов 1858 г. и 1897 г. наблюдается все тот же закономерный процесс смены фамилий: Курманов Тавлетба-

га → Абдулгафаров Абдулрахим, Фаткулин Тухватулла → Фаткулина Зулейха, Аскарлов Барат → Музин Зайнух → Хайсулин (Хайзулин) Абдула, Авасов Мурза → Кармышаков Ниясмухамет → Назыров Шарафетдин → Назыров Мурза → Кармышаков Нурмухамет, Ханюков Аптрахман → Ханюков Аптрахим Аптрахманов → Ханюков Абулкарим Аптрахманов, Иткучуков Маметей → Князев Ташбулат Назыр, Ташбулатов Кучак → Кучаков Сарачитдин → Кучаков Сеутдин → Кучаков Шамсутдин, Сабаралеев Уразай → Курманбагин Аитмухамет → Курманбагин Сафаралей → Курманбагин Тавлетбага, Авасов Сафаралей → Халилов (Халитов) Аптрашит, Авасбагин Аитмаммет → Мухаметеев Гайнулла и Агнулла, Кучуков Маметей Юсупов → Абдулазисов Аблахат (Абдулахай) → воспитатель по найму у Сулихи Ниясовой Айтыкиной (умалишенной). Помимо перечисленных фамилий, главами дворов записаны Фасхулла Аитбулин, Мухаметшакир Аитлатипов, Апчелим Апсатаров, Мухаметвали Аптрахимов, Апсатар Аптрахманов, Абдулаптрахман Катыров, Абшакир-Абдул Катыров, Кансафар Назыров, Мрисафар Назыров, Муктахитдин Нурутдинов, Кармышак Рафиков, Сайнафитдин Хасанов, Тухватулла Хисматуллин, Мухаметали Шамшетдинов, Хасанитдин Курманов.

Деревня, как видно из материалов переписи населения 1897 г., состояла из 30 дворов и 8 дворов на заимке. В 33 дворах проживало инородческое население (так записывали местных сибирских татар). В одном дворе записана Сулиха Ниясова Айтыкина (умалишенная) из купцов. Еще в одном дворе глава записан как «крестьянин из ссыльных», а сын постоялки «государственный крестьянин» Нигматулла Жидиханов – просто как крестьянин (по материалам переписи 1858 г. известно, что он был сослан на жительство в 1856 г.). Михаил Осипович Серемин (записан государственным крестьянином) жил в этой деревне и числился писарем. В социально-этническом отношении население д. Усть-Тарская (Берняжка) выглядело следующим образом: инородцев – 82 чел.; крестьян из ссыльных – 3; крестьян государственных – 3; бурхарцев – 7; крестьян – 8; мещан – 1 (русский); из купцов – 1. Количество местных сибирских татар значительно уменьшилось (с 209 чел. в 1858 г. до 82 в 1897 г.). В целом же число жителей д. Усть-Тарская составило 105 чел.

Первичные переписные листы переписи населения 1897 г. предоставляют сведения о местах выхода татар-переселенцев – это Самарская губерния и Казань. Не менее важной является информация о том, где добывают жители д. Усть-Тарская (Берняжка) средства к существованию и какие жилые строения имела каждая семья (табл. 11).

Из таблицы видно, что большинство населения было земледельцами (21 семья), в 13 семьях главы записаны чернорабочими; трехэтажный дом был всего один, двухэтажных – пять (из них один общественный), в одном случае – два строения под одной крышей, у одной семьи – три собственных дома, семь домов без крыши, все остальные дома построены из дерева и крыты деревом.

Таблица 11

**Этническая принадлежность и социальное положение населения
д. Усть-Тарская (по данным переписи населения 1897 г.)**

Глава семьи	Социально-этническая принадлежность	Чем добывает средства к существованию	Количество жилых строений, из какого материала и чем крыты
Абдулгафаров Абдулрахим	Инородец	Земледелец	Одно строение (собственное, дерев., без крыши, один потолок)
Аитбулин Фасхулла	Инородец	Чернорабочий	Одно строение (пятистенное, собственное, дерев., крыто деревом)
Аитлатипов Мухаметшакир	Инородец	Чернорабочий	Одно строение (собственное, без крыши)

Глава семьи	Социально-этническая принадлежность	Чем добывает средства к существованию	Количество жилых строений, из какого материала и чем крыты
Апсатаров Апчелим	Иноходец	Земледелец	Одно строение (собственное, дерев., крыто деревом)
Аптрахимов Мухаметвали	Крестьянин из ссыльных	Чернорабочий	Одно строение (собственное, дерев., крыто деревом)
Аптрахманов Апсар	Иноходец	Земледелец	Одно строение (собственное, трехэтажное, пятистенное, дерев., крыто деревом)
Жидиханов Нигматулла	Крестьянин из ссыльных	Чернорабочий	Одно строение (собственное, дерев., крыто деревом)
Кармышаков Ниясмухамет	Иноходец	Земледелец	Одно строение (собственное, дерев., крыто деревом)
Кармышаков Нурмухамет	Иноходец	Земледелец	Одно строение (собственное, дерев., крыто деревом)
Катыров Абдулаптрахман	Иноходец	Земледелец	Одно строение (собственное, дерев., крыто деревом)
Катыров Абшакирабдул	Иноходец	Земледелец, мельник	Одно строение (двухэтажное, связанное, дерев., крыто деревом)
Князев Ташбулат Назыр	Иноходец	Коммерция, имеет дворника, помощника дворника, временного рабочего	Одно строение (двухэтажное, пятистенное, дерев., крыто деревом)
Курманбагин Аитмухамет	Иноходец	Чернорабочий	Одно строение (собственное, дерев., без крыши)
Курманбагин Сафаралей	Иноходец	Земледелец, лесопромышленник	Три строения (дерев., крыты деревом)
Курманбагин Тавлетбага	Иноходец	Земледелец	Нет сведений
Курманов Хасанитдин	Иноходец	Земледелец	Два строения под одной крышей (собственные, дерев., крыты деревом)
Кучаков Саранитдин	Иноходец	Земледелец, у него постоялец поденщик	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Кучаков Сеутдин	Иноходец	Земледелец, плотник, каменщик	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Кучаков Шамсутдин	Иноходец	Земледелец	Одно строение (двухэтажное, пятистенное, собственное, дерев., крыто деревом)

Глава семьи	Социально-этническая принадлежность	Чем добывает средства к существованию	Количество жилых строений, из какого материала и чем крыты
Музин Зайнух	Инородец	Земледелец	Одно строение (собственное, дерев., крыто деревом)
Мухаметеев Агнулла	Инородец	Земледелец	Одно строение (собственное, дерев., без крыши)
Мухаметеев Гайнулла	Инородец	Чернорабочий	Одно строение (собственное, дерев., крыто деревом)
Назыров Кансафар	Инородец	Чернорабочий	Одно строение (собственное, дерев., без крыши, с деревянным потолком)
Назыров Мирсафар	Инородец	Земледелец	Одно строение (собственное, дерев., крыто деревом)
Назыров Шарафетдин	Инородец	Земледелец, рыболов	Одно строение (собственное, дерев., крыто деревом)
Нуритдинов Муктахитдин	Инородец	Чернорабочий	Одно строение (собственное, дерев., крыто деревом)
Рафиков Кармышпак	Инородец	Чернорабочий	Одно строение (собственное, дерев., крыто деревом)
Серемин Михаил Осипович	Государственный крестьянин	Писарь Аялынской волости, имеет помощника, мещанин	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Фаткулина Зулейха	Крестьянка	Мещанка, чернорабочая	Одно строение (дерев., крыто деревом)
Хайсулин Абдулла	Инородец	Земледелец, рыболов	Одно строение (пятистенное, дерев., крыто деревом)
Халилов Аптрашит	Инородец	Земледелец	Одно строение (собственное, дерев., без крыши)
Ханюков Абдулкарим Аптрахманов	Инородец	Чернорабочий	Одно строение (собственное, дерев., без крыши)
Ханюков Аптрахим Аптрахманов	Инородец	Чернорабочий	Одно строение (собственное, дерев., крыто деревом)
Хасанов Сайнафитдин	Инородец	Чернорабочий	Одно строение (двухэтажное, пятистенное, общественное)
Хисматуллин Тухватулла	Инородец	Земледелец, чернорабочий	Одно строение (собственное, дерев., без крыши)
Шамшетдинов Мухаметали	Инородец	Земледелец	Нет сведений

Возникает ряд вопросов в связи с изменениями этнического состава населения. Во-первых, куда делись бухарцы (в 1858 г. их было 169 чел.) и татары-переселенцы? Во-вторых, почему сократилось количество местных сибирских татар? Относительно бухарцев, по сведениям С.К. Патканова, известно, что 19 семей были приписаны к Бухарской волости (д. Усть-Тарская)⁹, но первичных переписных листов в архиве не найдено. Татары-переселенцы из Европейской России, скорее всего, осели в близлежащих татарских селениях. Так, в д. Инцисс в конце XIX в. (перепись 1897 г.) появились казанские татары Доминовы, в д. Черталы – Фаткулины. Именно эти фамилии зафиксированы в материалах 10-й ревизии (1858 г.) по д. Усть-Тарская. Учитывая, что для каждого татарского поселения характерен свой круг фамилий, то это предположение, приведенное выше, может быть верным. Что касается сокращения численности сибирских татар, то в связи с изменением места расположения деревни (см. 2-ю главу) часть семей из Усть-Тарской переехали во вновь образованную д. Ново-Мурлинская.

В 1994 г. проходил сбор родословных среди татарского населения д. Берняжка, в ходе которого немаловажное значение придавалось этнической самоидентификации и этнической принадлежности предков интервьюированных. Анализ современных родословных показал, что большинство населения (95,7 %) определяет себя сибирскими татарами. Соответственно к пришлым (казанским, башкирским) отнесли себя 4,3 % опрошенных. На уровне этногенетического сознания ситуация несколько иная: считают своих предков местными сибирскими татарами по обеим линиям (материнской и отцовской) 79,7 % опрошенных, пришлыми татарами (также по обеим линиям) – 5,8 %, являются выходцами из этнически смешанных семей (когда по одной линии – сибирские, по другой – поволжско-приуральские татары) – 14,5 %. Только в двух случаях информаторы сообщили о якобы имевшихся среди их предков бухарцах. В то же время память о бухарцах этой деревни отразилась в названии тугума «сарт», частушках про сартов и т. п.

По материалам похозяйственных книг, в д. Берняжка сейчас живут представители 27 фамилий. По собранным родословным можно выделить так называемые «местные» фамилии и фамилии, появившиеся здесь в связи с переездом их носителей из других деревень. Местные фамилии по родословным – Агафуровы (4 семьи), Азановы (2), Князевы (7), Назыровы (4), Ниязовы (3), Рафиковы (2), Сафаралеевы (5), Суючевы (3), Чалеевы (2), Шамсутдиновы (3).

Определив таким образом круг местных фамилий, сопоставим материалы генеалогий с реконструированными генеалогическими линиями и материалами переписи населения 1897 г. В итоге количество местных фамилий уменьшилось. Достоверно местными можно считать следующие фамилии: Агафуров, Князев, Назыров, Сафаралеев, Рафиков, Шамсутдинов. Предки Агафуровых и Назыровых под другими фамилиями прослежены до 1816 г., Князевых и Сафаралеевых – до 1782 г. Сведения о Рафиковых и Шамсутдиновых впервые появляются в материалах переписи населения 1897 г. Закрепление этих фамилий прошло уже в начале XX в., т. к. еще в материалах переписи населения 1897 г. их предки в основном записаны под другими фамилиями (см. Приложение 2).

Как уже отмечалось ранее, д. Берняжка (бывшая Усть-Тарская) – одно из немногих существовавших в конце XVII в. и сохранившихся до наших дней поселений тарских татар. Этнический состав населения не был постоянным. Если в ясачных книгах 1625 г. здесь записаны ясачные (т. е. местные сибирские) татары¹⁰, то в 1782 г. уже зафиксированы бухарцы и государственные крестьяне-переселенцы. На протяжении первой половины XIX в. произошло увеличение числа бухарцев. В середине XIX в. сюда водворили ссыльных татар-переселенцев из европейской части России. В конце XIX в. вновь изменился этнический состав населения в связи с переселением поволжско-приуральских татар в другие населенные пункты. Основной массив населения составили сибирские татары, остальную часть – нескольких семей бухарцев и поволжско-приуральских татар. В целом такое же соотношение этнических компонентов характерно и для настоящего времени, за исключением того, что память о бухарцах сохранилась только на этногенетическом уровне.

Все вышеупомянутые деревни располагались вверх по Иртышу и являлись исконными поселениями аялыных татар. В этих деревнях бухарский компонент отмечен в незначитель-

ном количестве. Отличает их другой группы – туралинских татар – и то, что именно в поселениях аялынцева в конце XIX в. стали расселяться поволжско-приуральские татары.

Теперь на примере изучения генеалогий населения д. Сеитово проследим, какое место в составе туралинских татар занимают бухарцы. Еще раз отмечу, что в целом для этой группы тюркского населения характерно преобладание бухарского компонента и незначительное число переселенцев из Европейской России – поволжско-приуральских татар, которые в основном расселились среди аялынских татар.

Население д. Сеитово в конце XVIII в. было приписано к Аялынской, Бухарской, Подгородной и Остяцкой волостям. В связи с тем, что к Остяцкой волости было причислено только 2 семьи, а основной состав жителей Подгородной волости во второй половине XIX в. был причислен к Аялынской волости (ранее указывалось, что к Подгородной волости в конце XIX в. приписаны объясаченные служилые татары, после 1822 г. переведенные в сословие «инородцев»), реконструкция генеалогических линий производилась в двух направлениях, определяемых этносоциальным составом населения, – это бухарцы и инородцы (бывшие ясачные и служилые татары). Реконструированные генеалогические линии представлены в приложении 2. В данных генеалогических схемах указаны года проведения ревизий населения (и, соответственно, фиксации семейного состава). В тех генеалогических линиях, которые удалось соотнести с современными родословными, указаны года сбора этих родословных, без указания дат приводятся сведения о тех людях, чьи имена есть в современных родословных, но нет в переписях населения.

В сопоставлении материалов различных переписей населения, как уже было замечено выше, сложности вызывает довольно своеобразное образование фамилий татар, а также некоторые изменения в написании имен русскими переписчиками и звучании имен: меняются приставки к именам, оглушаются или озвончаются некоторые звуки, несколько изменяются некоторые слоги, что вызвано также не очень хорошим состоянием архивных документов, небрежностью переписчиков, трудностью восприятия на слух татарского имени для русского переписчика, что влекло за собой некоторые погрешности. Поэтому в генеалогических схемах в скобках приводятся варианты написания.

В описательной части даются более подробные сведения, касающиеся как процесса реконструкции генеалогических схем, так и интересных моментов, отмеченных в материалах переписей.

Бухарцы

В 1795 г. (5-я ревизия) в д. Сеитово был зафиксирован 41 двор, где главами семей числились бухарцы. 31 семья имела потомство по мужской линии. При этом были переписаны не только мужчины – главы семей, но и вдовы, например, умершего бухарца Няята Аптыгарымова жена Мярбана Таутова – 53 года, из д. Сеитово, бухарская дочь, сыновья Нияс, Меркал и Бетназар.

Семья Турсума Абреимова переехала из д. Сеитово в д. Туралинскую, где и была записана. В свою очередь, семья умершего бухарца Няята Аптыгарымова, где главой записана его вдова Мярбана Таутова, семья умершего бухарца Кучука Аширова, где главой записана его вдова Еклиша Муратова, холостой Барат Аширов переехали сюда из д. Себеляково. Семья Саны Барбазанова отбыла в д. Речапово и там приписана. А оттуда в д. Сеитово переехала семья Реимбаки Халилова. Таким образом, миграции происходят в пределах расселения бухарцев.

В материалах 6-й ревизии населения (1811 г.) имеются сведения о 28 семьях, зафиксированных в предыдущей ревизии. Мустафа Медемьянов и Мамет Меемьянов умерли холостыми, а сведений о семье Барамчи Кутлеметева (сын Юзук, внук Нияс, внук Умет) в материалах этой ревизии не содержится. К Бухарской волости в д. Сеитово приписано 3 новые семьи: Нияс Мамеутов с сыновьями Мамеутом и Назиром переселились из д. Речапово в 1810 г.; Усман Маметшарипов с сыновьями Маметшарипом, Маметали, Залфугиром и племянниками Аснеевым Паширом и Назыровым Абасом переселились из д. Иткуловой в 1799 г., как и семья Аитбаги Аптыбашева с сыновьями Нияскулом, Сафаром и Реимбагой. По материалам данной ре-

визии также можно увидеть и некоторые изменения в пофамильном составе бухарского населения. В частности, процесс смены фамилий произошел в 13 семьях, т. к. фамилий, как таковых, татары не имели и имя отца записывали вместо них: Атымчан Маминияков – глава семьи в 1795 г. – Атимчанов Мамлюк, его старший сын, стал главой семьи в 1811 г., при этом со своим братом Кразмаметом, имевшим троих детей, живших одним двором, что было вполне типично для большинства населения деревни. В другой семье, где в 1795 г. главой был Селемьян Кембятов (имя явно не татарского происхождения, но распространилось в дальнейшем на многочисленное потомство) – в 1811 г. главой семьи записан его внук Вельямин (Селемьян) Наурусов, получивший имя в честь деда, а фамилию от отца Науруса Селемьянова.

Интересной является ситуация в фамилиеобразовании в одной из семей: в 1795 г. главой семьи был Ашир Тевлякмаметов, а в 1811 г. главой семьи стал Нияс Аширтюляков. Здесь фамилия в своей основе имеет не только имя отца, но и приставку от его фамилии. Другой двор имел уже свою особенность, т. к. здесь еще по предыдущей ревизии на имя жены умершего бухарца Селемьяна Камсеитова Камлюши Цалиловой записаны дворовые люди, которыми семья владела на основании указа Тарской канцелярии от 22 сентября 1736 г. В ревизии 1811 г. эти дворовые люди опять записаны на имя умершего хозяина, хотя фактически составляли самостоятельное семейство. Это были Аибага Маметов, его брат Ягутбай (умер в 1811 г.), второй брат Маметбага с сыном Мурсафаром, сын Мамет. Их этническая принадлежность не ясна, но в дальнейших ревизиях и переписи они записаны бухарцами.

К 1834 г. (материалы 8-й ревизии) произошло увеличение количества дворов до 57, что объясняется разделением семей: 14 семей разделилось на 41, т. к. взрослое мужское потомство завело свои семьи. Например, в 1811 г. главой семьи был записан Нияс Назыров, у которого было пять сыновей – Мурсафар, Назир, Маметей Ахмет, Пашир. Уже в материалах 1811 г. у трех старших сыновей были свои семьи, приписанные ко двору отца. В материалах 1834 г. это уже самостоятельные дворы Мурсафара Ниясова, Назира Ниясова и Маметей Ниясова (4-й брат, Ахмет, умер в 1808 г., 5-й брат умер в 1800 г.).

В материалах этой ревизии зафиксировано и прибытие в Сеитово трех новых семей, приписанных к Бухарской волости: Исака Иптесова с четырьмя сыновьями, Шабана Хайгучина с одним сыном, Аллюяра Кагыпа с двумя сыновьями. Место, откуда они прибыли, указано не было.

9-я (1850 г.) ревизия дает нам несколько изменившуюся картину количественного и пофамильного состава населения д. Сеитово, приписанного к Бухарской волости. Общее количество переписанных дворов составило 50. Таким образом, налицо уменьшение количественного состава: в четырех случаях главы семейств умерли, не оставив после себя потомков по мужской линии – Исак Ниясов, Нияскул Кучуков, Аvasбага Итнасаров (Итигеев) и Курман Бакин (Байтов). Семья Бариязара (Башизара) Иноятова, сыновья Тохтамет и Башир, в материалах ревизии не зафиксирована. А семья Реимбаги Шабанова и семья Аптухамета (Аитмухамета) Уразмаметова, где переписаны брат отца Шамамет, сыновья брата отца Аптрахман и Измамед, которые являются друг другу родственниками, т. к. Реимбага Шабанов – это отец и Уразмамета, и Шамамета, и дед Аитмухамета Уразмаметова, в 1850 г. переписаны вместе. Также в этой ревизии содержатся данные о вновь появившейся семье Мурсафара Муркоманова, но, откуда она прибыла, неизвестно. Что касается изменения пофамильного состава, то здесь наблюдается следующая картина: Карымдатов Кучамшугур → Кучамшугуров Ашир, Маметшарипов Усман → Усманов Маметшарып, Маметшарипов Маметали → Усманов Маметкалы (Маметали), Изыметов Тохтабай → Тохтабаев Азан, Изыметов Иноят → Аният (Иноят) Аширбага, Иноят Нияскул → Нияскулов Тавлетбага, Сеиткулов Тавлетбага → Багин Ягуп Мамед, Кучуков Мурза → Мурзаев Сафармет, Ниясов Маметей → Маметеев Нияс, Абреимов Азан → Азанов Абдулхамед и т. д. Таким образом, здесь подтверждается традиция образования фамилий от отцовских имен.

Поеледняя, 10-я ревизия (1858 г.) содержит данные о 53 дворах бухарских татар д. Сеитово. Умерли без потомков по мужской линии главы семей: Умер Кучамшугуров, Абас Назиров, Речап Тохтазытов (Тохтарыпов), Реинбака Аширов, Абдусатар Тохтазынов, Хансиат

(Гап Сеит) Давыдов, Абибулла Сейтбагин, Нияскул Карымдатов с сыном Иясхаком. Но в этой ревизии есть сведения о семьях, которые не переписаны в предыдущей ревизии, например Тохтамет Иноятов, сведения о котором есть только в ревизии 1834 г.

Семейство Чеманчина Али Речалбагина с тремя сыновьями и двумя братьями с детьми «на основании предписания Тобольской казенной палаты от 11 апреля 1858 г. за № 3383, согласно прошению, поданному в оную, перечислено в д. Себеляково, в коей и состоит записанным по десятой народной переписи под № 55»¹¹.

Сведения, содержащиеся в 10-й ревизии, дают основание сделать заключение о том, что пофамильный состав населения изменился лишь отчасти и в некоторых случаях фамилии отцов закрепились и передались сыновьям. Также следует отметить и появление отчеств в нескольких случаях. Например, Тохтагенов (Тохтарыпов) Сююч → Тохтазынов (Тохтагенов) Сафарали Суючев, Кучуков Исак → Кучуков Абдулбаис, Кучуков Абреим → Кучуков Речал Абреимов, Мурзаев Сафармет → Мурзаев Мурза, Уразметов Айтбака → Уразметов Таулетбака (причем в этой семье также вновь появляются родственники, ранее записанные в 1834 г.), Наурусов Вениамин → Наурусов Наурус Вениаминов и т. д. Следует упомянуть и новоприбывшее, причисленное к Бухарской волости семейство Апкильдера Кунаева (он же Музин), члены которого были записаны каракалпаками.

Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. отражает изменения в составе бухарского населения деревни, произошедшие во второй половине XIX в. Значительный временной промежуток между проведением 10-й ревизии (1858 г.) и первой переписи (1897 г.) несколько затрудняет работу по составлению генеалогических линий, т. к. за это время сменилось 2–3 поколения, а соответственно – пофамильный состав. Ведь даже если сыновья и брали фамилии отцов, это не говорит о том, что подобные фамилии закрепились окончательно. Часть генеалогических линий так и не удалось реконструировать. Это были потомки Маметея Неникаева, Сафара Айтбагина, Рейнбаки Айтбагина, Мурсафара Муркоманова, Мамета Айтбагина, Аваса Назырова, Ниясамета Рахмангулова, Аптрочака Рейнбагина, Мадемина Бахметева, Исака Неникаева, Кангучи Хайгучина, Сафармета Аллоярова, Тохтамета Иноятова, Абдусалима Ниясова, Барата Кунаева, Аптрахмана Рейнбакина, Абдулл-Валида Азанова, Абреимова Аптрахмана, Кучамшугурова Речапа, Атакишина Аптуллы, Абдулбаиса Кучукова, Мурзы Мурзаева, Мурата Кучукова, Ягупа Маметбагина.

Однако большая часть генеалогических линий все же была реконструирована: Аширов Ашир → Аширов Ташмагоммет Ташбулатов. Халилов Нияс → Халилов Аптул Карым, Аширов Баязит Кутмаматов → Кульмаматов Кульмаммет Баязитов → Кульмаматов Ахмет Баязитов → Кульмаматов Алиулла Баязитов → Кульмаматов Абубакир Баязитов, Усманов Маметкалы → Усманов Магомметчан Мугаметкалыев, Усманов Усман → Усманов Сайнетдин Усманов, Ягупов Аюп Измаилов → Исмаилов Хабибулла Аюпов, Тохтазынов Сафарали Суючев → Суючев Суюч Сафаралеев и др. По поводу реконструкции генеалогических линий семи семей были выдвинуты некоторые предположения в отношении их предков, но здесь точно установить их не удалось. Вероятно, Мугаметалим Сабаралеев Авасов – это сын Авасова Сафарали, но здесь несколько расходится звучание имен и возраст, но сочетание имен Авас и Сафарали (Сабарали) встречаются только в данном случае. Поэтому и было сделано предположение об их родстве.

Скандар Мунасинов Айтыкин (31 год), вероятно, приходится братом Сейнуллы Тавлетова Айтыкина, причем, скорее всего, двоюродным. Точно установить не удалось, т. к. он родился позже 1858 г., но предположительно является сыном Маназыпа Уразметова (в точном звучании этого имени есть сомнения), а отсюда и фамилия по деду и отчество по отцу.

Исмаил Таутов Имяминов (32 года) – самая большая вероятность, что это сын Атаучи Вениаминова Наурусова. Имя «Атауча» вполне могло быть записано как Атаута или Таута, а отсюда и отчество Таутов, что вполне созвучно.

Чамалетдин Магомметев Кучуков и Ахмет Магомметей Кучуков предположительно являются сыновьями Маметея Абраимова Кучукова (Ибраимова), а Ишмагоммет Ибраимов Кучуков скорее всего тоже из этой семьи, т. к. у него подходят и фамилия, и отчество, но сказать со стопроцентной точностью нельзя.

Сомнения были и в случае определения предков Ишмагомета Тавлетбагина и Ташмагомета Нияскулова Тавлетбагина. В ходе исследования было выдвинуто предположение, что второй был потомком Тавлетбаги Нияскулова, что было отчасти подтверждено в ходе сравнительного анализа имеющихся данных ревизий, но подтверждено не до конца. А предки Ишмагомета Тавлетбагина не найдены, хотя изначально рассматривалась версия его родства с Тавлебагой Нияскуловым.

Этнический состав населения д. Сеитово, приписанного к Бухарской волости, – это бухарцы за исключением пяти человек. Ацибба Маметбагина Сеитбагина с дочерью являются прохожими (как указано в переписи), которые временно пребывают у Мирсафара Маметыкова Маманиясова и записаны как инородцы из Ишимского округа, которые живут сбором подалий. Сульбана Итигарова тоже записана инородкой, но она местная и является тещей бухарца Сабарметова Ишмугамета Сабарметова. Назир Курманов Набиров – работник у Магометчана Мугаметкалиева Усманова. Набиров – инородец, родился и приписан к д. Тусказань. И, наконец, Ашир Сабралеев Уразметов тоже инородец. Он пасынок бухарца Аптулкарима Ниясова Халилева.

В материалах переписи 1897 г. имеются и другие, в отличие от ревизий, сведения о жителях деревни. Основными занятиями населения являлись рыбный промысел, извоз, поденная работа, было несколько матросов, служивших на пароходах; у многих жителей свое собственное хозяйство. Указной мулла – Мугамет Наурусов Имяминов. До этого указным муллой на момент ревизий 1850 и 1858 гг. был Аширбага Иноятов (Аниатов), а ранее мулла в ревизиях не указан. Грамотных в деревне было 47 чел. (в основной массе учились у муллы) и 93 – неграмотных (не считая детей младше 12 лет).

В 1998 г. среди татарского населения д. Сеитово проходил сбор родословных членами этнографической экспедиции Омского госуниверситета и Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН. В процессе сбора важное значение придавалось этнической самоидентификации опрашиваемых и этнической принадлежности их предков. В основном все население определило себя сибирскими татарами. Здесь наблюдается перенос своего этнического самосознания на своих предков.

По материалам похозяйственных книг, в деревне сейчас живут представители 30 фамилий. При сравнительном анализе собранных генеалогий и материалов переписи было установлено, что предков бухарцев имеют представители как минимум трех фамилий.

Ташмугамет Альямович Имяминов, чьим отцом был Альям Бореевич Имяминов, приходится внуком Абдул Бари Абубакирову Имяминову и правнуком Абубакиру Наурусову Имяминову. Алиахмет Алиакбарович Имяминов является потомком Ахмета Наурусова Имяминова, который был его прадедом.

Мунавара Бореевна Мухамадеева (Имяминова) – это родная сестра отца Ташмугамета Альямовича Имяминова и, следовательно, внучка Абубакира Имяминова.

Мильнур Масхутович Имяминов – сын Масхута Хаппаровича и внук Абдула Чапара Сафармухаметова.

Анализ другой семьи показал, что в браке состоят троюродные брат и сестра: Шайхетдин Разетдинович Имяминов – это внук Атагучи Азанова Имяминова, а Сара Зариповна Имяминова (Имяминова) – это внучка Хисамеадина Азанова Имяминова. А Атагуча и Хисаметдин Имяминовы приходятся друг другу родными братьями.

Также весьма любопытен тот факт, что все ныне живущие потомки Имяминовых считают своих предков сибирскими татарами и нисколько не сомневаются в этом.

Марьян Зайдуловна Курманова (Муратова), 1947 г. р., и Алиарбак Зайдулович Муратов, 1937 г. р., – родные брат и сестра. Как себя, так и своего отца считают сибирскими татарами. Их отцом был Зайдула Мирхайдарович Муратов (1905–1978 гг.) – сын бухарца Мирхайдара Муратова Сеитмухаметова.

Отцом Родимана Мирсалимовича Ташбулатова был Мирсалим Тачетдинович Ташбулатов, чьим отцом, в свою очередь, являлся Тачиттин Ташбулатов Аширов.

Делюс Альфридович Иксанов – потомок Шамшитина Ташбулатова по материнской линии. Считает предков сибирскими татарами, хотя Ташмагомет Аширов (отец Шамшитина) был бухарцем. Здесь наблюдается все та же знакомая картина переноса своего этнического самосознания на своих предков. В целом же такая ситуация вполне характерна для большинства потомков бухарцев, предки которых на протяжении длительного времени проживали совместно с местными татарами.

Иностранцы

В соответствии с данными ревизий и переписей в д. Сеитово проживали не только юртовские бухарцы. Были исследованы также и материалы, касающиеся населения, приписанного к Подгородной, Остяпкой и Аялынской волостям Тарского округа Тобольской губернии. После Указа 1822 г. их всех зачислили в состав иностранцев, поэтому в данном разделе они так и рассматриваются, но, как отмечено ранее, сюда входили не только бывшие ясачные татары, но и объявленные служилые татары. Для проведения данного исследования были использованы материалы 4-й (1782 г.), 5-й (1795 г.), 6-й (1811–1812 гг.), 8-й (1834 г.), 10-й (1858 г.) ревизий¹², переписи населения 1897 г.¹³. Кроме архивных источников, были использованы также и материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической экспедиции Омского государственного университета, Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН 1998 г.

В 1782 г. в деревне было зафиксировано 30 дворов, где главами семей являлись ясачные татары. 23 семьи имели потомство по мужской линии. Одна семья имела только дочерей – это семья Нияса Аширова, у которого было на тот момент только две дочери. Два двора – это неразделенные семьи. Первая – глава семьи Сабар Аптигаримов, его жена и сын, с ними жил его брат Бака Аптигаримов с женой и сыном. Вторая – глава семьи Муратбака Речалов с женой и брат Речап. Еще четыре семьи потомства не имели. Главами этих семей были Мамурза Авазов, Ишмет Реимгулов, Нияс Шамурзяков и Нияс Серняшев.

Сведений о том, откуда прибывали те или иные семьи, не содержалось. Все записаны как местные уроженцы.

Особо стоит отметить две семьи. Это новокрещенные татары. Первая семья: глава семьи – новокрещенный Иван Федоров, ранее звался Отцы Шамиев. Старший сын Ашир при крещении переименован Федором, второй сын крещен Иваном. Вторая семья: глава – новокрещенный Михайло Попов, ранее звался Курман Апробин. У него тоже было два сына – Иван и Николай.

В материалах следующей, 5-й ревизии содержались сведения уже о 38 дворах. Среди них есть и новоприбывшие из других деревень. Количество зафиксированных дворов увеличилось также за счет разделившихся семей. Но есть и «необнаруженные» семьи, т. е. те, сведения о ком были в предыдущей ревизии, но не найдены в следующей. В этой ревизии не были обнаружены сведения о Шишняке Куняшеве и о Ниясе Шамурзякове. О втором известно, что он на тот момент уже умер.

К новоприбывшим относятся Мамет Сеиткулов с семьей, Нияс Иткучуков с семьей (жена его – бухарская дочь, а переехали сюда они из д. Туралинской), Али Сеиткулов (переехал сюда из д. Речалово). Новым лицом в деревне являлся также Етя Уразмали, чья жена, местная уроженка, была дочерью брата Шишняка Куняшева – Баранчи, о ком, в свою очередь, сведений нет.

Новые дворы образовались и за счет разделения больших семей, где на момент ревизии сыновья уже успели обзавестись собственными семьями и хозяйством. Так, например, из семьи Сабара Аптыгаримова ушел его брат Фанаип (Бака) Аптыгаримов. Отдельные семьи образовали сыновья Бехмета Отохонина – Сеитмамет Бехметев и Атимчан Бехметев. Этот пример также в очередной раз подтверждает способ «образования» фамилий сыновей по имени отца. Это подтверждается и другим примером: главы трех семей Тевлет Курманбагин, Чаифер Курманбагин и Апля Курманбагин тоже получили фамилию по имени отца Курманбаги Абреимова. Также две новые семьи образовали сыновья умершего Азана Аитбешева – Надбага Азанов и Аширбага Азанов.

Ревизия 1811 г. рисует несколько изменившуюся картину. В ней зафиксирован только 31 двор, не в каждой семье есть потомство по мужской линии. Не найдены сведения о нескольких семьях. Это семьи Курмана Атимчанова, Ети Уразмали, Али Сеиткулова, Ермамета Кутлуметова, а также умерла в 1783 г. и жена умершего ранее ясадного татарина Реимгулова Ишменя. Также из материалов ревизии следует, что на момент 1811 г. умер и Авазбага Сюндюков, не оставив после себя потомства по мужской линии; умерли и Куандык Маметов с сыном Реимбакой и внуками Сафарметом и Шамурзой; умерли и новокрещенные Федор Яковлев Шамиев, его брат Иван с сыном Иваном.

К числу новопривывших относится семья Речапа Ниясова с сыновьями Ниясом и Назиром. По данным этой ревизии, образования новых семей за счет разделения старых на тот период времени не зафиксировано. Зато есть семьи, в которых отсутствует потомство по мужской линии. К главам таких семей, не имевших сыновей, относятся Мамет Сабаров, Тохтабай Ниясов (Насыров) и его брат Уразмамет, Кутлумерген Сюндюков.

Данные этой ревизии свидетельствуют и о частичной смене пофамильного состава, т. к. сыновья получали свои фамилии по именам своих отцов: Сеитмамбет Бехметев был главой семьи в 1795 г. – Итрис Аитмамбетов (Сеитмамбетов) стал главой семьи в 1811 г.; Бака Аптыгаримов (1795 г.) – Аптыгарим Баканов (1811 г.); Сабар Аптыгаримов (1795 г.) – Мамет Сабаров (1811 г.); Нияс Абаев (1795 г.) – Тохтабай Ниясов (1811 г.); Рсимбака Ниясов (1795 г.) – Атыш (Сатгыш) Реинбагин (1811 г.); Багыш Итышев (1795 г.) – Тюленбай Багышев (1811 г.); Татыр (Батыр) Сеитымов (1795 г.) – Нияс Батыров (1811 г.); Итыш Торсунов – Нияс Итышев (1811 г.).

На основе данных ревизии за 1834 г. следует констатировать тот факт, что деревня весьма сильно разрослась, т. к. количество дворов увеличилось почти в два раза. Их стало 54. Это случилось благодаря новопривывшим семьям, но в основном из-за того, что многие семьи разделились в результате женитьбы и отселения от родителей взрослых сыновей.

Новопривывшими являются Тохтамбет Буранчаев с сыновьями Маметеем и Мурзой и Речап Авазов с сыном Сафарметом.

Не было найдено никаких сведений о трех семьях, а именно: Атыша (Сатгыша) Рейнбагина – глава семьи, его сын Авазбага, далее Итриса Аитмамбетова – глава семьи, его брат Маметали, а также о семье, где главой был Атимчан Бехметев, его сыновья Маметреим и Аптреим и внуки Тохтамбет, Уразмамет, Кулмамбет и Шафармет. Таким образом, мы можем видеть, что семьи не только приезжали, но есть и «потерянные» семьи. Тем не менее, как уже было сказано, количество дворов, по данным этой ревизии, значительно увеличилось. В основном это произошло благодаря тому, что взрослые сыновья зафиксированы отдельными от родителей дворами.

Интересен пример семьи крещеного татарина Михайло Попова (ранее Апарали Курман). В 1834 г. его старший сын Иван записан отдельно под татарским именем – Янтемир Курманов, т. е. фамилию он взял от татарского имени отца.

Отдельные семьи образовали также сын Ниясбаги (Надбаги) Азанова Барат Надбагин и сын Аширбаги Азанова (брата Надбаги Азанова) Алтыш (Апташ) Аширбагин.

Очень отчетливо прослеживаются и изменения в пофамильном составе: Курман Атимчанов (1811 г.) – Мамет Курманов (1834 г.); Абышак Аптреимов (1811 г.) – Сафар Абышаков, Аитмамбет Абышаков (1834 г.); Нияс Батыров (1811 г.) – Уразмет Ниясов, Аширбака Ниясов (1834 г.), Аитбага Батыров (1811 г.) – Батыр Аитбагин (1834 г.); Рыш Маметев (1811 г.) – Бабаш Рышев, Мамет Рышев, Нияс Рышев (1834 г.), Сейтулла Курманов (1811 г.) – Авазбага Сейтуллин (1834 г.), Шафар Курманбагин (1811 г.) – Тохтабай Шафаров (1834 г.) и другие.

Ознакомившись со сведениями 10-й ревизии (1858 г.), можно отметить, что картина в д. Сеитово несколько изменилось. Многие семьи «потерялись», т. е. сведений о них нет никаких (ни о переездах, ни о смертях). Новопривывшая семья только одна: глава семьи Тавлетбага Аптилна, его сын Аитмамбет, его сыновья Нияс Сафар и Тюлят, брат (Тавлетбаги) Аптулла, его сыновья Сабермет, Мурназир, Абдулла. Вместе с этой новой семьей общее количество дворов инородцев д. Сеитово на момент 10-й ревизии составило 42. По сравнению с материалом 1834 г., количество дворов сократилось незначительно. Не найдено данных о Етыгаре Реим-

гулове с сыновьями, о Кутлумергене Сеиндюкове, о Измаиле Сафарове с сыном, о Нахипе Муратбагине, о Мамете Сабарове и некоторых других.

В то же время были найдены сведения о семьях, данные о которых до этого содержались только в ревизии за 1811 г., а ревизия 1834 г. ничего о них не сообщала. Видимо, эти семьи на момент проведения ревизии уезжали из деревни (возможно, на заработки, может, были какие-то другие обстоятельства – это неизвестно). В ревизии 1811 г. записан Атыш (Сатгыш) Рейнбагин – Аптыш Ареимбагин (1858 г.). Только в ревизии содержится пометка о том, что на момент 1858 г. он уже умер. В данном случае примечателен сам факт подобного обнаружения сведений через такой значительный промежуток времени (1811–1858 гг.).

Другой вновь объявившейся семьей, вернее, теперь уже тремя семьями вместо двух родственных «потерянных» семей являются семья Тохтамета Маметреимова, с которым живет его брат со своими сыновьями, и семья Кульмамета Аптреимова, с которым живет его сын, внуки и два его брата с сыновьями.

Большинство генеалогических линий были продолжены. На их примере можно вновь убедиться в традиционной для татар особенности, когда сын берет фамилию по имени отца: Авасов Речап (1834 г.) – Речапов Сафармет (1858 г.), Атимчанов Аптреим (1834 г.) – Аптреимов Кульмамет (1858 г.), Ниясов Кучам Шугур (1834 г.) – Кучамшугуров Нияс (ум. 1852 г.), Баратов Речап (1834 г.) – Речапов Барат (1858 г.), Рышев Бабаш (1834 г.) – Бабышев Назир (1858 г.), Ниясов Аширбага (1834 г.) – Аширбагин Мурсафар (1858 г.), Итышев Сабар (1834 г.) – Сафаров Сабармет (1858 г.) и другие. Но наряду с этими примерами есть и вариант того, когда сын записал фамилию отца в качестве отчества, а свою фамилию взял по имени отца. Так, в 1834 г. главой семьи записан Ниясов Речап – в 1858 г. главой семьи становится уже его сын Речапов Назир Ниясов.

Следующим источником по восстановлению генеалогических линий являются материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Промежуток между 10-й ревизией и Первой Всероссийской переписью составил 39 лет. В силу такого большого перерыва не были найдены сведения об очень многих семьях. Реконструировано только 20 генеалогических линий. Не найдено сведений о Сафармете Речапове с сыновьями и внуком, о Уразмамете Маметреимове с сыновьями и внуком, о Сабармете Сафарове с внуком, об Аптуманпе Уразмаметове с сыновьями и братьями, о Сафармете Рейнбакине с сыном и о многих других семьях, где было многочисленное потомство по мужской линии.

Зато реконструированные линии показывают практически завершившийся процесс закрепления фамилий в роду. Теперь внуки уже записаны на фамилию деда. Это значительно упростило процесс идентификации потомков сеитовских инородцев. Но не всех. Несмотря на наличие дедовских фамилий, все же не удалось найти предков многих семей. Произошло так в силу того, что главы таких семей на момент Первой Всероссийской переписи были моложе 39 лет, т. е. родились они позже проведения 10-й ревизии. Поэтому очень сложно было делать даже какие-нибудь предположения об их предках. Так, не были найдены предки Бекметева Абтул Алима Атрафихова (29 лет), Бекметова Абдул-Ханиана Сайбулина (32 года), Уразметова Мавлюта Сабралиева (30 лет), Усманова Речапбаги Абубакирова (32 года), Курбанова Хазана Аитмаметова (37 лет), Бекметова Абдул-Хакима Итрисова (34 года).

Но были и исключения из этого правила. Были реконструированы генеалогические линии Тохтометова Мухамст Аля Мухаметева (26 лет), Токтомстова Мухаметмусы Мухаметева (37 лет) благодаря тому, что их старшему брату Токтометову Токтомету Мухаметову на тот момент было уже 43 года, и именно благодаря этим данным и была восстановлена их родословная.

На основе восстановленных генеалогических линий теперь можно проследить процесс закрепления татарских фамилий и отчеств: Тавлетбагин Нияс (1858 г.) – Тавлетбагин Сабарлей Ниясов (1897 г.); Тохтаметов Маметей (1858 г.) – Тохтометов Мархалей Мухаметева (1897 г.); Маметеев Тавлетбага (1858 г.) – Маметов Аптрашит (Абдрахит) Тавлетбагин (1897 г.); Ниясов Речап (1858 г.) – Ниясбагин Курманбага Речапов (1897 г.); Бабышев Нияс (1858 г.) – Пабышев Ахметей Ниясов (1897 г.); Итышев Тавлетбага (1858 г.) – Курбанов Бахриттин Тав-

летбагин (1897 г.). В последнем случае фамилия образована от имени прадеда и зафиксирована у всех его потомков.

Была предпринята также попытка соединения материалов Первой Всероссийской переписи населения с данными генеалогий, полученными в результате работы этнографической экспедиции в д. Сеитово в 1998 г. Но, видимо, в силу большого временного промежутка найти родственных связей не удалось. Было лишь сделано предположение, что Мирхайдар Мусеевич Мухамадеев¹⁴ и Мейхардар Мухаметмусаев, сын Тохтометова Мухаметмусы Мухаметеев – это одно и то же лицо. Возможности сравнить даты рождения нет, т. к. информатор Саидмухамед Мирхардарович Мухамадеев просто не помнит либо вообще не знал даты рождения своего отца, что весьма затрудняет процесс реконструкции данной генеалогической линии. Но если основываться на примерных данных о рождении и имени, то вероятность того, что речь идет все же об одном и том же человеке, очень велика.

В целом же стоит отметить, что процесс соединения генеалогических линий, реконструированных по переписям населения, и современного материала более успешным оказался у юртовских бухарцев. Это обусловлено тем, что бухарцы изначально более трепетно относились к сохранению памяти о предках и своем роде, и даже в современности их сведения о предках более глубоки, чем у инородцев. Хотя далеко не все потомки бухарцев идентифицируют себя как представителей именно этой группы татар.

Примечания:

¹ ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 891. Л. 95.

² Там же. Л. 53.

³ Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. П. о. 10. Л. 7.

⁴ Там же. П. 93–9. К. 97–102.

⁵ ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 891. Л. 42.

⁶ Там же. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2157.

⁷ См.: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960. – С. 53.

⁸ См.: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – С. 53; Лосева З. К., Томилов Н. А. Легенды и исторические предания прииртышских татар // Духовная культура народов Сибири. – Томск, 1980. – С. 32; Томилов Н. А. Поселения тарских татар бассейна Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1. – С. 188–197.

⁹ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения, язык и роды инородцев. – Т. II. – СПб., 1911. – 72.

¹⁰ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – С. 53.

¹¹ ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 877.

¹² Там же. Ф. 154. Оп. 8. Д. 31, 141, 297, 457.

¹³ Там же. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2109, 2266, 3936, 2152, 2286.

¹⁴ Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. П. 111–1. К. 137.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

***Сибирские татары или татары Сибири?* К проблеме этнической и региональной идентичности**

Проблему этнического самосознания татар Сибири необходимо исследовать с учетом роли межэтнических контактов аборигенного и пришлого тюркского населения в процессе формирования их идентичности. Это объясняется прежде всего тем, что данное население является многокомпонентным по своему этническому составу, что характерно для большинства этнических образований Сибири, сложившихся в результате многочисленных миграций населения в этом регионе (как внутренних, так и внешних). Основу тюркоязычного населения Западной Сибири в настоящий момент по-прежнему составляют потомки тех родоплеменных групп тюрков, которые были расселены на территории Западной Сибири до прихода русских.

Имеющиеся архивные материалы, а также генеалогическое обследование ряда поселений тарских татар дают представление об этносоциальных компонентах этой группы татар. Для их поселений (особенно подгруппы туралинцев) в XVIII–XIX вв. характерно наличие значительного количества бухарцев. В поселениях второй подгруппы – аялынцев – с конца XIX в. расселились поволжско-приуральские татары.

В 2000–2002 гг. в ходе этнографических экспедиций в ряде поселений тарских татар был проведен опрос по специально разработанной анкете для изучения этнического самосознания сибирских татар. Основные моменты, на которых делается акцент в данной анкете, – это знание о себе, своей национальности, этнической принадлежности, о других группах местных и пришлых татар, этноконсолидирующие и этнодифференцирующие признаки и т. д. Опросом были охвачены все возрастные категории населения, основную часть которых составили люди 40 лет и старше. Всего было опрошено 258 чел.

Характеристика опрошенных по возрасту

Годы рождения	Абсолютное число опрошенных	В % к общему числу опрошенных
1900–1910	13	5
1920–1930	90	34,9
1940–1950	75	29,1
1960 и позже	80	31
<i>Итого</i>	258	100

При определении своей национальности все респонденты отнесли себя к татарам. Этот вопрос не вызывал сомнения по сравнению со следующим вопросом, касающимся уже этнической, а не национальной принадлежности. Из 258 чел. большинство (196 чел.) отнесли себя к сибирским татарам. В то же время только сибирскими назвали себя 168 чел. Остальные давали либо более подробные ответы, либо относили себя уже к конкретным группам: туралы, курдак, тевризские. Среди ответов на вопрос об этнической принадлежности встречались следующие: «коренной сибиряк», «сибирский, потому что родился в Сибири», «сибирский, хотя предки – казанские татары». К казанским татарам отнесли себя 22 чел., к бухарцам – 12, и еще

5 чел. определили себя бухарско-сибирскими татарами. Среди оставшихся встречаются мишари, башкирские, пермские, крымские и просто татары (выходцы из этнически смешанных семей), которые в свою очередь отождествляют себя с сибирскими татарами по региональному признаку. В целом можно сказать, что у потомков переселенцев сложилась региональная идентичность, связанная с их местом рождения и проживания.

Большинство респондентов показали знание различных групп местных и пришлых татар, среди которых наиболее часто упоминались туралы, курдак, бараба, мишари, тобольские, тюменские, казанские, уфимские (башкирские) татары и бухарцы.

Интересными являются ответы, касающиеся отличительных черт разных групп тюркского населения, проживающих в данных деревнях. Отличия между сибирскими, казанскими татарами и бухарцами информаторами видятся во внешности (антропологический тип представителей разных групп), языке, чертах характера и традициях. Внешность: сибирские татары – «узкоглазые, маленькие, темнокожие», бухарцы – «более темная кожа, широкие скулы, более красивые», казанские татары – «похожи на русских, голубоглазые, большие глаза, кожа светлая, высокие». Язык: сибирские татары – «искаженный, неправильный язык (в отличие от казанского, литературного), грубый акцент, больше глухих согласных», бухарцы – «говорят, как узбеки, по-старинному, их иногда нельзя понять», казанские татары – «язык правильный, литературный, мелодичный». Черты характера: сибирские татары – «добрые, нежадные, мягкие, гостеприимные», бухарцы – «жестokie, раньше отличия были, а сейчас – нет», казанские татары – «трудолюбивые, жадные, замкнутые». Обычай: здесь основной упор в ответах делается на веру (мусульманскую), «у бухарцев вера глубже», у сибирских татар – сохраняются доисламские верования, «мы (сибирские татары) – язычники, до сих пор верим в куклы». Отмечаются отличия между сибирскими татарами, бухарцами и поволжско-приуральскими татарами и в одежде («платок по-другому повязывают» и т. п.). Большая часть информаторов видят отличия в быту, никак это не разъясняя.

По мнению информаторов, более всего различаются сибирские и казанские татары, что объясняется тем, что казанские татары поселились здесь не так давно, в конце XIX – начале XX вв., у них совершенно иной антропологический тип и язык. Браки первые поселенцы заключали преимущественно внутри группы. Бухарцы проживают в Сибири начиная с XVI–XVII вв., браки между бухарцами и сибирскими татарами прослеживаются уже по материалам ревизий конца XVIII–XIX вв. Длительное совместное проживание, тесные брачные контакты привели к некоторой нивелировке бухарцев и сибирских татар. В то же время в тех деревнях, где большая часть населения в XVIII–XIX вв. состояла из бухарцев, сохраняются отличительные признаки.

Результаты анкетирования, как и результаты генеалогических исследований, позволяют говорить о том, что, несмотря на многокомпонентный состав тюркского населения Сибири (потомки различных родо-племенных групп, бухарцы, поволжско-приуральские татары), идет процесс сложения сибирских татар в единый этнос. В результате смешанных браков и длительного проживания на данной территории потомков пришлых групп тюрков изменяется их этническая идентификация, определяемая не только региональной идентичностью, но и нивелировкой различий между разными группами тюркского населения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГУТО ГАТ – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив г. Тобольска»

ИВГО – Известия Всесоюзного географического общества

ИРГО – Известия Русского генеалогического общества

К. – карточка

Л. – лист

МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

ОИИФФ – Объединенный институт истории, филологии и философии СО РАН

Оп. – опись

ОФ ИАЭТ – Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

П. – папка

П. о. – полевая опись

РАН – Российская академия наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РТ – Республика Татарстан

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

Ф. – фонд

1. Сведения о деятельности в области
Татарского Исламского Университета
Татарстана 1991-1992 года

Получено в 1991 году
Сведения о деятельности в области

Татарский Исламский Университет
Татарстана 1991-1992 года

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1
Сведения о деятельности в области

Приложение 2
Сведения о деятельности в области

Приложение 3
Сведения о деятельности в области

Приложение 4
Сведения о деятельности в области

Приложение 5
Сведения о деятельности в области

Приложение 6
Сведения о деятельности в области

Приложение 1.

Сведения о татарских поселениях в Дозорной книге Тарского уезда 1701 года.

Тара (казанцы) 97

Деревни:

Кыргапских юрт 98. – Айткуловых юрт 103. – Атацких юрт 107. – Иткучукова (она же Атацкая Усеинова) 110. – Шиховых юрт 114. – Усть-Тарская (она же Тартамак) 114. – Чипляровых юрт 119. – Инцисский юрт (она же Абайтомак Сеиткулова) 120. – Биргамацких юрт 121. – Кожбахты Сарыбаева (она же Чертанлинская) 122. – Темшенякова (она же Мантабарова Кукунова) 123. – Сабанчеева (она же Альменева) 123. – Рухляева 124. – Туралинских юрт 125. – Бугенских юрт 128. – Енгачаковых юрт 129. – Темшенякова 129. – Буянова 130. – Большая 131. – Верхняя 131. – Бабина 132. – Сеитова (она же Булунбаева Апталова) 134. – Байтуганова 136. – Утамацких юрт 140. – Красноярская 140.

Приложение 2.

Расселение татар Тарского Прииртышья в XVIII – начале XX века*.

Рис. 1. Чертеж земли Тарского города. Источник: *Ремезов С. У.* Чертежная книга Сибири. – СПб., 1882. – Л. 16–17.

Рис. 2. Фрагмент карты Тарского уезда Тобольской губернии за 1913 г. (ГУТО ГАТ. Ф. 185. Оп. 1. Д. 168).

Приложение 3.

Генеалогические схемы тюркского населения Тарского Прииртышья (по данным перенисей населения конца XVIII–XX века и современных родословных).

Деревня Берняжка (бывшая Усть-Тарская) 143

Деревня Инцисс 152

Деревня Чеплярово 158

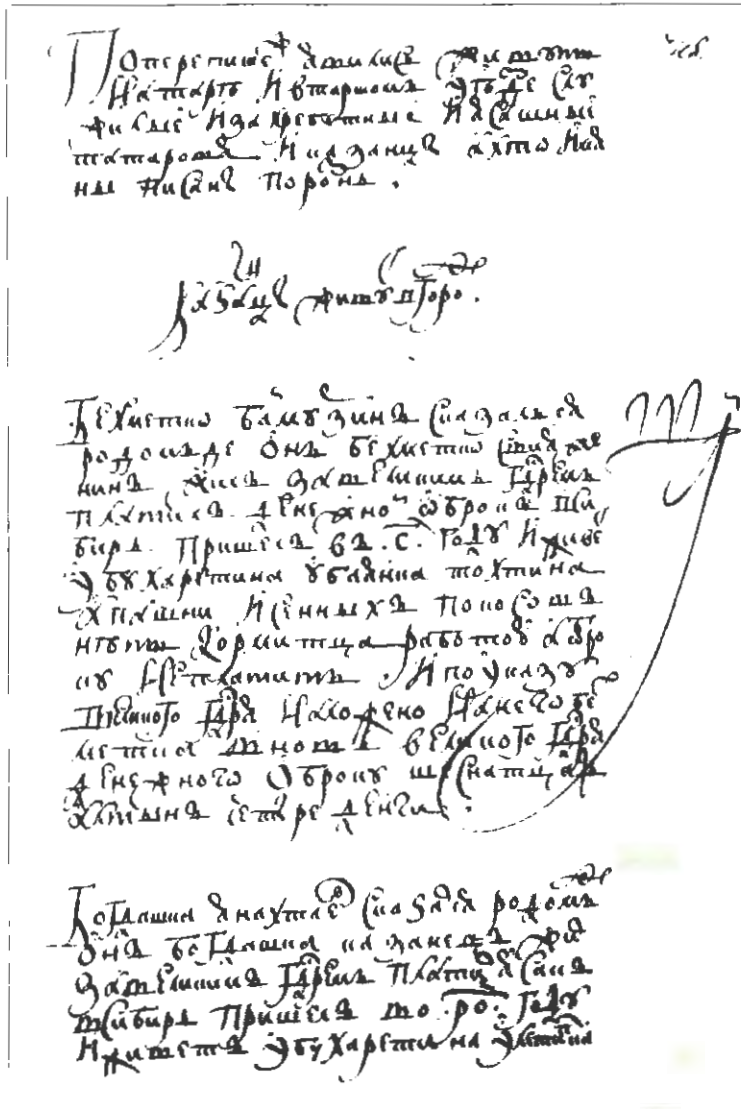
Деревня Юрт-Бергамак 165

Деревня Сеитово: I. Бухарцы 170

II. Инородцы 195

* Выражаю благодарность А. В. Матвееву и И. А. Селезневой за предоставленные электронные варианты карт.

1. Сведения о татарских поселениях Тарского Прииртышья в Дозорной книге Тарского уезда 1701 года

(л. 348) По переписке явились, живут на Таре и в Тарском уезде служилые, и захребетные*, и ясачные татары, и казанцы, а кто – имена писаны порознь¹.

Казанцы живут в городе

Бехметко Баймурзин сказал: родом он, Бехметко, свияженин*, жил за Великим Государем, платил денежный оброк. В Сибирь пришел в 1692 г. и живет у бухарца Баянки Тохтина. А пашни и сенных покосов нет. Кормится работой, а оброк не платит. И по указу Великого Государя наложено на него, Бехметку, вновь Великого Государя денежного оброку шестнадцать алтын* четыре деньги*.

Богдашка Янахтаев сказал: родом он, Богдашка, казанец, жил за Великим Государем, платил ясак. В Сибирь пришел в 1662 г. и живет у бухарца Летипки

¹ отдельно

Тозметева. А пашни и сенокосов нет. Кормится работой, а оброк не платит. И по указу Великого Государя наложено на него, Богдашку, вновь Великого Государя денежного оброку шестнадцать алтын четыре деньги.

Деревня Кырганских юрт над рекою Иртышом

Служилые

Кузейко Богаев сказал: скота у него лошадь, а оклад ему, Кузейку, Великого Государя жалованья денег три рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по стольку же*. Сенокосов на пятьдесят копен.

Талайко Кучуков сказал: у него сын Айтышко пяти лет. Скота – лошадь да корова. А оклад ему, Талайку, Великого Государя жалованья денег десять рублей. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – две десятины

Питие своему потопу (Сенных Поко- 29
сов на Пашни) Рубль 2 Копен,

Копландычко Чуручеев сказал: скота у него лошадь да корова. А оклад ему, Копландычку, Великого Государя жалованья денег три рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – полторы десятины в поле, а в двух по стольку же. Сенокосов за рекою Иртышом на сто копен.

Да в нынешнем, 1701 г. 9 сентября били челом Великому Государю царю и Великому князю Петру Алексеевичу, всей Великой, и Малой, и Белой России самодержцу, тарские служилые татары Талайко Кучуков, Копландычко Чуручеев с товарищами на Таре у переписки на съездем дворе* и у дозору земель переписчику московскому дворянину Ивану Родионовичу Качанову, подали они, Талайко и Копландычко с товарищами, челобитную. А в челобитной их написано: с прошлых и давних лет после дедов и отцов своих владеют они, татары, пашенною и непашенною* землею в межах подле речки Беликульк Иртышу-реке, а по другую сторону с пешим казачком, с Митькою Кайсаровым, и возле болота

(л. 348 об.) Тозметева. А пашни и сенокосов нет. Кормится работой, а оброк не платит. И по указу Великого Государя наложено на него, Богдашку, вновь Великого Государя денежного оброку шестнадцать алтын четыре деньги.

Деревня Кырганских юрт над рекою Иртышом

Живут в тех юртах служилые и захребетные татары.

Служилые

Кузейко Богаев сказал: скота у него лошадь, а оклад ему, Кузейку, Великого Государя жалованья денег три рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по стольку же*. Сенокосов на пятьдесят копен.

Талайко Кучуков сказал: у него сын Айтышко пяти лет. Скота – лошадь да корова. А оклад ему, Талайку, Великого Государя жалованья денег десять рублей. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – две десятины

(л. 349) в поле, а в двух по стольку же. Сенокосов на пятьдесят копен.

Копландычко Чуручеев сказал: скота у него лошадь да корова. А оклад ему, Копландычку, Великого Государя жалованья денег три рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – полторы десятины в поле, а в двух по стольку же. Сенокосов за рекою Иртышом на сто копен.

Да в нынешнем, 1701 г. 9 сентября били челом Великому Государю царю и Великому князю Петру Алексеевичу, всей Великой, и Малой, и Белой России самодержцу, тарские служилые татары Талайко Кучуков, Копландычко Чуручеев с товарищами на Таре у переписки на съездем дворе* и у дозору земель переписчику московскому дворянину Ивану Родионовичу Качанову, подали они, Талайко и Копландычко с товарищами, челобитную. А в челобитной их написано: с прошлых и давних лет после дедов и отцов своих владеют они, татары, пашенною и непашенною* землею в межах подле речки Беликульк Иртышу-реке, а по другую сторону с пешим казачком, с Митькою Кайсаровым, и возле болота

Килметко Бекбердеев (л. 352 об.) сказал: скота у него лошадь да корова. А оклад ему, Килметку, Великого Государя жалованья денег четыре рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни, а пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов за рекою Иртышом в лугу на сто копен.

Захребетные.

Кудеко Усеймов (л. 353) сказал: скота у него сына Тохтагулко двадцати семи лет, Байгундучко двадцати лет. Скота – лошадь, две коровы. А пашни у него паханые за рекою Иртышом – две десятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Иземетко Мулла (л. 354) сказал: скота у него сына Раимгулко двадцати лет. А пашни не пашет.

Бокшарычко Иземетев (л. 355) сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Тевлетимко Кузеев (л. 356) сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Кутайгулко Чамуков (л. 357) сказал: у него полугодовой сын Абраимко. Скота – лошадь, две коровы. А пашни паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на пятьдесят копен.

Копландычко Тлевбердеев (л. 353) сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Ендечко Аргулов (л. 354) сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Кучючко Алеев (л. 355) сказал: скота у него лошадь, две коровы. А пашни у него паханые – полдесятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Чуричичко Бекбадеев (л. 356) сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Аитгабичко Курманалеев (л. 357) сказал: скота у него лошадь да корова. А пашни паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сорок копен.

Тевлетимко Кузеев (л. 358) сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Кутайгулко Чамуков (л. 359) сказал: у него полугодовой сын Абраимко. Скота – лошадь, две коровы. А пашни паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на пятьдесят копен.

Учейко Кызланов (л. 360) сказал: скота у него лошадь. А пашни паханые – полдесятины

(л. 352 об.) Килметко Бекбердеев сказал: скота у него лошадь да корова. А оклад ему, Килметку, Великого Государя жалованья денег четыре рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни, а пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов за рекою Иртышом в лугу на сто копен.

Захребетные

Кучючко Усеймов сказал: у него дети – Тохтагулко двадцати семи лет, Байгундучко двадцати лет. Скота – лошадь, две коровы. А пашни у него паханые за рекою Иртышом – две десятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Иземетко Мулла сказал: у него сын Раимгулко двадцати лет. А пашни не пашет.

Бокшарычко Иземетев сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Тевлетимко Бакбавлин сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Учейко Чуйчиндеев сказал: скота у него лошадь и пашни не пашет.

(л. 353) Копландычко Тлевбердеев сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Ендечко Аргулов сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Кучючко Алеев сказал: скота у него лошадь, две коровы. А пашни у него паханые – полдесятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Чуричичко Бекбадеев сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Аитгабичко Курманалеев сказал: скота у него лошадь да корова. А пашни паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сорок копен.

Тевлетимко Кузеев сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Кутайгулко Чамуков сказал: у него полугодовой сын Абраимко. Скота – лошадь, две коровы. А пашни паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на пятьдесят копен.

Учейко Кызланов сказал: скота у него лошадь. А пашни паханые – полдесятины

(1) (2) (3) (4)
 Рашко Тустугулов (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)

(1) (2) (3) (4)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)

(1) (2) (3) (4)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)

(1) (2) (3) (4)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)

(1) (2) (3) (4)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)

(1) (2) (3) (4)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)

(1) (2) (3) (4)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)

(1) (2) (3) (4)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)
 (сага) (сага) (сага) (сага)

(л. 355 об.) Рашко Тустугулов сказал: у него сын Калматайко шести лет. Скота – лошадь, две коровы. А оклад ему, Рашку, Великого Государя жалованья денег шесть рублей. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по столько же*. Сенных покосов на семьдесят копен.

Ангазычко Басяляков сказал: скота у него две лошади, рогатого столько же. А оклад ему, Ангазычку, Великого Государя жалованья денег пять рублей. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Сюддюк Авалытов сказал: скота у него две лошади да корова. А оклад ему, Сюддюку, Великого Государя жалованья денег четыре рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Итенячко Калмакулов сказал: у него сын Ичкурко десяти лет. Скота – две лошади, рогатого столько же. А оклад ему, Итенячку, Великого Государя жалованья

(л. 356) денег три рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Кармышак Чабаков сказал: скота у него лошадь да корова. А оклад ему, Кармышаку, Великого Государя жалованья денег четыре рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Сутенячко Муратов сказал: у него дети Яшко семи лет, Ибраимко трех лет. Скота – две лошади, две коровы. А оклад ему, Сутенячку, Великого Государя жалованья денег десять рублей. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – две десятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на двести копен.

Захребетные

Мунка Якшеметев сказал: скота у него лошадь да корова. А пашни паханые – десятина в поле, а в двух по столько же.

Сенных покосов на пятьдесят копен.

Ирбучко Бекбавлин сказал: у него сын Урбанко двенадцати лет. Скота — две лошади да корова. А пашни паханые — десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Карашко Бекбавлин сказал: скота у него лошадь да корова. А пашни паханые — полдесятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Итейко Бекбавлуев сказал: у него дети — Урайко семнадцати лет, Бегишко семи лет. Скота — лошадь да корова. А пашни паханые — десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Чимейко Тустугулов сказал: у него сын Сатык двадцати лет. Скота — лошадь да корова. А пашни паханые — десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на пятьдесят копен.

Илткуначко Боклев сказал: у него сын Тлеучко трех лет. А пашни не пашет.

Ирбучко Бекбавлин сказал: у него сын Урбанко двенадцати лет. Скота — две лошади да корова. А пашни паханые — десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Карашко Бекбавлин сказал: скота у него лошадь да корова. А пашни паханые — полдесятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Итейко Бекбавлуев сказал: у него дети — Урайко семнадцати лет, Бегишко семи лет. Скота — лошадь да корова. А пашни паханые — десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Чимейко Тустугулов сказал: у него сын Сатык двадцати лет. Скота — лошадь да корова. А пашни паханые — десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на пятьдесят копен.

Илткуначко Боклев сказал: у него сын Тлеучко трех лет. А пашни не пашет.

Ирбучко Бекбавлин сказал: у него сын Урбанко двенадцати лет. Скота — две лошади да корова. А пашни паханые — десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

(л. 356 об.) Сенных покосов на пятьдесят копен.

Ирбучко Бекбавлин сказал: у него сын Урбанко двенадцати лет. Скота — две лошади да корова. А пашни паханые — десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Карашко Бекбавлин сказал: скота у него лошадь да корова. А пашни паханые — полдесятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Итейко Бекбавлуев сказал: у него дети — Урайко семнадцати лет, Бегишко семи лет. Скота — лошадь да корова. А пашни паханые — десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Чимейко Тустугулов сказал: у него сын Сатык двадцати лет. Скота — лошадь да корова. А пашни паханые — десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на пятьдесят копен.

Илткуначко Боклев сказал: у него сын Тлеучко трех лет. А пашни не пашет.

(л. 357) Акшанко Алыбаев сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Кармышчакко Сабанчиев сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Айлянко Тустугулов сказал: скота у него лошадь да корова. А пашни паханые — десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на пятьдесят копен.

Кармышчакко Аиткулов сказал: у него сын Аиткулко четырех лет, брат Атычко двадцати лет. Скота — две лошади, рогатого столько же. А пашни паханые — полторы десятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на полтора ста копен. В межах та его пашня вверх по Ибейке-речке подле озера и возле глухого березняка и возле речки Ичкитовки да за Ибейкою поскотинное место. Владет исстари.

Тохтанко Бурашев сказал: скота у него — две лошади. А пашни паханые — полдесятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на пятьдесят копен.

Чаушко Алыбаев сказал: у него сын Ишейко пятнадцати лет. А пашни не пашет, и скота нет.

Ушигулко Аллагулов сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Куташико Аллагулов сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Аранчи Якшиметев, он же Мункин, сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Изметко Тарыбердеев сказал: скота у него лошадь да корова. А пашни не пашет. Сенных покосов на тридцать копен.

Янгулко Кулаев сказал: у него сын Колдашко десяти лет. Скота – лошадь да корова. А пашни не пашет. Сенных покосов на тридцать копен.

Катак Чуручиев сказал: скота у него лошадь да корова. А пашни паханые – полдесятины в поле, а в двух по столько же*. Сенных покосов на пятьдесят копен.

Ясачный Тошко Тасдаров сказал: скота у него лошадь да корова. А пашни не пашет. Сенных покосов на сорок копен.

У них же татар у всех вместе под пашню

Земли и пустоши пятьдесят десятин. Сенных покосов у всех вместе против¹ деревни за рекою Иртышом в лугу на семьсот копен в межах вверх по Иртышу-реке до Устемешева озера, а вниз по Иртышу до татарских кладбищ и до межи татар Атацких юрт. Владеют пашенными и непашенными землями и сенными покосами исстари и по писцовым книгам писца Льва Поскочина.

Деревня Атацких юрт над рекою Иртышом. Живут в тех юртах служилые и захребетные татары.

Служилые

Тохтагулко Бугаев сказал: у него дети – Бехмет восьми лет, Кутаичко шести лет да дворовый человек калмык Бугайко. У Бугайки сын Уразметко пяти лет. Скота – пять лошадей, три коровы. А оклад ему, Тохтагулку, Великого Государя жалованья денег семь рублей. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – две десятины в поле, а в двух по столько же*. Да непашаной земли и мест двадцать десятин на Красном яру* вверх по Иртышу-реке

(л. 357 об.) Аширгулко Аллагулов сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Куташико Аллагулов сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Аранчи Якшиметев, он же Мункин, сказал: скота у него нет и пашни не пашет.

Изметко Тарыбердеев сказал: скота у него – лошадь да корова. А пашни не пашет. Сенных покосов на тридцать копен.

Янгулко Кулаев сказал: у него сын Колдашко десяти лет. Скота – лошадь да корова. А пашни не пашет. Сенных покосов на тридцать копен.

Катак Чуручиев сказал: скота у него лошадь да корова. А пашни паханые – полдесятины в поле, а в двух по столько же*. Сенных покосов на пятьдесят копен.

Ясачный Тошко Тасдаров сказал: скота у него – лошадь да корова. А пашни не пашет. Сенных покосов на сорок копен.

У них же татар у всех вместе под пашню

(л. 358) земли и пустоши пятьдесят десятин. Сенных покосов у всех вместе против¹ деревни за рекою Иртышом в лугу на семьсот копен в межах вверх по Иртышу-реке до Устемешева озера, а вниз по Иртышу до татарских кладбищ и до межи татар Атацких юрт. Владеют пашенными и непашенными землями и сенными покосами исстари и по писцовым книгам писца Льва Поскочина.

Деревня Атацких юрт над рекою Иртышом.

Живут в тех юртах служилые и захребетные татары.

Служилые

Тохтагулко Бугаев сказал: у него дети – Бехмет восьми лет, Кутаичко шести лет да дворовый человек калмык Бугайко. У Бугайки сын Уразметко пяти лет. Скота – пять лошадей, три коровы. А оклад ему, Тохтагулку, Великого Государя жалованья денег семь рублей. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – две десятины в поле, а в двух по столько же*. Да непашаной земли и мест двадцать десятин на Красном яру* вверх по Иртышу-реке

¹ напротив

Кутайгулко дватца лет Скота двѣ
 лошади три коровы а оклад ему абандайку
 великого Государя жалованья денег четыре рубля
 а за хлебный полный оклад служит с пашни
 а пашни у него паханые вверх по Иртышу-реке
 две десятины в поле, а в двух по столько же
 да непашаной земли три десятины в межах с
 бухарцем Летичкой Тохметевым. Владеет
 исстари и по писцовым книгам писца Льва
 Поскочина. Сенных у него покосов в луту
 за рекою Иртышом с татарами в общих
 межах на сто копен. Да у сына его, Кутайгул-
 ки, непашаной земли двадцать десятин. А та
 его земля вверх по Иртышу-реке на городской
 стороне в урочище у Нюхаловских вершин в
 общих межах со служилым татаринном Ит-
 кучуком Чолбаровым с товарищами. Владеет
 по данной 1701 г.

Кутайгулко дватца лет Скота двѣ
 лошади три коровы а оклад ему абандайку
 великого Государя жалованья денег четыре рубля
 а за хлебный полный оклад служит с пашни
 а пашни у него паханые вверх по Иртышу-реке
 две десятины в поле, а в двух по столько же
 да непашаной земли три десятины в межах с
 бухарцем Летичкой Тохметевым. Владеет
 исстари и по писцовым книгам писца Льва
 Поскочина. Сенных у него покосов в луту
 за рекою Иртышом с татарами в общих
 межах на сто копен. Да у сына его, Кутайгул-
 ки, непашаной земли двадцать десятин. А та
 его земля вверх по Иртышу-реке на городской
 стороне в урочище у Нюхаловских вершин в
 общих межах со служилым татаринном Ит-
 кучуком Чолбаровым с товарищами. Владеет
 по данной 1701 г.

Абандайко шмаев с сыном зыко сына

Сабак шмаев сказал зыко сына твоего
 дватца семи лет Скота двѣ лошади
 рогатого столько же. А оклад ему, Сабаку,
 великого Государя жалованья денег четыре
 рубля. А за хлебный полный оклад служит с
 пашни. А пашни у него паханые на
 Изюке в межах с дядей его Баубеем –
 десятина в поле, а в двух по столько же.
 Сенных у него покосов за рекою Иртышом
 с татарами в общих межах на пятьдесят
 копен.

(л. 362 об.) ловли – записать в переписные книги и
 дать ему, Иткучуку, с переписных книг впредь для
 владенья выпись. И приложил он, Иткучук, к чело-
 битной своей на пашенные и непашенные свои зем-
 ли и на рыбные ловли в вышеписанных межах отвод-
 ную на имя отца своего, Чолбара Кочашева, 1663 г.
 11 апреля, за рукою городничего¹ Алексея Гойско-
 го. А в той отводной пашенным и непашенным зем-
 лям и рыбным ловлям межи и урочища писаны те
 же, что написаны в челобитной Иткучука.

И в нынешнем, 1701 г. 7 сентября по указу Вели-
 кого Государя велено челобитчику и иноземцу Ит-
 кучуку Чолбарову, сыну Зайсанову, по вышепомя-
 нутым² межам и урочищам против прежнего его, Ит-
 кучука, владения и отводу городничего Алексея Гой-
 ского пашенными и непашенными землями и рыб-
 ными ловлями владеть по-прежнему, потому что
 спору и челобитья о тех его, Иткучуковых, землях и
 о рыбных ловлях в Таре на съезде двора* ни от кого
 не было и крепости никто на те его земли и на рыб-
 ные ловли не явил³. И дана ему, Иткучуку, на те зем-
 ли и на рыбные ловли впредь для владенья выпись.

Абандайко Шмаев сказал: у него сын

¹ То есть подписанную городничим.

² вышеупомянутым, ³ не показал

Анастасий дитя дитя иудеи Пономин
платитъ пшны дитя дитя дитя
Пономинъ дитя дитя дитя дитя
Пономинъ дитя дитя дитя

Шуругро Шамаяевъ сказалъ дитя дитя дитя
по шны дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя

Шуругро Шамаяевъ сказалъ дитя дитя дитя
по шны дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя

Шуругро Шамаяевъ сказалъ дитя дитя дитя
по шны дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя

Анастасий дитя дитя иудеи Пономин
платитъ пшны дитя дитя дитя
Пономинъ дитя дитя дитя дитя
Пономинъ дитя дитя дитя дитя
Пономинъ дитя дитя дитя дитя
Пономинъ дитя дитя дитя дитя
Пономинъ дитя дитя дитя дитя
Пономинъ дитя дитя дитя дитя
Пономинъ дитя дитя дитя дитя

Захребетные

Шуругро Шамаяевъ сказалъ дитя дитя дитя
по шны дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя

Шуругро Шамаяевъ сказалъ дитя дитя дитя
по шны дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя
дитя дитя дитя дитя дитя дитя

Шуругро

(л. 363 об.) Да на заимке у него земли на Изюке под пашню двадцать пять десятин. Владеет по общей данной¹ с Иткучуком Чолбаровым с товарищами с 1701 г.

Шуругро Шамаяев сказал: у него сын Абышенко шести лет. Скота – лошадь да корова. А оклад ему, Шуругро, Великого Государя жалованья денег десять рублей. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые за рекою Иртышом в дуброве* – полторы десятины в поле, а в двух по столько же*. Сенных покосов на сто копен.

Чигертка Шамаяев сказал: у него сын Аитбакачко двадцати лет. Скота – лошадь да корова. А оклад ему, Чигертке, Великого Государя жалованья денег шесть рублей двадцать пять алтын*. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые с братом Шуругром в обших межах – полторы десятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Утурайко Маметкулов сказал: у него сын Маметко двадцати лет. Скота – две лошади, рогатого столько же. А оклад ему, Утурайку, Великого Государя жалованья

(л. 364) денег восемь рублей. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые за рекою в дуброве на Изюке – две десятины в поле, а в двух по столько же. Да непаханой земли двадцать десятин. А межа – озеро Акуча да кругом переус² по татарские сулык (?) в межах с бухарцем Лятипом Тосметевым да с Ивашкой Евгаштиным, по черный тал – с Якушкой Чиняиновым. Владеет исстари. Сенных у него покосов в Ибейском лугу на пятьдесят копен в межах с Иткучуком Чолбаровым и за рекою Иртышом в общем лугу на пятьдесят же копен в межах с Шуругром Шамаяевым.

Захребетные

Куташко Авандаев сказал: скота у него – лошадь да корова. А пашни паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Казанец Ишметко Утаймешев сказал: родом он, Ишметко, из Казани, жил за Великим Государем, платил оброк. В Сибирь пришел в 1697 г. и живет в Атацких юртах у вдовы бухарской Мурзабайковой. А пашни и сенных покосов у него нет,

¹ грамоте

² протока

Домашнее работное от Оброк не платит
И по указу Великого Государя наложено на него
Ишметко, вновь Великого Государя денежного об-
року тринадцать алтын* две деньги*.

А непашными землями и общими санными по-
косами владеют татары Иткучуковых юрт в общих
межах с татарами Атацких юрт, и [при]писаны
межи к Атацким юртам.

Деревня Шиховых юрт над рекою Иртышом
на Красном яру.

Служилый Авайка Сютеев сказал: скота у него
— две лошади, две коровы. А оклад ему, Авайке,
Великого Государя жалованья денег четыре рубля.
А за хлебный полный оклад служит с пашни. А паш-
ни у него паханые — полторы десятины в поле, а в
двух по столько же. Да под пашню земли и пусто-
ши пять десятин в межах с бухарцем Разой Мул-
лою. Владеет истари. Санных у него покосов про-
тив юрт за рекою Иртышом на сто копен. Владеет с
татарами в общих межах.

Деревня Усть-Тарская (она же Тартамак)
на устье Тары-реки.
Живут ясачные татары.

Князец Иткучук Бучкаков сказал: скота у него —
пять лошадей, рогатого столько же, двадцать овец.

Ясачные татары.

Токмашко Чатаев сказал: у него сын Бяклучко
тридцати семи лет. Скота — шесть лошадей, две-
надцать скотин рогатых.

Чабабычко Турубаев сказал: у него дети — Тох-
тагулко двадцати пяти лет, Итенячко пятнадцати
лет. Скота — лошадь да корова.

Бечик Булунбаев сказал: у него дети — Данилко,
Аничко. Скота — две лошади, рогатого столько же.

Старчычко Кучаков сказал: скота у него — три
лошадн, рогатого столько же.

Баркачко Тимирчурин сказал: у него сын Миш-
ка двадцати лет. Скота — две лошади, рогатого
столько же.

(л. 364 об.) кормится работою, а оброк не платит.
И по указу Великого Государя наложено на него,
Ишметко, вновь Великого Государя денежного об-
року тринадцать алтын* две деньги*.

А непашными землями и общими санными по-
косами владеют татары Иткучуковых юрт в общих
межах с татарами Атацких юрт, и [при]писаны
межи к Атацким юртам.

Деревня Шиховых юрт над рекою Иртышом
на Красном яру.

Служилый Авайка Сютеев сказал: скота у него
— две лошади, две коровы. А оклад ему, Авайке,
Великого Государя жалованья денег четыре рубля.
А за хлебный полный оклад служит с пашни. А паш-
ни у него паханые — полторы десятины в поле, а в
двух по столько же. Да под пашню земли и пусто-
ши пять десятин в межах с бухарцем Разой Мул-
лою. Владеет истари. Санных у него покосов про-
тив юрт за рекою Иртышом на сто копен. Владеет с
татарами в общих межах.

(Л. 365)
Деревня Усть-Тарская (она же Тартамак)
на устье Тары-реки.
Живут ясачные татары.

Князец Иткучук Бучкаков сказал: скота у него —
пять лошадей, рогатого столько же, двадцать овец.

Ясачные татары

Токмашко Чатаев сказал: у него сын Бяклучко
тридцати семи лет. Скота — шесть лошадей, две-
надцать скотин рогатых.

Чабабычко Турубаев сказал: у него дети — Тох-
тагулко двадцати пяти лет, Итенячко пятнадцати
лет. Скота — лошадь да корова.

Бечик Булунбаев сказал: у него дети — Данилко,
Аничко. Скота — две лошади, рогатого столько же.

Старчычко Кучаков сказал: скота у него — три
лошадн, рогатого столько же.

Баркачко Тимирчурин сказал: у него сын Миш-
ка двадцати лет. Скота — две лошади, рогатого
столько же.

Утимака Ергашева сына Уте сына
Итиейко Аманпачати отца сына
Два лошади рогамова тота.

Мамето Асменев сына Уте сына
Кинчагуло сына сына Амурова.

Оттогю Мамето,
Итеиею тасметеве,
Еманейко тодунбаеве,
Изиричко Байтуганове,
Курмачико Булунбаеве.

Вослачко Кутлуметеве сына Уте сына
Амурова.

Мирячко Тургаеве,
Тлевка Урусметеве,
Потанка Урмачакове,
Вослачко Кутлуметеве сына Уте сына
Амурова.

Богдашко Ерлыгашеве,
Килметко Булунбаеве,
Мешейка Балгачакове,
Изешка Килметеве,
Карайко Мамеев,

Тлевлышко Айтыкове,
А пашни у них паханые у всех общие – двадцать
десятин в поле, а в двух по стольку же.

Амурово Мамето сына Уте сына
Итиейко Аманпачати отца сына
Два лошади рогамова тота
Мамето Асменев сына Уте сына
Кинчагуло сына сына Амурова

Итиейко Аманпачати отца сына
Два лошади рогамова тота
Мамето Асменев сына Уте сына
Кинчагуло сына сына Амурова
Оттогю Мамето,
Итеиею тасметеве,
Еманейко тодунбаеве,
Изиричко Байтуганове,
Курмачико Булунбаеве.
Вослачко Кутлуметеве сына Уте сына
Амурова.
Мирячко Тургаеве,
Тлевка Урусметеве,
Потанка Урмачакове,
Вослачко Кутлуметеве сына Уте сына
Амурова.
Богдашко Ерлыгашеве,
Килметко Булунбаеве,
Мешейка Балгачакове,
Изешка Килметеве,
Карайко Мамеев,
Тлевлышко Айтыкове,
А пашни у них паханые у всех общие – двадцать
десятин в поле, а в двух по стольку же.

(л. 365 об.) Утимака Ергашев сказал: у него сын Егениячко восемнадцать лет. Скота – две лошади, рога-того столько же.

Маметко Асменев сказал: у него сын Кинчагулко. Скота – лошадь да корова.

Атогулко Мамеев.

Итеиейко Тлевметев.

Еманайко Тоучаков.

Тлевбердейко Уразметев.

Изиричко Байтуганов.

Курмачичко Иванов сказал: скота у него – лошадь да корова.

Мирячко Тургаев.

Тлевка Урусметев.

Потанка Урмачаков.

Вослачко Кутлуметев сказал: скота у него – лошадь да корова.

Богдашко Ерлыгашев.

Килметко Булунбаев.

Мешейка Балгачаков.

Изешка Килметев.

Карайко Мамеев.

Тлевлышко Айтыков.

А пашни у них паханые у всех общие – двадцать десяти-тин в поле, а в двух по стольку же.

(л. 366) Да перелогу* и лесом поросшей земли на сто десяти-тин. Сенных покосов на две тысячи копен. Владеют [этой землей] истари и по писцовым книгам писца Льва Поскочина.

И в нынешнем, 1701 г. 25 августа били челом Великому Государю, царю и великому князю Петру Алексеевичу, всей Великой, и Малой, и Белой Рос-сии самодержцу, тарские Аялынской волости Усть-Тарских да Бернагуловых, Бечиковых юрт ясачные татары – князец Иткучук Бучкаков, Токмачик Чатаев, Богдашка Ерлыгашев, Курмачичка Иванов, Бечичко Булунбаев с товарищами, [всего] тридцать человек. И в Таре, на съезде двора, переписчику московскому дворянину Ивану Родионовичу Качанову подали за рукою¹ челобитную. А в челобитной их написано, [что] с прошлых давних лет, истари, владели деды и отцы их и они владеют на прокормление рыбными ловлями, реками, и озерами, и речками для ясачного промысла и на лугах сенными покосами и скотскими выгонами. Места по межам по заиртышской стороне с устья реки Тары до речки Кылтья (?), и до Кылтыйского (?) озера, и до Балык и Атыр буерака, который выходит из Тептерского озе-ра, и по Тептерскую речку, которая впадает в реку Тару, и с устья же Тары-реки – вверх по Таре до Тептерской речки, да до реки Аргун, до озера Карасьего и до Крикуль – кривого озера,

¹ за подписью

махимо Ерматов сына Антипина Андрюшка
 афанасьев сына Фролов Федька Антонов
 сын Кислов Савка Яковлев сын Шульгин Анд-
 рюшка Микифоров сын Лядного Ивашко Якимов
 сын Остафьев Данилко Микифоров сын Арыков в
 Усть-Тарской деревне на их, ясячных татар, земле
 и построились дворами без указа Великого Госуда-
 ря и без челобитья, сами собой. И в прошлом, 1684,
 и в нынешнем 1701 годах по указу Великого Госу-
 даря и по их, ясячных татар, челобитью велено с
 той татарской земли Ивашку Волокитина, Максим-
 ку Еремеева, Сеньку Фролова с товарищами сослать
 и дворы их, сломав, перенести за реку Иртыш к
 пашням их и к санным покосам. И 13 августа ны-
 нешнего, 1701 г., поговорив меж собой полюбов-
 но, [русские люди всяких чинов] с ясячными тата-
 рами Аялынской волости – с князем Иткучуком
 Бучкаковым с товарищами – договорились о том,
 что жить им, Ивашке Волокитину, Максимке Ере-
 мееву, Сеньке Фролову с товарищами, чьи имена
 писаны в сей мировой записи выше сего, в дерев-
 не Усть-Тарской дворами по-прежнему и пускать
 с ними, татарами, скот свой в поскотину общую.
 А городских и иных деревенских жителей скота
 им к себе в Усть-Тарскую деревню не принимать,
 и в поскотину

(л. 368 об.) Максимко Еремеев сын Антипин, Анд-
 рюшка Афанасьев сын Фролов, Федька Антонов
 сын Кислов, Савка Яковлев сын Шульгин, Анд-
 рюшка Микифоров сын Лядного, Ивашко Якимов
 сын Остафьев, Данилко Микифоров сын Арыков в
 Усть-Тарской деревне на их, ясячных татар, земле
 и построились дворами без указа Великого Госуда-
 ря и без челобитья, сами собой. И в прошлом, 1684,
 и в нынешнем 1701 годах по указу Великого Госу-
 даря и по их, ясячных татар, челобитью велено с
 той татарской земли Ивашку Волокитина, Максим-
 ку Еремеева, Сеньку Фролова с товарищами сослать
 и дворы их, сломав, перенести за реку Иртыш к
 пашням их и к санным покосам. И 13 августа ны-
 нешнего, 1701 г., поговорив меж собой полюбов-
 но, [русские люди всяких чинов] с ясячными тата-
 рами Аялынской волости – с князем Иткучуком
 Бучкаковым с товарищами – договорились о том,
 что жить им, Ивашке Волокитину, Максимке Ере-
 мееву, Сеньке Фролову с товарищами, чьи имена
 писаны в сей мировой записи выше сего, в дерев-
 не Усть-Тарской дворами по-прежнему и пускать
 с ними, татарами, скот свой в поскотину общую.
 А городских и иных деревенских жителей скота
 им к себе в Усть-Тарскую деревню не принимать,
 и в поскотину

Общую с татарами, со своим скотом не
 пускать, и пашенной их, татарской земли не пахать,
 и санных покосов не косить, и собинной их, татар-
 ской пахоты с засеянным хлебом и санных покос-
 сов скотом не травить. И в их же татарских угодьях
 рыбы и зверя никакого и птицы не ловить, и не тес-
 нить и не обижать ясячных татар, не разорять [их],
 и селиться никого к себе в Усть-Тарскую деревню
 [из] русских людей не пускать, и тем их, татар, не
 ожесточать и не разгонять. А им, татарам – князю
 Иткучуку Бучкакову с товарищами, впредь Иваш-
 ку Волокитина, Максимку Еремеева, Сеньку Фро-
 лова с товарищами, чьи имена писаны выше сего,
 из деревни Усть-Тарской не сживать и о переносе
 дворов их и о высылке на них Великому Государю
 не бить челом. А если они, Ивашка Волокитин,
 Максимка Еремеев, Сенька Фролов с товарищами,
 начнут действовать против сей мировой записи и
 на них [татар] Великому Государю пенять¹, то [за
 это они будут] убытки платить ясячным татарам –
 князю Иткучуку Бучкакову с товарищами. Им же,
 Ивашке Волокитине, Максимке Еремееву, Сеньке
 Фролове с товарищами, мировую запись дали, а для
 толмачества был у ясячных татар, у Иткучука Буч-
 какова с товарищами, тарский татарский толмач*
 Митька Логинов.

(л. 369), общую с татарами, со своим скотом не
 пускать, и пашенной их, татарской земли не пахать,
 и санных покосов не косить, и собинной их, татар-
 ской пахоты с засеянным хлебом и санных покос-
 сов скотом не травить. И в их же татарских угодьях
 рыбы и зверя никакого и птицы не ловить, и не тес-
 нить и не обижать ясячных татар, не разорять [их],
 и селиться никого к себе в Усть-Тарскую деревню
 [из] русских людей не пускать, и тем их, татар, не
 ожесточать и не разгонять. А им, татарам – князю
 Иткучуку Бучкакову с товарищами, впредь Иваш-
 ку Волокитина, Максимку Еремеева, Сеньку Фро-
 лова с товарищами, чьи имена писаны выше сего,
 из деревни Усть-Тарской не сживать и о переносе
 дворов их и о высылке на них Великому Государю
 не бить челом. А если они, Ивашка Волокитин,
 Максимка Еремеев, Сенька Фролов с товарищами,
 начнут действовать против сей мировой записи и
 на них [татар] Великому Государю пенять¹, то [за
 это они будут] убытки платить ясячным татарам –
 князю Иткучуку Бучкакову с товарищами. Им же,
 Ивашке Волокитине, Максимке Еремееву, Сеньке
 Фролове с товарищами, мировую запись дали, а для
 толмачества был у ясячных татар, у Иткучука Буч-
 какова с товарищами, тарский татарский толмач*
 Митька Логинов.

¹ жаловаться

Деревня Чипляровых юрт Аялынской волости
Живут ясачные татары

Аялынская
Бекчейко Улчобаев узга шотка жуеф.
Ишейко Кутлуков
Килтиметко Сычканов
Куркачко Урметев
Авычко Кушлуков
Челяшко Илчибаев
Тутачко Тлевбердеев
Курмашка Кабаев
Зыряйко Тобаев
Тохтагулко Тевлеев
Урачко Тевлеев
Татайко Мирясов
Латышко Игибаев
Чебышко Кучалишев
Иткуюрюк Емалгулов
Карчибайка Сарыбаев
Карнайко Тлевбердеев
Кубайко Казнаев
Ингашко Икбаев
Тозайко Ишеев
Бугашко Урметев
Бугайко Туванов
Иртмайко Илчиметев

(л. 369 об.)

Деревня Чипляровых юрт Аялынской волости.
Живут ясачные татары

Бекчейко Улчобаев сказал: скота у него – лошадь
да корова.

Ишейко Кутлуков.
Килтиметко Сычканов.
Куркачко Урметев.
Авычко Кушлуков.
Челяшко Илчибаев.
Тутачко Тлевбердеев.
Курмашка Кабаев.
Зыряйко Тобаев.
Тохтагулко Тевлеев.
Урачко Тевлеев.
Татайко Мирясов.
Латышко Игибаев.
Чебышко Кучалишев.
Иткуюрюк Емалгулов.
Карчибайка Сарыбаев.
Карнайко Тлевбердеев.
Кубайко Казнаев.
Ингашко Икбаев.
Тозайко Ишеев.
Бугашко Урметев.
Бугайко Туванов.
Иртмайко Илчиметев.

Казанец Бехметко Кучуметев
родом из Казанского уезда
был ясачный, жил за Великим
Государем, в Сибирь пришел в 1697 г. и
живет в деревне Чипляровых юрт своим двором.

У него сын Кучучко
восьми лет. А пашни и санных покосов
нет. Кормится работою. А оброк не платит.
И по указу Великого Государя наложено на него,
Бехметка с сыном, вновь Великого Государя
денежного оброка шестнадцать алтын
четыре деньги.

Казанец Бехметко Кучуметев
сказал: родом он, Бехметко,
Казанского уезда, был ясачный, жил за
Великим Государем, в Сибирь пришел в 1697 г.
и живет в деревне Чипляровых юрт своим двором.
У него сын Кучучко восьми лет. А пашни и санных
покосов нет. Кормится работою. А оброк не платит.
И по указу Великого Государя наложено на него,
Бехметка с сыном, вновь Великого Государя
денежного оброка шестнадцать алтын четыре
деньги.

(л. 370) Мамычко Кирчибаков.

Кутайсалдычко Теников, у него сын Кучачко
пяти лет.

А пашни у них паханые у всех вместе – двадцать
пять десятин в поле, а в двух по столько же. Да не-
паханой залежной и лесом поросшей земли и пус-
тоши на полтора десятин. Санных у них покосов
на две тысячи копен. В межах паханая и непаханая
земля и санные покосы вверх по Иртышу-реке на
городовой стороне*: с одной стороны – Нюхаловка-
речка, с другой стороны – Иртыш обошел кругом, а
с третьей стороны – Иртыш-озеро с речкою, а с чет-
вертой стороны – увал, речка. Владеют исстари и по
выписи 1701 г. У них же в урмане по Ую-речке про-
мысел – ловят всякое зверье и берут¹ хмель.

Казанец Бехметко Кучуметев сказал: родом он,
Бехметко, Казанского уезда, был ясачный, жил за Ве-
ликим Государем, в Сибирь пришел в 1697 г. и жи-
вет в деревне Чипляровых юрт своим двором. У не-
го сын Кучучко восьми лет. А пашни и санных по-
косов нет. Кормится работою. А оброк не платит.
И по указу Великого Государя наложено на него, Бех-
метка с сыном, вновь Великого Государя денежного
оброка шестнадцать алтын четыре деньги.

¹ собирают

34
 Пашни Итеева (скота у него пш
 лошадей и три коровы.
 Иткучуко Байтуганов,
 Чилмачко Якшибердеев,
 Янгулко Игеньяков,
 Сычканачко Сычаев,
 Трошка Бакисяков,
 Кутлубайко Изингильдеев,
 Кулмагулко Балыкчиев,
 Бекшенко Батюгулов,
 Скотяшко Тытгулов.

Пашни у них паханые у всех вместе
 пятнадцать десятин в поле, а в двух по столько же.
 Да непашаной залежной земли и лесом поросшей и пус-
 тоши пятьдесят десятин. Сенных у них покосов на
 семьсот копен. Владеют исстари.

Деревня Темшеникова (она же Мантабарова Кукунова)
 Живут Аялынской волости ясачные татары.
 Токлычка Кукунов, у него сын Кулейко семи лет.
 Скота — две лошади.
 Каранайко Калмагулов.

35
 Трошка Маметьяков (скота у него шест
 лошадей и две коровы.
 Мангашко Сабалчиев (скота у него шест
 лошадей,
 Абагышко Калмагулов,
 Контабайко Калмагулов.

Пашни у них паханые у всех вместе — десять де-
 сятин в поле, а в двух по столько же. Да под пашню
 земли и пустоши сорок десятин. Сенных покосов
 у них вместе на пятьсот копен. Владеют исстари.

Деревня Аялынской волости ясачные татары.
 Живут Аялынской волости ясачные татары.

Кутлубайко Айдяков (скота у него пш
 лошадей и столько же.
 Боянко Кутлубаев,
 Кучучко Кутлубаев,
 Чиняшко Кутлубаев,
 Иземетко Альменев,
 Чуючка Иземетев.

(л. 373 об.) Андрейко Итеев, скота у него — пять лошадей, три коровы.

Иткучучко Байтуганов.

Чилмачко Якшибердеев.

Янгулко Игеньяков.

Сычканачко Сычаев.

Трошка Бакисяков.

Кутлубайко Изингильдеев.

Кулмагулко Балыкчиев.

Бекшенко Батюгулов.

Скотяшко Тытгулов.

Пашни у них паханые у всех вместе — пятнадцать десятин в поле, а в двух по столько же*. Да непашаной залежной земли и лесом поросшей и пустоши пятьдесят десятин. Сенных у них покосов на семьсот копен. Владеют исстари.

Деревня Темшеникова

(она же Мантабарова Кукунова).

Живут Аялынской волости ясачные татары.

Токлычка Кукунов, у него сын Кулейко семи лет.
Скота — две лошади.

Каранайко Калмагулов.

(л. 374) Трошка Маметьяков, скота у него — шесть лошадей, две коровы.

Мангашко Сабалчиев, скота у него — шесть лошадей.

Абагышко Калмагулов.

Контабайко Калмагулов.

Пашни у них паханые у всех вместе — десять десятин в поле, а в двух по столько же. Да под пашню земли и пустоши сорок десятин. Сенных покосов у них вместе на пятьсот копен. Владеют исстари.

Деревня Сабанчеева (она же Альменева).

Живут Аялынской волости ясачные татары.

Кутлубайко Айдяков, скота у него — пять лошадей, рогатого столько же.

Боянко Кутлубаев.

Кучучко Кутлубаев.

Чиняшко Кутлубаев.

Иземетко Альменев.

Чуючка Иземетев.

Изенгулко Альметев.
 Кучучко Изенгулов.
 Андрияшка Бугунбаев.
 Арыбайко Альметев.
 Еманайко Айдяков.
 Изешка Изенметев.
 Ачачибайко Айдяков.
 Чертимка Альменев.
 Берчиргачко Кильтебаев.

(II)
 Пашни у них паханые у всех вместе подле речки
 Кайрюары – тридцать десятин в поле, а в двух по
 стольку же*. Да под пашню земли и пустоши на две-
 сти десятин. Сенных у них покосов по обе стороны
 Тары-реки на две тысячи копен. Владеют исстари.

Деревня Рухляева над рекою Иртышом.
 Живут Аялынской волости ясачные татары.

Аялыны.

Малыбайко Ерлыганев, скота у него – лошадь
 да корова.
 Карманачко Маллыбаев, скота у него – лошадь
 да корова.

Турманачко Маллыбаев, у него сын Итем-
 летко полутоду. Скота – лошадь да корова.
 Евко Кучуков, скота у него – две лошади.
 Тлешко Кучуков.
 Тебешко Тургаев, у него дети – Ичейко пяти лет,
 Науруско двух лет. Скота – лошадь да корова.
 Бочинячко Турчаев.
 Уразайко Янгулин.
 Кулашко Улукын.
 Куманачко Суксанов.
 Кинчагулко Тургаев.
 Маметкулко Усеинов.
 Бехтемирко Усеинов.
 Беккулайко Усеинов.
 Иткучучко Маметев.

Пашни у них паханые у всех вместе – пятна-
 дцать десятин в поле, а в двух по стольку же. Да под
 пашню земли и пустоши на сто десятин. Сенных у
 них покосов на семьсот копен. Владеют исстари.

(III)
 Пашни у них паханые у всех вместе
 Ботти, пашня у них
 у них да постоура.
 Капоташино у них
 у них Айдыман, Сенных у
 постоура, у них да постоура
 у них да постоура.

(л. 374 об.) Изенгулко Альметев.

(л. 375) Турманачко Маллыбаев, у него сын Итем-

летко полутоду. Скота – лошадь да корова.
 Евко Кучуков, скота у него – две лошади.
 Тлешко Кучуков.
 Тебешко Тургаев, у него дети – Ичейко пяти лет,
 Науруско двух лет. Скота – лошадь да корова.
 Бочинячко Турчаев.
 Уразайко Янгулин.
 Кулашко Улукын.
 Куманачко Суксанов.
 Кинчагулко Тургаев.
 Маметкулко Усеинов.
 Бехтемирко Усеинов.
 Беккулайко Усеинов.
 Иткучучко Маметев.

Пашни у них паханые у всех вместе – пятна-
 дцать десятин в поле, а в двух по стольку же. Да под
 пашню земли и пустоши на сто десятин. Сенных у
 них покосов на семьсот копен. Владеют исстари.

Деревня Рухляева над рекою Иртышом.

Живут Аялынской волости ясачные татары.

Малыбайко Ерлыганев, скота у него – лошадь
 да корова.
 Карманачко Маллыбаев, скота у него – лошадь
 да корова.

Азъ служилъ туралинскѣмъ юртѣмъ надъ рекою Ошею. Окладъ ему, Сафарку, Великого Государя жалованья денегъ четыре рубля, а за хлебный полный окладъ служитъ съ пашни.

Служилъ Себеико Таушеневъ сказалъ: у него дети – Уразайко двадцати пяти летъ, Кармышакъ девяти летъ. Скота – две лошади да корова, три овцы. А окладъ ему, Себеику, Великого Государя жалованья денегъ четыре рубля, а за хлебный полный окладъ служитъ съ пашни.

Служилъ Сафарко Токмачиковъ сказалъ: у него сынъ Кучукъ семи летъ. Скота – две лошади да корова. А окладъ ему, Сафарку, Великого Государя жалованья денегъ четыре рубля, а за хлебный полный окладъ служитъ съ пашни.

Служилъ Бекулучко Бахметевъ сказалъ: у него дети – Иткучукъ тринадцати летъ, Нияско трехъ летъ. Скота – три лошади, рогатого столько же, пять овецъ. А окладъ ему, Байкулачку, Великого Государя жалованья денегъ четыре рубля, а за хлебный полный окладъ служитъ съ пашни.

Служилъ Азанко Чигыровъ сказалъ: у него дети – Бабайко двадцати пяти летъ, Курманко двадцати летъ, Сабарко семнадцати летъ. Скота – две лошади, рогатого столько же, пять овецъ. А окладъ ему, Азанку, Великого Государя жалованья денегъ четыре рубля, а за хлебный полный окладъ служитъ съ пашни.

Служилъ Бехметко Бисергановъ сказалъ: у него сынъ Янышко трехъ летъ. Скота – две лошади, рогатого столько же. А окладъ ему, Бехметку, Великого Государя жалованья денегъ четыре рубля, а за хлебный полный окладъ служитъ съ пашни.

Служилъ Кутукъ Бенеевъ сказалъ: у него сынъ Аширбачачко двадцати летъ. Скота – две лошади. А окладъ ему, Кутуку, Великого Государя жалованья денегъ три рубля, а за хлебный полный окладъ служитъ съ пашни.

Служилъ Кутукъ Бенеевъ сказалъ: у него сынъ Аширбачачко двадцати летъ. Скота – две лошади. А окладъ ему, Кутуку, Великого Государя жалованья денегъ три рубля, а за хлебный полный окладъ служитъ съ пашни.

(л. 375 об.)
Деревня Туралинских юрт над рекою Ошею.
Живут служилые и захребетные татары.

(л. 376) оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – полторы десятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Служилый Сафарко Токмачиковъ сказалъ: у него сынъ Кучукъ семи летъ. Скота – две лошади да корова. А окладъ ему, Сафарку, Великого Государя жалованья денегъ четыре рубля, а за хлебный полный окладъ служитъ съ пашни. А пашни у него паханые – полторы десятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Служилый Азанко Чигыровъ сказалъ: у него дети – Бабайко двадцати пяти летъ, Курманко двадцати летъ, Сабарко семнадцати летъ. Скота – две лошади, рогатого столько же, пять овецъ. А окладъ ему, Азанку, Великого Государя жалованья денегъ четыре рубля, а за хлебный полный окладъ служитъ съ пашни. А пашни у него паханые – две десятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Служилый Бекулучко Бахметевъ сказалъ: у него дети – Иткучукъ тринадцати летъ, Нияско трехъ летъ. Скота – три лошади, рогатого столько же, пять овецъ. А окладъ ему, Байкулачку, Великого Государя жалованья денегъ четыре рубля, а за хлебный полный окладъ служитъ съ пашни. А пашни у него паханые – полторы десятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на полтора ста копен.

Служилый Бехметко Бисергановъ сказалъ: у него сынъ Янышко трехъ летъ. Скота – две лошади, рогатого столько же. А окладъ ему, Бехметку, Великого Государя жалованья денегъ четыре рубля, а за хлебный полный окладъ служитъ съ пашни. А пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.

Служилый Себеико Таушеневъ сказалъ: у него дети – Уразайко двадцати пяти летъ, Кармышакъ девяти летъ. Скота – две лошади да корова, три овцы. А окладъ ему, Себеику, Великого Государя жалованья денегъ четыре рубля, а за хлебный полный окладъ служитъ съ пашни.

Служилый Кутукъ Бенеевъ сказалъ: у него сынъ Аширбачачко двадцати летъ. Скота – две лошади. А окладъ ему, Кутуку, Великого Государя жалованья денегъ три рубля, а за хлебный полный окладъ служитъ съ пашни.

Захребетно Иткучук Тлеев сказал: у
него дети — Тохтагулко двадцати пяти лет,
Кунушко двадцати лет. Скота — две лошади,
рогатого столько же. А пашни у него паханные —
полторы десятины в поле, а в двух по столько же.
Сенных покосов на полтора ста копен.

Захребетно Атиягулко Кобнин сказал: пашни
и сенных покосов у него нет. Кормится работою.

Захребетно Урайко Бенеев сказал: у него сын
Урайко двух лет. Скота — лошадь да корова. А пашни
у него паханные — десятина в поле, а в двух по
стольку же. Сенных покосов на сто копен.

Ясачный Бегишко Енебеков сказал: у него брат
Карачко Бочкин двадцати лет. Скота — две лошади
да корова. А пашни не пахают. Сенных у них
покосов на сто копен в межах Туралинских юрт
с татарами.

У них же, служилых, и у захребетных, и у ясачных
татар под пашню земли и пустоши на триста
десятин. Да под скотский выпуск земли сто десятин.
А сенные покосы писаны под их именем.

Ясачный Бегичко Бенеев сказал: у него сын
Урайко двух лет. Скота — лошадь да корова. А пашни
у него паханные — десятина в поле, а в двух по
стольку же. Сенных покосов на сто копен.

Ясачный Бегишко Енебеков сказал: у него брат
Карачко Бочкин двадцати лет. Скота — две лошади
да корова. А пашни не пахают. Сенных у них
покосов на сто копен в межах Туралинских юрт
с татарами.

(л. 377 об.) Захребетный Иткучук Тлеев сказал: у
него дети — Тохтагулко двадцати пяти лет, Кунушко
двадцати лет. Скота — две лошади, рогатого
столько же. А пашни у него паханные — полторы де-
сятины в поле, а в двух по столько же. Сенных по-
косов на полтора ста копен.

Захребетный Атиягулко Кобнин сказал: пашни
и сенных покосов у него нет. Кормится работою.

Захребетный Урайко Бенеев сказал: у него сын
Урайко двух лет. Скота — лошадь да корова. А пашни
у него паханные — десятина в поле, а в двух по
стольку же. Сенных покосов на сто копен.

Ясачный Бегишко Енебеков сказал: у него брат
Карачко Бочкин двадцати лет. Скота — две лошади
да корова. А пашни не пахают. Сенных у них
покосов на сто копен в межах Туралинских юрт
с татарами.

У них же, служилых, и у захребетных, и у ясачных
татар под пашню земли и пустоши на триста
десятин. Да под скотский выпуск земли сто десятин.
А сенные покосы писаны под их именем.

(л. 378) А межа санным покосам и скотскому вы-
пуску от устья речки Янгачика да вверх по Оше-реке
до межи Тергаучи-речки, а по третью сторону —
большое болото алап*, а по четвертую сторону —
сосновое болото, а от соснового болота — узкое бо-
лотце, другое узкое долгое болотце с частыми ма-
лыми таловыми кустами к Оше-реке, в конце —
большой таловый черный куст к Оше-реке. В тех
же урочищах березовый остров, что пахал татарин
Бинеико. Владели исстари и по выписи 1698 г.

И в нынешнем, 1701 г. 18 августа предъявил на
съезде дворе* переписчику московскому дворяни-
ну Ивану Родионовичу Качанову тарский конный
казак Митька Плотников с братьями выпись* 1698 г.
за государевою Тарского города печатью. А по той
выписи велено владеть ему, Митьке с братьями, по
межам и урочищам пашенною землею, и санными
покосами, и скотским выпуском. И бил челом Вели-
кому государю он, Митька Плотников с братьями,
чтоб пашенною землею, и санными покосами, и скот-
ским выпуском владеть ему, Митьке, по той выписи
по-прежнему, а прежние крепости* будто у него,
Митьки, во время пожара сгорели. И того же числа
на съезде дворе предъявили выпись за государе-
вою Тарского ж города печатью 1698 г.

Туралинских юрт татаровъ Бекулучко
 Бахметевъ Сафарко Токмачиковъ Иткучучко Глеевъ
 съ товарищами били челом Великому Государю, чтобъ
 Митьке Плотникову с братьями владеть прежнюю
 их пашенною землей, которою владел он, Митька
 с братьями, после отца своего и с давних лет и по
 вышписаной* выписи, которую объявил Митька
 Плотников с братьями. От их татарского владения ему,
 Митьке с братьями, отказано. И 20 августа нынеш-
 него ж, 1701 г. на съезде двора татары Бекулучко
 Бахметев, Сафарко Токмачиков, Иткучучко Глеев
 с товарищами, поговорив с ним, Митькою Плотни-
 ковым с братьями, меж собою полюбовно помири-
 лись в том, что владеть Митьке Плотникову с бра-
 тьями пашенною своею землей и скотским выпус-
 ком — островом Денисовым — по-прежнему. А кру-
 гом того острова обогли болота. Да ему ж, Мить-
 ке с братьями, владеть выделенными татарами из
 их татарских межей санными покосами на триста
 копен в межах от того Денисова-острова к Оше-
 реке до болота. А кроме той земли, и санных покосов,
 и скотских выпусков в их татарских урочищах,
 ему, Митьке с братьями, ничем не владеть и двора-
 ми не селиться, и скота своего в их татарскую по-
 скотину не пускать, и сена, и пахоты их не травить.
 И впредь ему,

Митьке с братьями. По дано свое выписи
 съ товарищами Опашенно звалъ Митинъ
 Писовъ Мисимовъ Гитиушъ Митихъ
 татара не владеть Митинки Ина во
 дити Ина татарами Инаго Митиу
 грамота. Инаго вышписаного до
 Инаго сиб Митинки Инавога,

Митинъ Митинъ Юрта наводъ сдана
 Митинъ Митинъ Митинъ
 Митинъ Митинъ

Митинъ Митинъ Митинъ Митинъ
 Митинъ Митинъ Митинъ Митинъ
 Митинъ Митинъ Митинъ Митинъ
 Митинъ Митинъ Митинъ Митинъ

Митинъ Митинъ Митинъ Митинъ
 Митинъ Митинъ Митинъ Митинъ
 Митинъ Митинъ Митинъ Митинъ

Митинъ Митинъ Митинъ Митинъ
 Митинъ Митинъ Митинъ Митинъ
 Митинъ Митинъ Митинъ Митинъ

(л. 378 об.) Туралинских юрт татары Бекулучко
 Бахметев, Сафарко Токмачиков, Иткучучко Глеев
 с товарищами били челом Великому Государю, чтобъ
 Митьке Плотникову с братьями владеть прежнюю
 их пашенною землей, которою владел он, Митька
 с братьями, после отца своего и с давних лет и по
 вышписаной* выписи, которую объявил Митька
 Плотников с братьями. От их татарского владения ему,
 Митьке с братьями, отказано. И 20 августа нынеш-
 него ж, 1701 г. на съезде двора татары Бекулучко
 Бахметев, Сафарко Токмачиков, Иткучучко Глеев
 с товарищами, поговорив с ним, Митькою Плотни-
 ковым с братьями, меж собою полюбовно помири-
 лись в том, что владеть Митьке Плотникову с бра-
 тьями пашенною своею землей и скотским выпус-
 ком — островом Денисовым — по-прежнему. А кру-
 гом того острова обогли болота. Да ему ж, Мить-
 ке с братьями, владеть выделенными татарами из
 их татарских межей санными покосами на триста
 копен в межах от того Денисова-острова к Оше-
 реке до болота. А кроме той земли, и санных покосов,
 и скотских выпусков в их татарских урочищах,
 ему, Митьке с братьями, ничем не владеть и двора-
 ми не селиться, и скота своего в их татарскую по-
 скотину не пускать, и сена, и пахоты их не травить.
 И впредь ему,

(л. 379) Митьке с братьями, по данной своей выпи-
 си* 1698 г. о пашенной земле и о санных покосах,
 и скотском выпуске на них, татар, не бить челом и
 убытка не наводить. А им, татарам, на него, Мить-
 ку с братьями, сверх вышписаного договора не
 бить челом и убытка не наводить.

**Деревя Бугенских юрт над рекою Ошею.
 Живут ясачные татары Аялынской волости.**

Тлеуметко Аширов, у него дети — Урайко двад-
 цати лет, Аиткулко пятнадцати лет, Итпалачко де-
 сяти лет, Кышбалачко восьми лет. Скота — восемь
 лошадей с жеребятми, рогатого столько же.

Карабашко Аширов, у него дети — Романко двад-
 цати лет, Бабачко пятнадцати лет. Скота — три ло-
 шади, рогатого столько же.

Девлетко Ильметев, у него дети — Куртка пяти
 лет, Итемганко трех лет. Скота — лошадь да корова.

Удѣлюю Акушайко Ельметеву скота у него —
лошадь да корова.

Пошлимъ сынъ Паханъ Ельметевъ боде паша
у него пашни земли и пустоши на сто десяти
Акушайко Ельметеву скота у него —
лошадь да корова.

Акушайко Ельметеву скота у него —
лошадь да корова.

Удѣлюю Кучменко Глееву скота у него —
лошадь да корова.

Удѣлюю Кучуганко Баракву скота у него —
лошадь да корова.

Удѣлюю Изыряк Байгуганову скота у него —
лошадь да корова.

Удѣлюю Тохтагулко Сунакову скота у него —
три лошади да корова.

Удѣлюю Тохтагулко Сунакову скота у него —
три лошади да корова.

Удѣлюю Тохтагулко Сунакову скота у него —
три лошади да корова.

Акушайко

Удѣлюю Куготайко Енакбаеву скота у него —
лошадь да корова.

Удѣлюю Кышбаба Бечкербину скота у него —
лошадь да корова.

(л. 379 об.) Акушайко Ельметев, скота у него —
лошадь да корова.

Акушайко Ельметев.

Пашни у них паханые у всех вместе — пята-
дцать десятин в поле, а в двух по столько же. Да под
пашню земли и пустоши семьдесят десятин. Сен-
ных у них покосов на восемьсот копен. Владеют
исстари.

*Деревня Енгачаковых юрт над рекою Ошею.
Живут ясачные татары Аялынской волости.*

Кучменко Глеев, у него сын Глеучко двадцати
пяти лет. Скота — две лошади, три коровы.

Кучуганко Баракву, у него — дети Талталко, Тур-
тугулко шестнадцати лет. Скота — две лошади да
корова.

Изыряк Байгуганов, у него дети — Янгулчичко
пятнадцати лет, Таушко семи лет. Скота — лошадь
да корова.

(л. 380) Тохтагулко Сунаков, скота у него — три ло-
шади, восемь скотин рогатых.

Пашни у них паханые у всех вместе — семя-
дцать десятин в поле, а в двух по столько же*.
Да под пашню земли и пустоши на сто десятин.
Сенных покосов на семьсот копен, в межах паха-
ная и непаханая земля и сенные покосы от речки
Бугуня по верхнюю сторону от Тергочука-речки и
до Кучугановой заимки по осиновы колки, с тре-
тьей стороны — Тергауцкое озеро, с четвертой сто-
роны — Оша-река. Владеют исстари и по данной
1701 г.

*Деревня Темшенякова над рекою Иртышом.
В той деревне живут ясачные татары
Аялынской волости.*

Куготайко Енакбаев, скота у него — лошадь да
корова.

Кышбаба Бечкербин сказал: скота у него — ло-
шадь да корова.

Качук Айтмиров сына Дмитрия Кочка
Амурова.

Пашни Дмитрия Паханова двести шестидесяти,
всех двести шестидесяти в поле, в двух по столько же,
у них же залежных земель двадцать десятин,
сенокосов около поля на пятьсот копен. В межах
те их земли и сенокосы с верхней стороны – с
деревней Куллаевой, а с нижней стороны – по
речку Глухую, по займке сына боярского Лукьяна
Калюнина. Владения истари и по писцовым книгам
писца Льва Поскочина. А поскотинная земля
около деревни у всех вместе.

Деревня Бужнова над рекою Иртышом.
Живут ясачные татары Аялынской волости.

Себелячко Микушев, у него сын Тулсук восемнадцать лет. Скота – лошадь.

Сейтыгачко Аиткулов, у него сын Урускулко пятнадцати лет.

Бобелайко Чабалаев сына Дмитрия Кочка
Амурова. 300

Бутеня Исчеметев сына Дмитрия Кочка
Амурова.

Сычканко Кызылбаев сына Дмитрия Кочка
Амурова.

Курткаш Итылметев.

Урускулко Сейтыгенов.

Тохта Итылметев.

Темькай Елметев. 4

Пашни Дмитрия Паханова двести шестидесяти,
всех двести шестидесяти в поле, в двух по столько же,
у них же залежных земель двадцать десятин,
сенокосов около поля на пятьсот копен. В межах
те их земли и сенокосы с верхней стороны – с
деревней Куллаевой, а с нижней стороны – по
речку Глухую, по займке сына боярского Лукьяна
Калюнина. Владения истари и по писцовым книгам
писца Льва Поскочина. А поскотинная земля
около деревни у всех вместе.

(л. 380 об.) Качук Айтмиров, скота у него – лошадь да корова.

Пашни у них паханые у всех вместе – семь десятин в поле, в двух по столько же. У них же залежных земель вокруг пашен двадцать десятин. Сенокосов около поля на пятьсот копен. В межах те их земли и сенокосы с верхней стороны – с деревней Куллаевой, а с нижней стороны – по речку Глухую, по займке сына боярского Лукьяна Калюнина. Владения истари и по писцовым книгам писца Льва Поскочина. А поскотинная земля около деревни у всех вместе.

Деревня Бужнова над рекою Иртышом.
Живут ясачные татары Аялынской волости.

Себелячко Микушев, у него сын Тулсук восемнадцать лет. Скота – лошадь.

Сейтыгачко Аиткулов, у него сын Урускулко пятнадцати лет.

(л. 381) Бобелайко Чабалаев, скота у него – лошадь да корова.

Бутеня Исчеметев, скота у него – лошадь.

Сычканко Кызылбаев, скота у него – лошадь да корова.

Курткаш Итылметев.

Урускулко Сейтыгенов.

Тохта Итылметев.

Темькай Елметев.

Пашни у них паханые у всех вместе – двадцать десятин в поле, в двух по столько же. Да под пашню и лесом поросшей земли и пустошей пятьдесят десятин. Сенокосов на тысячу копен. Против деревни за рекою Иртышом в лугу в межах те их земли и сенокосы: с верхней стороны – по займке конного казака Митьки Самсонова, а с нижней стороны – по Большую деревню. А сенокосам межа с конным казаком Федькой Базаевым, а с нижней стороны – с толмачом* Микулкой Константиновым до сосны, а от сосны – до одинокой березы, а от сосны и березы – прямо на Глухие болота. А поскотина – вверх и вниз по Иртышу-реке.

Шляхъ отъ Истары и по писцовымъ книгамъ писца Льва Поскочина,

10 10 10
Два больша Нарвадъ Ирины, двохъ
Илькучукъ Кочмаковъ и Илькучукъ
Кочмаковъ.

Аляшны.

Тохта Кучуковъ,
Кучей Урузбаевъ,
Урусметъ Розбакинъ,
Илькучукъ Урусметевъ,
Кабылъ Космаковъ,
Изерметъ Космаковъ.

Пашни у нихъ паханые у всехъ вместе подъ деревней – десять десятинъ в поле, а з двухъ по столько же. Да непаханой земли и пустошей сорок десятин. Сенныхъ у нихъ покосовъ около поля на пятьсотъ копен. В межахъ те ихъ земли с верхней стороны – по поскотину туралинскихъ татар. Владеютъ истари и по писцовымъ книгамъ писца Льва Поскочина, у нихъ же рыбные ловли.

382
Иртышомъ Нарвадъ сына Петрова,
Петро Аляшныкъ Петрова, сорокъ пашей
Бартышъ и сына Илькучука Кочмакова
два больша Илькучука Кочмакова, сорокъ
пашей и сына Илькучука Кочмакова
сорокъ пашей Нарвадъ Ирины.

Иртышъ Верхня Нарвадъ Ирины, двохъ
Илькучукъ Кочмаковъ, сорокъ пашей
Илькучукъ Кочмаковъ.

Илькучукъ Кочмаковъ, сорокъ пашей
Илькучукъ Кочмаковъ, сорокъ пашей
Илькучукъ Кочмаковъ, сорокъ пашей

Илькучукъ Кочмаковъ, сорокъ пашей
Илькучукъ Кочмаковъ, сорокъ пашей
Илькучукъ Кочмаковъ, сорокъ пашей
Илькучукъ Кочмаковъ, сорокъ пашей
Илькучукъ Кочмаковъ, сорокъ пашей
Илькучукъ Кочмаковъ, сорокъ пашей

Илькучукъ Кочмаковъ, сорокъ пашей
Илькучукъ Кочмаковъ, сорокъ пашей
Илькучукъ Кочмаковъ, сорокъ пашей
Илькучукъ Кочмаковъ, сорокъ пашей

(л. 381 об.) Владеют истари и по писцовым книгам писца Льва Поскочина.

*Деревня Большая над рекою Иртышом.
Живут Аялынской волости ясачные татары.*

- Тохта Кучуков.
- Кучей Урузбаев.
- Урусмет Розбакин.
- Илькучук Урусметев.
- Кабыл Космаков.
- Изермет Космаков.

Пашни у них паханые у всех вместе под деревней – десять десятин в поле, а з двух по столько же. Да непаханой земли и пустошей сорок десятин. Сенных у них покосов около поля на пятьсот копен. В межах те их земли с верхней стороны – по поскотину туралинских татар. Владеют истари и по писцовым книгам писца Льва Поскочина. У них же рыбные ловли.

(л. 382) за рекою Иртышом – речка Петрова, что из монастырского Петрова озера течет в Иртыш-реку, да до озера Степанова, [которое] в длину на версту, а поперек – пятьдесят сажень. Владеют тем озером и речкою истари.

*Деревня Верхняя над рекою Иртышом.
Живут Аялынской волости ясачные татары.*

Князец ясачных татар Итебок Кокшаняков, скота у него – две лошади, рогатого столько же. Бабайко Ичметев, у него дети – Бабасанко двадцати пяти лет, Тохчи двадцати лет, Бекмен десяти лет. У Бабасанка сын Бехметко пяти лет, у него ж племянники – ясачного отца дети Лялиш двадцати пяти лет, Альшай двадцати лет, Кызеевы дети. Скота – две лошади, рогатого столько же. Кутагукло Куташев, у него дети – Темирязь двадцати двух лет, Чинайко десяти лет, Тлеуметко пяти лет. Скота – лошадь да корова.

Конаш Куташев (с) Скота у него лошадь
да корова.

Усеин Ачаметев Скота у него лошадь
да корова.

Куярычко Тогурткин Скота у него лошадь
да корова.

Итеганко Кокшеняков Скота у него
две лошади да корова.

Темирячко Колакбашев Скота у него
лошадь да корова.

Пашни у них паханые у всех вместе – двадцать
десятин в поле, а в двух по столько же*. Да под
пашню земли и пустошей на полтора десятин.
Сенных у них покосов около поля на семьсот ко-
пен. В межах те их земли и санные покосы с верх-
ней стороны с туралинскими служилыми татарами,
а с нижней стороны – Изенбаева деревня, [за-
селенная] служилыми татарами и бухарцами. Вла-
деют истари и по писцовым книгам писца Льва
Поскочина.

Деревня Бабина над рекою Иртышом. Живут в той деревне служилые
и захребетные татары.

Служилый Мамагулко Баишев сказал: у него
сын Ширманак двадцати пяти лет. Скота – четыре
лошади с жеребятами, рогатого столько же. А ок-
лад ему, Мамагулку, Великого Государя жалованья
денег четыре рубля. А за хлебный полный оклад
служит с пашни. А пашни у него паханые подле юрт
– десятина в поле, а в двух по столько же. Да непа-
ханой, залежной и выпашанной земли пять десятин.
Сенных покосов на пятьдесят копен.

Служилый Таучко Курмашев сказал: у него дети
– Атиягулко двадцати пяти лет, Аиткулко двадцати
лет. Скота – пять лошадей, рогатого столько же.
А оклад ему, Таучке, Великого государя жалованья
денег шесть рублей. А за хлебный полный оклад
служит с пашни. А пашни у него паханые подле юрт
– десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных
покосов за рекою возле озера Степаново на двести
копен. У него же годной под пашню земли и пусто-
шей вверх по Оше-реке на двадцать десятин. Межа
той его земле за пашней служилого

(л. 382 об.) Конаш Куташев, скота у него – лошадь
да корова.

Усеин Ачаметев, у него сын Телянчи пяти лет.
Скота – лошадь да корова.

Куярычко Тогурткин, у него сын Исмынчи сем-
надцати лет. Скота – лошадь да корова.

Итеганко Кокшеняков, скота у него – две лоша-
ди да корова.

Темирячко Колакбашев, скота у него – лошадь
да корова.

Пашни у них паханые у всех вместе – двадцать
десятин в поле, а в двух по столько же*. Да под
пашню земли и пустошей на полтора десятин.
Сенных у них покосов около поля на семьсот ко-
пен. В межах те их земли и санные покосы с верх-
ней стороны с туралинскими служилыми татарами,
а с нижней стороны – Изенбаева деревня, [за-
селенная] служилыми татарами и бухарцами. Вла-
деют истари и по писцовым книгам писца Льва
Поскочина.

(л. 383)

Деревня Бабина над рекою Иртышом.

Живут в той деревне служилые
и захребетные татары.

Служилый Мамагулко Баишев сказал: у него
сын Ширманак двадцати пяти лет. Скота – четыре
лошади с жеребятами, рогатого столько же. А ок-
лад ему, Мамагулку, Великого Государя жалованья
денег четыре рубля. А за хлебный полный оклад
служит с пашни. А пашни у него паханые подле юрт
– десятина в поле, а в двух по столько же. Да непа-
ханой, залежной и выпашанной земли пять десятин.
Сенных покосов на пятьдесят копен.

Служилый Таучко Курмашев сказал: у него дети
– Атиягулко двадцати пяти лет, Аиткулко двадцати
лет. Скота – пять лошадей, рогатого столько же.
А оклад ему, Таучке, Великого государя жалованья
денег шесть рублей. А за хлебный полный оклад
служит с пашни. А пашни у него паханые подле юрт
– десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных
покосов за рекою возле озера Степаново на двести
копен. У него же годной под пашню земли и пусто-
шей вверх по Оше-реке на двадцать десятин. Межа
той его земле за пашней служилого

Материца Себейки Маушеневы между
Когутова до Коушлого да Ковыклово глухих кара-
сыих озер. А от Кавыклово озеро – болото, от
того болота мимо Чияловского сосняка до березо-
вого острова. Владеет той землей с нынешнего,
1701 г. вместе со служилым татаринном Мамагулом
Баишевым и с захребетным Бабайком Курмашевым.

А у него Машурини кабы (два) лошади
иного дву лошади рогатова то. А оклад ему
Машурини, Великого Царя жалованья
денег два рубля. А за хлебный полный
оклад служит с пашни. А пашни
у него паханые Чарбуид на острову
Алтимини вполе дву постолю же.
Сенны покосов за рекой дву постолю же.
Владеет той землей с нынешнего,
1701 г. вместе со служилым татаринном
Мамагулом Баишевым и с захребетным
Бабайком Курмашевым.

А у него Шихмет Боклин (два) лошади
иного дву лошади рогатова то. А оклад ему
Шихмету, Великого Царя жалованья
денег два рубля. А за хлебный полный
оклад служит с пашни. А пашни
у него паханые Чарбуид на острову
Алтимини вполе дву постолю же.
Сенны покосов за рекой дву постолю же.
Владеет той землей с нынешнего,
1701 г. вместе со служилым татаринном
Мамагулом Баишевым и с захребетным
Бабайком Курмашевым.

(л. 383 об.) татарина Себейки Таушенева между
Когутова до Коушлого да Ковыклово глухих кара-
сыих озер. А от Кавыклово озеро – болото, от
того болота мимо Чияловского сосняка до березо-
вого острова. Владеет той землей с нынешнего,
1701 г. вместе со служилым татаринном Мамагулом
Баишевым и с захребетным Бабайком Курмашевым.

Служилый Темиряк Мамеев сказал: скота у него
– две лошади, рогатого столько же. А оклад ему,
Темиряку, Великого Государя жалованья денег два
рубля. А за хлебный полный оклад служит с паш-
ни. А пашни у него паханые за рекой на острове –
десятина в поле, а в двух по столько же*. Сенных
покосов за рекой же на пятьдесят копен. Владеет
землей и сенными покосами исстари.

Служилый Урманак Кутлуметев сказал: скота у
него – две лошади, рогатого столько же. А оклад
ему, Урманаку, Великого государя жалованья денег
три рубля. А за хлебный полный оклад служит с
пашни. А пашни у него паханые за рекой – на ост-
рове десятина в поле, а в двух по столько же. Сен-
ных покосов на сто копен.

А у него Шихмет Боклин (два) лошади
иного дву лошади рогатова то. А оклад ему
Шихмету, Великого Царя жалованья
денег два рубля. А за хлебный полный
оклад служит с пашни. А пашни
у него паханые Чарбуид на острову
Алтимини вполе дву постолю же.
Сенны покосов за рекой дву постолю же.
Владеет той землей с нынешнего,
1701 г. вместе со служилым татаринном
Мамагулом Баишевым и с захребетным
Бабайком Курмашевым.

384

Захребетный Ширманак Машугуров сказал:
скота у него – лошадь да корова. А пашни у него па-
ханые на отцовской земле служилого татарина Ма-
шугурка – десятина в поле, а в двух по столько же.
Сенных покосов на пятьдесят копен. Владеет
землей и сенными покосами исстари.

385

Захребетный Ишкиня Тауков сказал: скота у него
– две лошади, рогатого столько же. А пашни у него
паханые у юрт под поскотиной – полдесятины в
поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на
сто копен. Владеет исстари.

Захребетный Бабай Курмашев сказал: у него сын
Тимчин десяти лет. Скота – две лошади, рогатого
столько же. Сенных покосов на сто копен. Владеет
исстари.

Захребетный Илчиметко Косяков сказал: у него
сын Куртка трех лет. Скота –

(л. 384) Служилый Шихмет Боклин сказал: у него
сын Мамшень двух лет. Скота – лошадь да корова.
А оклад ему, Шихмету, Великого Государя жалова-
нья денег четыре рубля. А за хлебный полный ок-
лад служит с пашни. А пашни у него паханые –
полдесятины в поле, а в двух по столько же. Сен-
ных покосов на пятьдесят копен.

Захребетный Ширманак Машугуров сказал: ско-
та у него – лошадь да корова. А пашни у него паха-
ные на отцовской земле служилого татарина Ма-
шугурка – десятина в поле, а в двух по столько же.

Захребетный Ишкиня Тауков сказал: скота у него
– две лошади, рогатого столько же. А пашни у него
паханые у юрт под поскотиной – полдесятины в
поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на
сто копен. Владеет исстари.

Захребетный Бабай Курмашев сказал: у него сын
Тимчин десяти лет. Скота – две лошади, рогатого
столько же. Сенных покосов на сто копен. Владеет
исстари.

Захребетный Илчиметко Косяков сказал: у него
сын Куртка трех лет. Скота –

Две лошади три коровы. А пашни у него паханые – две десятины в поле, а в двух по столько же*. Сенных покосов на сто копен. Владеет истари.

У них же у всех вместе под пашню земли и пустошей против деревни на луту на полтора десятины. В межах с верхней стороны возле Степаново озера, а с другой стороны – по Сухое озеро. А те их земли и сенные покосы меж теми озерами на острове. Владеют истари и по писцовым книгам писца Льва Поскочина. А поскотина в межах от Иртыша-реки по гриве до сосны, а от сосны – по той же гриве до озера.

Деревня Сеитова
(она же Булунбаева Апталова)
над рекою Иртышом. Живут в той деревне служилые и захребетные татары.

Служилый Тохта Бугутаев сказал: у него дети – Маметко двадцати пяти лет, Речап пятнадцати лет, Бехмет десяти лет. Скота – три лошади, десять скотин рогатых, пять овец.

А оклад ему, Тохте, Великого Государя жалованья денег шесть рублей. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – две десятины в поле, а в двух по столько же. Да в дубраве ... – десятина в поле, а в двух по столько же. В межах та его пашня в урмане с Рахманбердейком Сарбалиным. Сенных у него покосов на полтора копен. Владеет землями и покосами истари.

Служилый Бабазан Энекеев сказал: у него сын Замет пяти лет. Скота – пять лошадей, шесть скотин рогатых, четыре овцы. А оклад ему, Бабазану, Великого государя жалованья денег шесть рублей. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. А та его пашня подле речки Ошн от гумна Никескенова вверх по Оше-реке. Сенных покосов на полтора копен. И те его сенные покосы [расположены] вниз по Иртышу-реке в Багильдеевой луке. Владеет истари и по выписи* 1701 г.

Служилый Тлеумет Енеев сказал: у него дети – Абраимко двадцати пяти лет, Аптык – в службе, Раимгул пятнадцати лет, Абышка девяти лет, у Абраимки сын Мамурза двух лет,

Ураско Иван Муско идиша, (сирти а
Васа башаге мисна Зорд паша Овца
А Овцагу паханад Великого Зорд
Кочагулду динча (вса миса) Овцагу ба сд
Овцагу динча рота Овцагу миса
Пашаге Овцагу (сирти а) Пашаге. А
миса динча мисагу Овцагу мисагу
А Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу

Ураско Иван Муско идиша (сирти а)
Васа башаге мисна Зорд паша Овца
А Овцагу паханад Великого Зорд
Кочагулду динча (вса миса) Овцагу ба сд
Овцагу динча рота Овцагу миса
Пашаге Овцагу (сирти а) Пашаге. А
миса динча мисагу Овцагу мисагу
А Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу

Ураско Иван Муско идиша (сирти а)
Васа башаге мисна Зорд паша Овца
А Овцагу паханад Великого Зорд
Кочагулду динча (вса миса) Овцагу ба сд
Овцагу динча рота Овцагу миса
Пашаге Овцагу (сирти а) Пашаге. А
миса динча мисагу Овцагу мисагу
А Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу

Ураско Иван Муско идиша (сирти а)
Васа башаге мисна Зорд паша Овца
А Овцагу паханад Великого Зорд
Кочагулду динча (вса миса) Овцагу ба сд
Овцагу динча рота Овцагу миса
Пашаге Овцагу (сирти а) Пашаге. А
миса динча мисагу Овцагу мисагу
А Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу

Ураско Иван Муско идиша (сирти а)
Васа башаге мисна Зорд паша Овца
А Овцагу паханад Великого Зорд
Кочагулду динча (вса миса) Овцагу ба сд
Овцагу динча рота Овцагу миса
Пашаге Овцагу (сирти а) Пашаге. А
миса динча мисагу Овцагу мисагу
А Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу

Ураско Иван Муско идиша (сирти а)
Васа башаге мисна Зорд паша Овца
А Овцагу паханад Великого Зорд
Кочагулду динча (вса миса) Овцагу ба сд
Овцагу динча рота Овцагу миса
Пашаге Овцагу (сирти а) Пашаге. А
миса динча мисагу Овцагу мисагу
А Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу
Овцагу мисагу мисагу Овцагу мисагу

(л. 385 об.) дворový человек Рускулко-калмык. Скота – семь лошадей, шесть коров, пять овец. А оклад ему, Тлеуметке, Великого Государя жалованья денег семь рублей. А сыну его, Аптыку, – четыре рубля. А за хлебные полные оклады служат с пашни. А пашни у него, Тлеумета, общие с сыном Аптыком паханые – две десятины в поле, а в двух по стольку же*. Сенных покосов на триста копен. Владеет истари.

Служилый Измаилка Курмашев сказал: у него брат Куртка тринадцати лет. Скота – четыре лошади, рогатого стольку же, десять овец. А оклад ему, Измаилке, Великого Государя жалованья денег три рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые у зимних юрт – две десятины в поле, а в двух по стольку же. Сенных покосов на двести копен. Владеет землей и сенными покосами по общей выписи* со служилым татаринном Кочагулком Чичаевым с 1698 г.

Служилый Кочагулко Чичаев сказал: скота у него – четыре лошади, две коровы. А оклад ему, Кочагулке, Великого Государя жалованья денег четыре рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – полторы десятины

(л. 386) в поле, а в двух по стольку же. Да непаханой земли в межах и пустошей десять десятин. А та его земля против Тамышева (?) ... вниз по Иртышу-реке на дугу по эту сторону Островной речки по Инягулу-реке от мыса пашни Власа Чередова. Сенных покосов на двести копен. Владеет землей и сенными покосами по общей выписи со служилым татаринном с Измаилкой Курмашевым с 1698 г.

Служилый Ураско Илчибаев сказал: у него дети – Тохтагулка двадцати двух лет, Усюгилдычка пятнадцати лет, Иткучук четырнадцати лет, дворový человек Узюгилды-калмык. Скота – три лошади, рогатого стольку же, две овцы. А оклад ему, Ураску, Великого государя жалованья денег четыре рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – три десятины в поле, а в двух по стольку же. Сенных покосов на двести копен. В межах та его пашня вниз по Иртышу-реке против Багильдеевой луки по верхнюю сторону – буерак, а с другой стороны – Иртыш-река. Владеет по выписи 1701 г.

Захребетный Етыш Бугутаев сказал: у него дети – Бисерганко двадцати пяти лет, Кутлуметко семнадцати лет,

Скота у него двѣ лошади три коровы
и овца ему пошамшу великого Государя
жалованья денег двенадцать рублей
и за хлебный полный оклад служит с
пашни. Отпашни у него паханые
десятина в поле и в двух по столько же
как в поле. Подле земли конного казака
Федьки Бутакова. Владеет по купчей
Аялынской волости ясачного татарина
Карчака Чиянова с 1690 г., а оброк не
платит. И по указу Великого государя
наложен на него, Наука, с детьми за
владенье ясачной землей и санными
покосами вновь Великого государя
денежный оброк пять алтын.

Скота у него двѣ лошади три коровы
и овца ему пошамшу великого Государя
жалованья денег двенадцать рублей
и за хлебный полный оклад служит с
пашни. Отпашни у него паханые
десятина в поле и в двух по столько же
как в поле. Подле земли конного казака
Федьки Бутакова. Владеет по купчей
Аялынской волости ясачного татарина
Карчака Чиянова с 1690 г., а оброк не
платит. И по указу Великого государя
наложен на него, Наука, с детьми за
владенье ясачной землей и санными
покосами вновь Великого государя
денежный оброк пять алтын.

Татарина Кучугайки Таулетова с 1693 г.
Да подле Уя-речки [сенных покосов] на сто
копен вверх по Ую-речке Аизак илга (?).
Владеет по закладной Аялынской волости
ясачного татарина Карчака Чиянова с
1690 г., а оброк не платит. И по указу
Великого государя наложен на него, Наука,
с детьми за владенье ясачной землей и
санными покосами вновь Великого
государя денежный оброк пять алтын.

Скота у него двѣ лошади три коровы
и овца ему пошамшу великого Государя
жалованья денег двенадцать рублей
и за хлебный полный оклад служит с
пашни. Отпашни у него паханые
десятина в поле и в двух по столько же
как в поле. Подле земли конного казака
Федьки Бутакова. Владеет по купчей
Аялынской волости ясачного татарина
Карчака Чиянова с 1690 г., а оброк не
платит. И по указу Великого государя
наложен на него, Наука, с детьми за
владенье ясачной землей и санными
покосами вновь Великого государя
денежный оброк пять алтын.

Скота у него двѣ лошади три коровы
и овца ему пошамшу великого Государя
жалованья денег двенадцать рублей
и за хлебный полный оклад служит с
пашни. Отпашни у него паханые
десятина в поле и в двух по столько же
как в поле. Подле земли конного казака
Федьки Бутакова. Владеет по купчей
Аялынской волости ясачного татарина
Карчака Чиянова с 1690 г., а оброк не
платит. И по указу Великого государя
наложен на него, Наука, с детьми за
владенье ясачной землей и санными
покосами вновь Великого государя
денежный оброк пять алтын.

(л. 387 об.) скота у него – две лошади, три коровы. А оклад ему, Тохтамышу, Великого Государя жалованья денег двенадцать рублей. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по столько же*. [Та его пашня] в межах подле заимки конного казака Федьки Бутакова. Владеет по купчей Аялынской волости ясачных татар Кучугая Девлеткеева, Бизергана Тынчетева с 1676 г., а оброк не платит. Санных у него покосов в лугу на сто копен. И по указу Великого государя наложен на него, Тохтамышу, за владенье ясачной землей вновь Великого Государя денежный оброк пять алтын.

Служилый Наук Чуваев сказал: у него дети – Иземет двадцати лет, Речап десяти лет. Скота – четыре лошади, шесть коров, пять овец. А оклад ему, Науку, Великого Государя жалованья денег четыре рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые в урмане – две десятины в поле, а в двух по столько же. [Та его пашня] в межах возле речки Амизи. Владеет по закладной ясачного татарина Есмета Сычканова с 1694 г. Санных покосов на сто копен в межах подле Синискул озера. Владеет по закладной ясачного

(л. 388) татарина Кучугайки Таулетова с 1693 г. Да подле Уя-речки [сенных покосов] на сто копен вверх по Ую-речке Аизак илга (?). Владеет по закладной Аялынской волости ясачного татарина Карчака Чиянова с 1690 г., а оброк не платит. И по указу Великого государя наложен на него, Наука, с детьми за владенье ясачной землей и санными покосами вновь Великого государя денежный оброк десять алтын.

Служилый Карашко Кутлугильдеев сказал: у него сын Бекшенко пятнадцати лет. Скота – две лошади, три коровы, две овцы. А оклад ему, Курашку, Великого государя жалованья денег три рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые на горе – десятина в поле, а в двух по столько же. Санных покосов в лугу на пятьдесят копен. Владеет исстари.

Служилый Аширметко Итеев сказал: скота у него – две лошади. А оклад ему, Аширметку, Великого Государя жалованья денег три рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Санных покосов на пятьдесят копен. Владеет исстари.

Захребетно Елтыргус Кутлугильдеев сказа
 у него сын Бабазан пятнадцати лет. Скота —
 четыре лошади, три коровы, четыре овцы.
 А пашни у него паханные — десятина в поле,
 а в двух по столько же. Сенных покосов на сто
 копен. Владеет исстари.

Захребетно Елтыргус Кутлугильдеев сказа
 у него сын Бабазан пятнадцати лет. Скота —
 четыре лошади, три коровы, четыре овцы.
 А пашни у него паханные — десятина в поле,
 а в двух по столько же. Сенных покосов на сто
 копен. Владеет исстари.

Захребетно Елтыргус Кутлугильдеев сказа
 у него сын Бабазан пятнадцати лет. Скота —
 четыре лошади, три коровы, четыре овцы.
 А пашни у него паханные — десятина в поле,
 а в двух по столько же. Сенных покосов на сто
 копен. Владеет исстари.

Захребетно Елтыргус Кутлугильдеев сказа
 у него сын Бабазан пятнадцати лет. Скота —
 четыре лошади, три коровы, четыре овцы.
 А пашни у него паханные — десятина в поле,
 а в двух по столько же. Сенных покосов на сто
 копен. Владеет исстари.

Захребетно Кабарчи Яметев сказа
 у него сын Бабазан пятнадцати лет. Скота —
 четыре лошади, три коровы, четыре овцы.
 А пашни у него паханные — десятина в поле,
 а в двух по столько же. Сенных покосов на сто
 копен. Владеет исстари.

Захребетно Кабарчи Яметев сказа
 у него сын Бабазан пятнадцати лет. Скота —
 четыре лошади, три коровы, четыре овцы.
 А пашни у него паханные — десятина в поле,
 а в двух по столько же. Сенных покосов на сто
 копен. Владеет исстари.

Захребетно Кабарчи Яметев сказа
 у него сын Бабазан пятнадцати лет. Скота —
 четыре лошади, три коровы, четыре овцы.
 А пашни у него паханные — десятина в поле,
 а в двух по столько же. Сенных покосов на сто
 копен. Владеет исстари.

Захребетно Кабарчи Яметев сказа
 у него сын Бабазан пятнадцати лет. Скота —
 четыре лошади, три коровы, четыре овцы.
 А пашни у него паханные — десятина в поле,
 а в двух по столько же. Сенных покосов на сто
 копен. Владеет исстари.

269

270

(л. 388 об.) Захребетный Кутлумерген Чуваев ска-
 зал: у него сын Бабазан пятнадцати лет. Скота —
 четыре лошади, три коровы, четыре овцы. А пашни
 у него паханные — десятина в поле, а в двух по столько
 же*. Сенных покосов на сто копен. Владеет пашней
 и санными покосами по купчей ясачных татар Ир-
 ленячки Изентуганова с товарищами с 1680 г. А об-
 рок не платит. И по указу Великого Государя нало-
 жен на него, Кутлумергена с сыном, за владенье
 ясачной землей и санными покосами вновь Вели-
 кого государя денежный оброк десять алтын*.

Захребетный Елтыргус Кутлугильдеев сказал: у
 него сын Тохтагулко двадцати лет. Скота — две ло-
 шади да корова. А пашни у него паханные — десяти-
 на в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов
 на сто копен. Владеет исстари.

Захребетный Кочагулко Ярмаметев сказал: ско-
 та у него — лошадь да корова. А пашни у него паха-
 ные возле острова Ошкуль — десятина в поле, а в
 двух по столько же. Сенных покосов на сто копен.
 Владеет исстари.

Захребетный Тлевко Куташев сказал: у него сын
 Айгучак пяти лет. Скота — лошадь да корова. А па-
 шни не пашет. Сенных у него покосов на сорок копен.

(л. 389) Захребетный Кабарчи Яметев сказа-
 л: у него — лошадь да корова. А пашни у него паха-
 ные — полдесятины в поле, а в двух по столько же.
 Сенных покосов на сто копен. Владеет исстари.

В той же деревне живут Аялынской волости
 ясачные татары.

Саргач Муллашев, скота у него — лошадь да ко-
 рова.

Арыктев Летимов, скота у него — лошадь да ко-
 рова.

Кучугайко Девлеткеев, скота у него — лошадь да
 корова.

И в нынешнем, 1701 г. 12 сентября бил челом
 Великому Государю словесно¹ Аялынской волости
 ясачный татарин Кучугайко Девлеткеев на съезде
 дворе* на тарских конного казака Микитку да на
 казачьих детей Корнилку, Обросимку да Алешку
 Федоровых детей Бутаковых о владении пашенной
 землей и санными покосами, которые купил отец их,
 Микитки с братьями — Федька Григорьев сын Бута-
 ков, в 1676 г. 8 июня у ясачных татар Аялынской
 волости Ирленяка Изенгильдеева да Кутлумета

¹ устно

иудеи тако зрели. А отото оно Ку, уезд
коу оубь Иркинск. Поимаш на Мадонь
Ирленячкя Давидов иудеи продали
тоб гудь Иркинск Поимаш оубь уезд
Микитка Бутаков с братьями, с Кучугаем
Девлеткеевым. Поимаш отото гудь
как выписан отомъ, отомъ, поимаш
Половонскя Давидовскя иудеи гудь
Озимнго уюду Давидовскя иудеи гудь
Ирленячкя Давидовскя иудеи гудь
Озимнскя Давидовскя иудеи гудь.
Тадъ Иркинск то Озимнскя Давидовскя
пашне Микитка Бутаков с братьями, с
Кучугаем гудь на пашне таловый уезд
Озимнскя иудеи гудь Иркинскя Давидовскя
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь

И доготорны ие оубь уездтаву гудь Иркинск
иудеи Поимаш Иркинскя Давидовскя
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь
Иркинскя Давидовскя иудеи гудь

Бизирган Теимгатов, скота у него лошадь да корова

Урмаш Кучуков, у него сын Уразай десяти лет. Скота – лошадь да корова.

Буганайко Атымеев, скота у него лошадь да корова.

Яндук Тевлетимов, скота у него лошадь да корова.

А пашни у них паханые у всех татар вместе около деревни – пятнадцать десятин в поле, а в двух по столько же. Да под пашню земли и пустошей на двести десятин. В межах с верхней стороны – до уйской переволоки*, а с нижней стороны – по нх поскотину. Сенных у них покосов на уйской переволоке на пятьсот копен. У них же озеро Сениксу в длину на две версты, а поперек – на сто сажень. У них же у всех вместе поскотины от деревни их по обе стороны вверх и вниз по Иртышу-реке десяти на двести.

(л. 389 об.) Шулякова с товарищами. А у него, Кучугая, в той земле и сенных покосах пай. Ирленяк Изенгильдеев да Кутлумет Шуляков продали ту землю и сенные покосы без него, Кучугая, и 12 сентября нынешнего 1701 г., поговорив между собой они, Микитка Бутаков с братьями, с Кучугаем Девлеткеевым договорились о том, что владеть им, Микитке Бутакову с братьями, по нынешним любовным договорным межам с устья от зимнего извозу до Черного Яра, а от Черного Яра на озимь, которую посеял Микитка Бутаков в 1701 г. на 1702 г., и посередине той озими с краю яму выкопать и столбы поставить, а от той ямы и от столба – прямо на черный таловый куст, а от того куста – на осинник, который осинник – старое владение, и ими владеет вышеписанный* ясачный татарин Кучугай Девлеткеев. И от тех вышеписанных межей вниз по Ую владеть купленной землей, которую купил отец их, Микитки с братьями, – Федька Григорьев, сын Бутаков, у Аялыных ясачных татар Ирленячки Изенгильдеева да Кутлуметя Шулякова с товарищами 8 июня 1676 г. А по правую сторону от тех же межей владеть пашенной землей и осинником и за осинником до Ошкуля-озера сенными покосами и Ошкулем-озером вышеписанному Кучугаю Девлеткееву с сыном Якшиметком. И впредь им, Микитке Бутакову с братьями, помимо мировой записи

(л. 390) и договорных меж[ей] в его, Кучугаеву, землю, и в сенные покосы, и в осинник, и в озеро не въезжать и не владеть [ими]. И по вышеписанной купчей крепости на него, Кучугая с сыном, им, Микитке Бутакову с братьями, не бить челом и убытка не наводить.

Бизирган Теимгатов, скота у него – лошадь да корова.

Урмаш Кучуков, у него сын Уразай десяти лет. Скота – лошадь да корова.

Буганайко Атымеев, скота у него – лошадь да корова.

Яндук Тевлетимов, скота у него – лошадь да корова.

А пашни у них паханые у всех татар вместе около деревни – пятнадцать десятин в поле, а в двух по столько же. Да под пашню земли и пустошей на двести десятин. В межах с верхней стороны – до уйской переволоки*, а с нижней стороны – по нх поскотину. Сенных у них покосов на уйской переволоке на пятьсот копен. У них же озеро Сениксу в длину на две версты, а поперек – на сто сажень. У них же у всех вместе поскотины от деревни их по обе стороны вверх и вниз по Иртышу-реке десяти на двести.

Владеют и стары и по писцовым книгам писца Льва Поскочина.

10) Дня 27 мая 1782 года Наследованная земля в Алячинской волости татарская.

Купецкая земля.

Купецкая земля.

Пашни у них паханые пять десятин в поле, а в двух по столько же. Да под пашню земли и пустошей на двадцать десятин. В межах с верхней стороны – по деревню Себелякову, а с нижней стороны – по реку. Сенных у них покосов на полтораста копен. Владеют и стары и по писцовым книгам писца Льва Поскочина.

10) Дня 27 мая 1782 года Наследованная земля в Алячинской волости татарская. 391

11) Дня 27 мая 1782 года Наследованная земля в Алячинской волости татарская.

Купецкая земля.

Купецкая земля.

Купецкая земля.

Пашни у них паханые пять десятин в поле, а в двух по столько же. Да под пашню земли и пустошей на двадцать десятин. В межах с верхней стороны – по деревню Себелякову, а с нижней стороны – по реку. Сенных у них покосов на полтораста копен. Владеют и стары и по писцовым книгам писца Льва Поскочина. У них же рыбная ловля – речка Мамешевская, течет из Мамешева-озера.

Ла

(л. 390 об.) Владеют и стары и по писцовым книгам писца Льва Поскочина.

Деревня Утамацких юрт

над рекою Иртышом.

Живут Алячинской волости ясачные татары.

Кутлумет Шуляков.

Кучеш Кучменяков.

Пашни у них паханые – пять десятин в поле, а в двух по столько же. Да под пашню земли и пустошей на двадцать десятин. В межах с верхней стороны – по деревню Себелякову, а с нижней стороны – по реку. Сенных у них покосов на полтораста копен. Владеют и стары и по писцовым книгам писца Льва Поскочина.

(л. 391)

Деревня Красноярская.

Живут Алячинской волости ясачные татары.

Ангурчичко Сычканов, скота у него – лошадь да корова.

Чинячко Янгурчин, скота у него – лошадь да корова.

Теукейко Елметев, скота у него – лошадь да корова.

Научайко Елметев.

Пашни у них паханые у всех вместе подле деревни – девять десятин в поле, а в двух по столько же. Да под пашню земли и пустошей на пятьдесят десятин. Сенных покосов около поля на пятьсот копен. В межах с верхней стороны – от зимних их юрт, а с нижней стороны – по речку Глухую. Владеют и стары и по писцовым книгам писца Льва Поскочина. У них же рыбная ловля – речка Мамешевская, течет из Мамешева-озера.

2. Расселение татар Тарского Прииртышья в XVIII – начале XX века

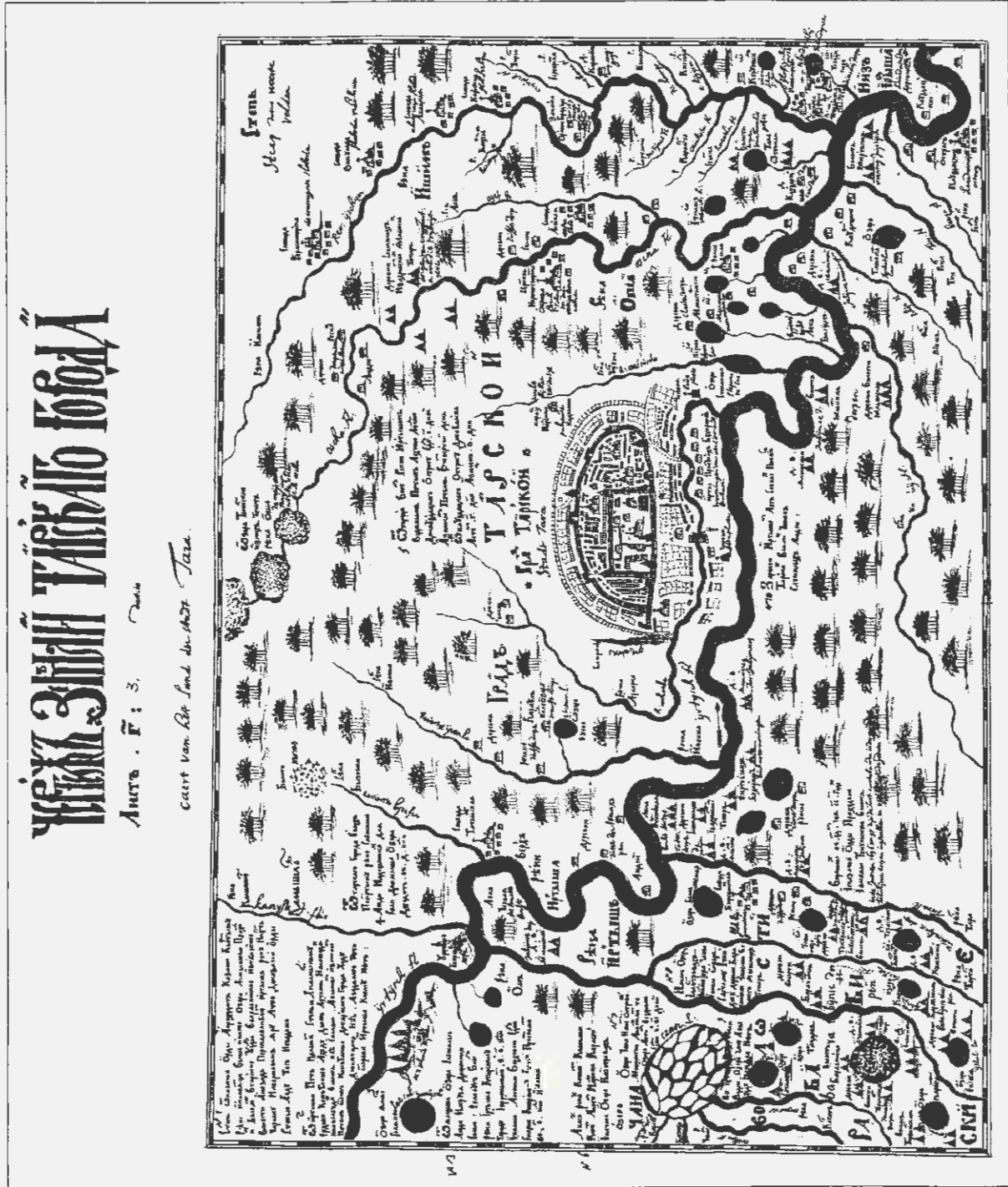

Рис. 1. «Чертежъ земли Тарского города» из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова, 1701 г.

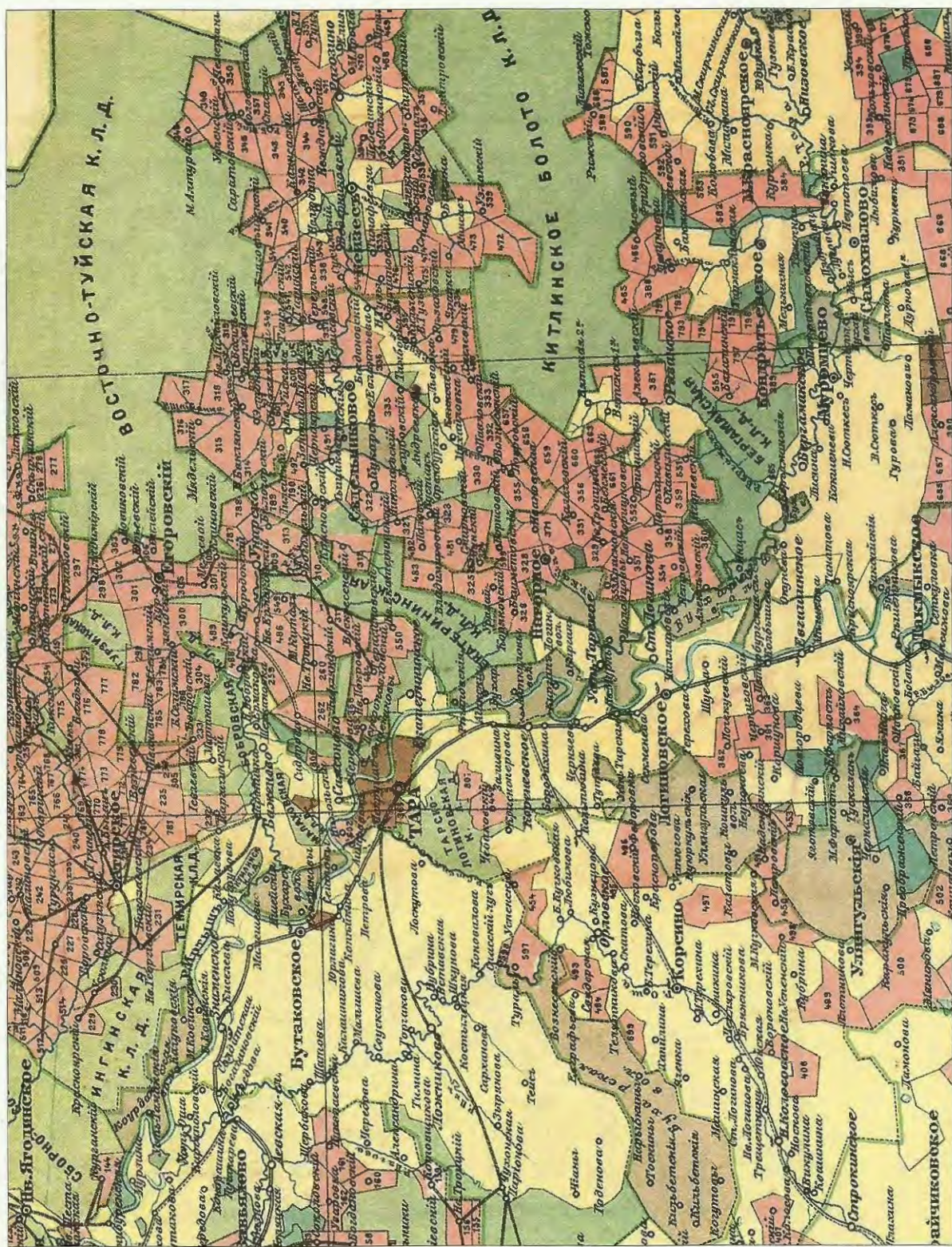
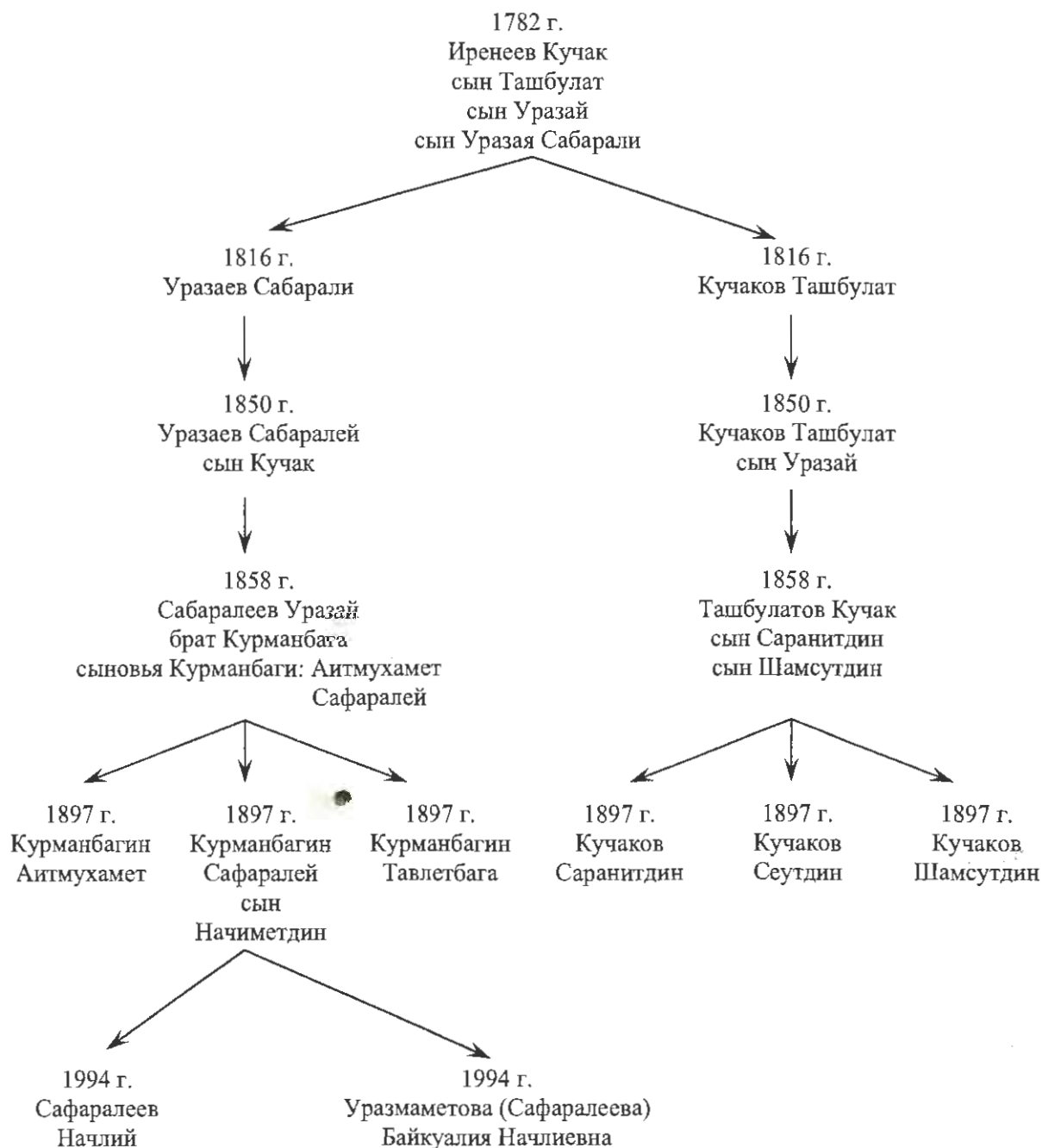
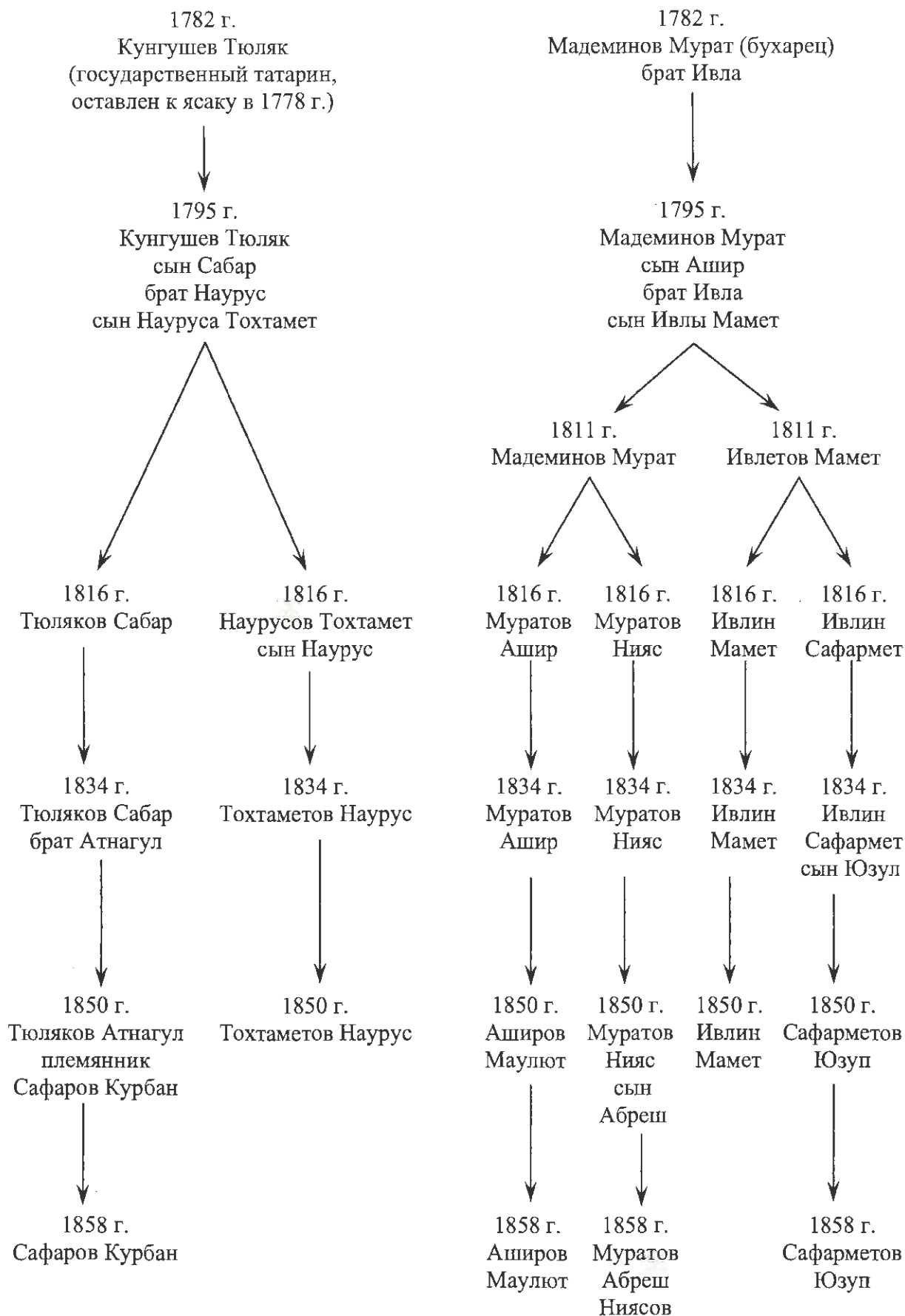

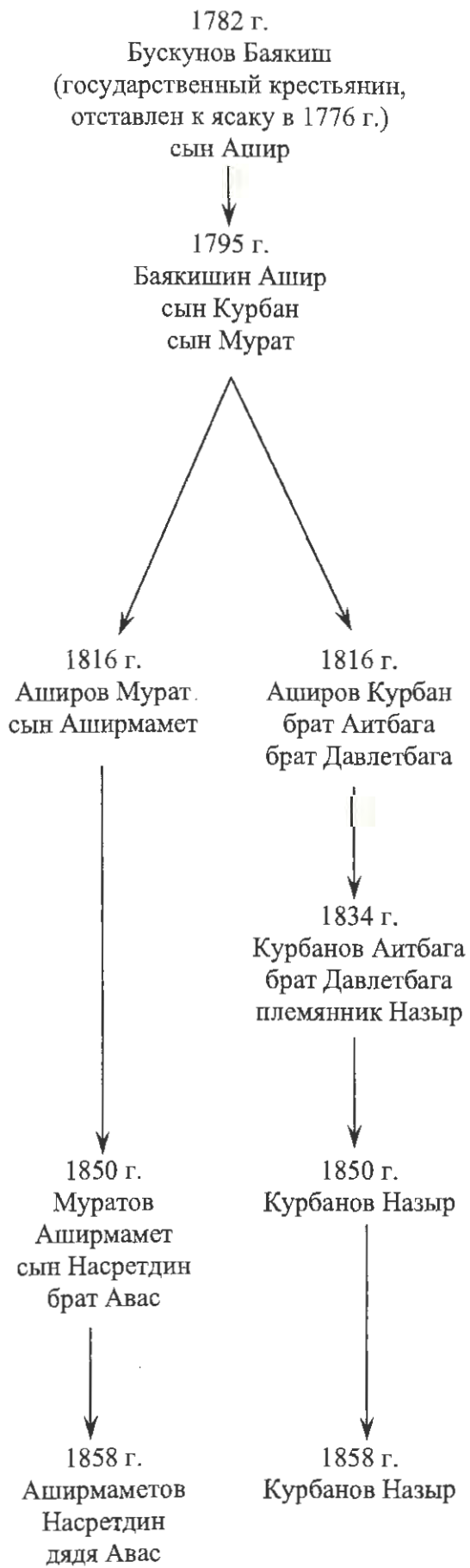
Рис. 2. Фрагмент карты Тарского уезда Тобольской губернии за 1913 г.

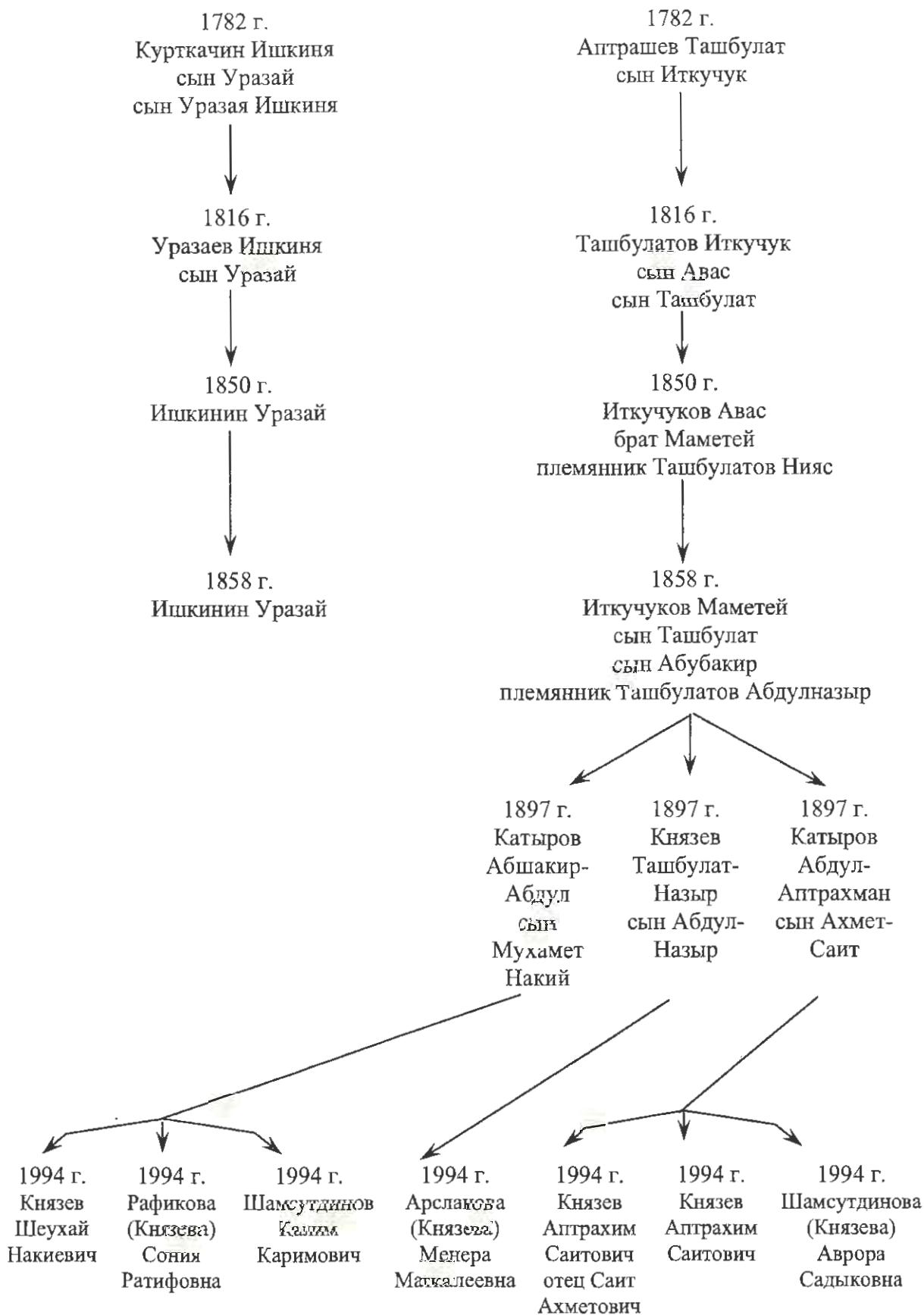
3. Генеалогические схемы тюркского населения Тарского Прииртышья (по данным переписей населения конца XVIII–XX века и современных родословных)

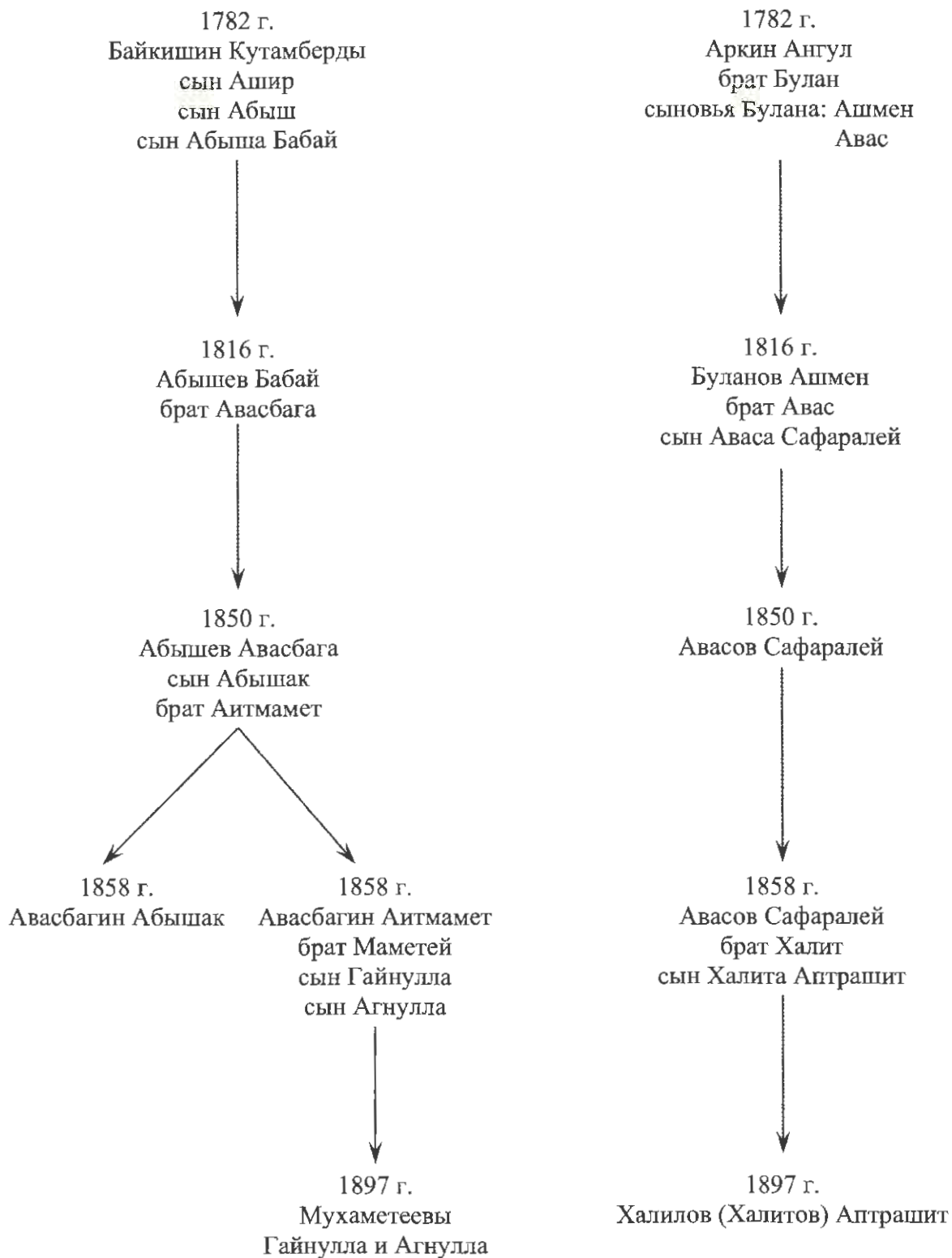
Деревня Берняжка (бывшая Усть-Тарская)

1782 г.
Разанеев Атнагул
(государственный татарин,
отставлен к ясаку в 1777 г.)
сын Кучук

1795 г.
Разанеев Атнагул
сын Кучук
сын Кучука Нияс

1816 г.
Кучуков Нияс
сын Атнагул
сын Абдул

1834 г.
Кучуков Нияс

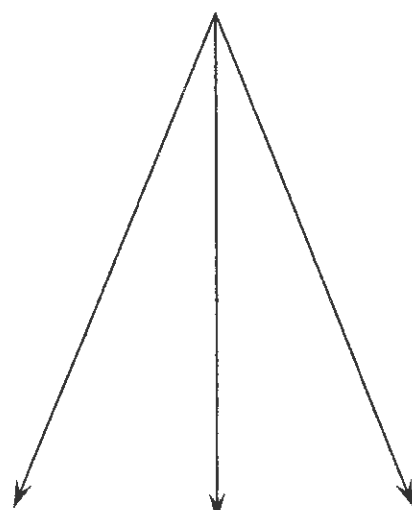

1850 г.
Кучуков Нияс

1858 г.
Ниясов Атнагул

1782 г.
Ишкинин Мавлют
сын Измаил
сын Курман
сын Бекмай

1816 г.
Ишкинин
Бекмай
сын Речап

1850 г.
Бекмаев Речап

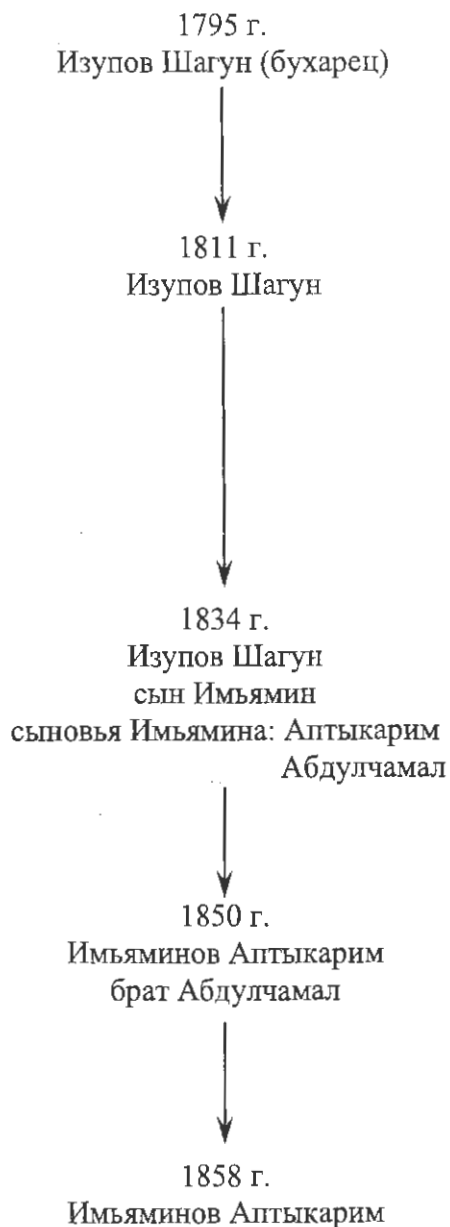

1858 г.
Бекмаев Речап

1816 г.
Ишкинин
Измаил

1816 г.
Ишкинин
Курман

1850 г.
Ишкинин Курман

1816 г.
Курманов Тавлетбага

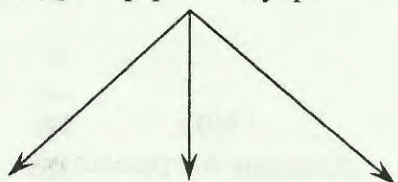
1850 г.
Курманов Тавлетбага

1858 г.
Курманов Тавлетбага
сын Абдул Гафар

1897 г.
Абдулгафаров Абдулрахим

1994 г. Агафурова Наиля Гафуровна
1994 г. Агафуров Хамиль Гафурович
1994 г. Агафуров Наим Гафурович

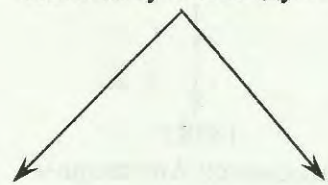
1816 г.
Кучербаев Аскар
сын Барат

1850 г.
Аскарлов Барат

1858 г.
Аскарлов Барат
сын Муза
сын Музы Зайнутдин
брат Хайзулла
сын Хайзуллы Абдулла

1897 г. Музин Зайнух
1897 г. Хайсулин (Хайзулин) Абдулла

Деревня Инцнсс

1816 г.
Айтышев Барат
брат Арап

1850 г.
Айтышев Барат

1858 г.
Айтышев Барат

1816 г.
Уразмаметов Наурус

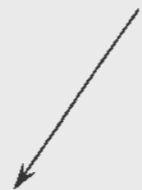

1850 г.
Уразмаметов Наурус
сын Речапбага

1858 г.
Уразмаметов Наурус
сын Речапбага
(переехали в д. Усть-Тарскую)

1816 г.
Аитбагин Сафармет
брат Канчаш
сыновья Канчаша: Нияс
Аитышта

1850 г.
Аитбагин Канчаш

1816 г.
Баянов Тохтабай
внук Калилов Баяй
внук Калилов Аитнягул

1850 г.
Калилов Баяй

1816 г.
Халилов Аvas
сын Нияскул

↓

1850 г.
Халилов Аvas
сын Ишбулат
сын Туш-Мухамет

↓

1858 г.
Аvasов Ишбулат
брат Тушмухамет

1816 г.
Тюрюшев Айтыш
сын Назир

↓

1850 г.
Айтышев Назир
сын Мурсафар
сын Канзафар

↓

1858 г.
Айтышев Назир
сын Мурсафар
сын Киизафар
сын Айтулла

↓

1897 г.
Кансафарова Амина – вдова
сын Нурмухаметов Сайиетдин

1816 г.
Ниясов Сейтулла
сын Абыш
брат Марат
сын Марата Назир

↓

1850 г.
Марипов (Маратов) Назир

↓

1858 г.
Марипов Назир
сын Сафар Нияс

1816 г.
Ураскулов Аvas
племянник Атнагулов Речап
племянник Аитбагин Азан

1850 г.
Атнагулов Речап
сын Атнагул
сын Аптрахман
сын Бакир
сын Нисмамет
сын Искандар

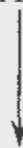
1858 г.
Атнагулов Речап
сын Атнагул
сын Атнагула Аптрахман
сын Атнагула Аптрахим
сын Бакир
сын Ниясмамет
сын Искандар

1897 г.
Атнагулов
Абдулмамет

1897 г.
Абубакиров
Антрафик
дядя Речапов
Атнагул

1816 г.
Ниясов Таштемир
сын Тавлетбага
сыновья Тавлетбаги: Назир
Курбан
Сабармет
сын Муратбага
сыновья Муратбаги: Нияс
Тохтагул
сын Нияс

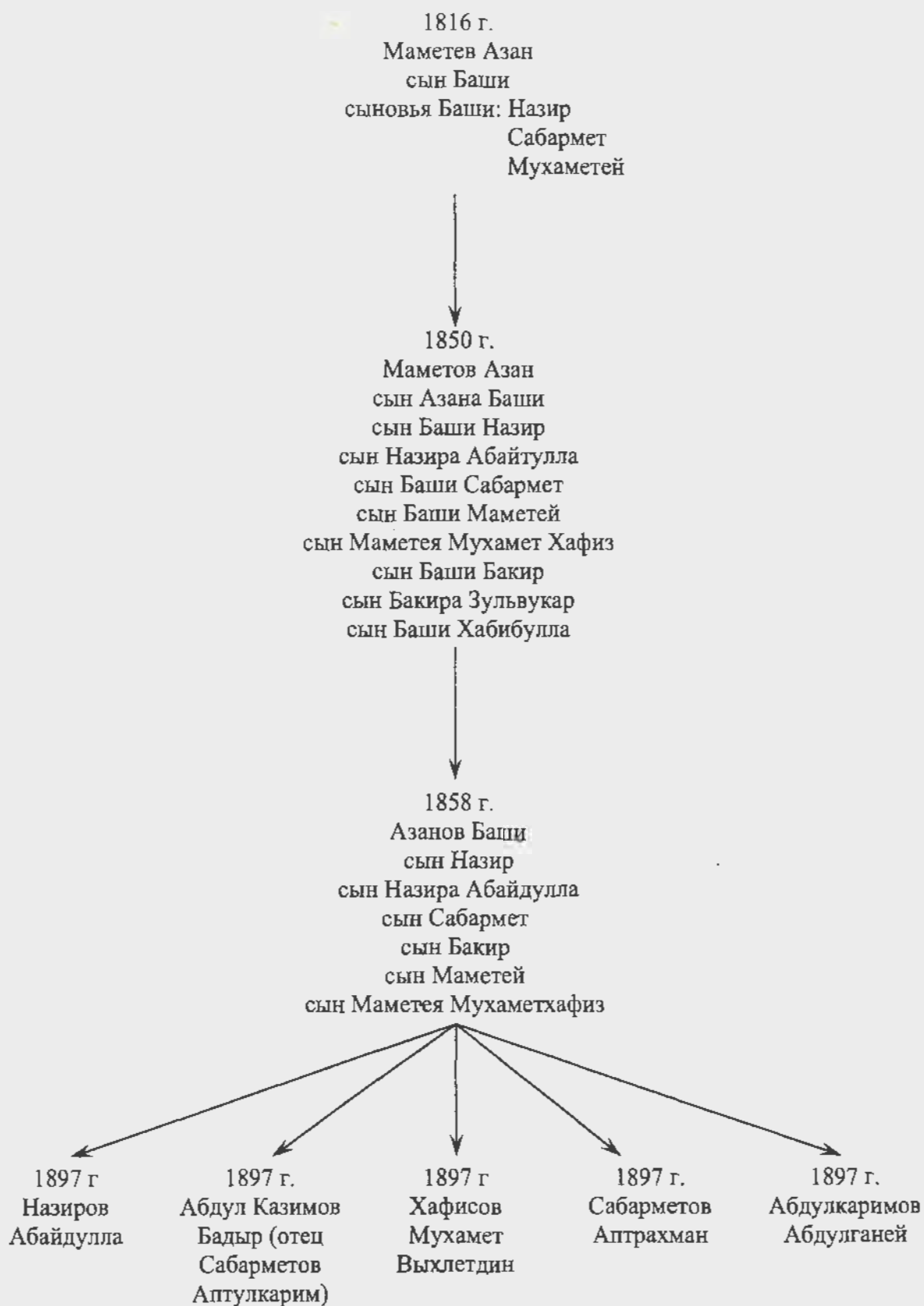
1850 г.
Тавлетбагин Назир
брат Курбан
сын Курбана Сейфуль Мулюк
сродные братья: Нияс Муратов
Тохтагул Муратов

1858 г.
Тавлетбагин Курман
сын Сейфуль Мулюк
сродный брат Нияс Муратов
сын Нияс Муратова Уразмамет
сродный брат Тохтагул Муратов

1897 г.
Маулюков
Хаснутдин Савлют

1816 г.
Айткулов Уразай
сын Маметалла
сын Маметаллы Ашир
сын Ашира Атан
сын Уразмамет
сын Уразмамета Айткул

1850 г.
Уразаев Уразмамет
сын Ниясмамет
племянник Ашир Маметалин
сыновья Ашира: Абдул-Назир
Абдул-Гафар
Абдул-Малик
Абдулла
Разматулла
Мухаметей

1858 г.
Уразаев Уразмамет
сын Ниясмамет
племянник Ашир Маметалин
сыновья Ашира: Абдул-Назир
Абдул-Гафар
Абдул-Малик
Абдулла
Разматулла
Мухаметей

1897 г.
Аширбагин Абдулла

1816 г.
Муниципий Нияс
сын Аvas
сын Кутлумет
сын Маметей
сын Арап
брат Наурус
брат Куянбай

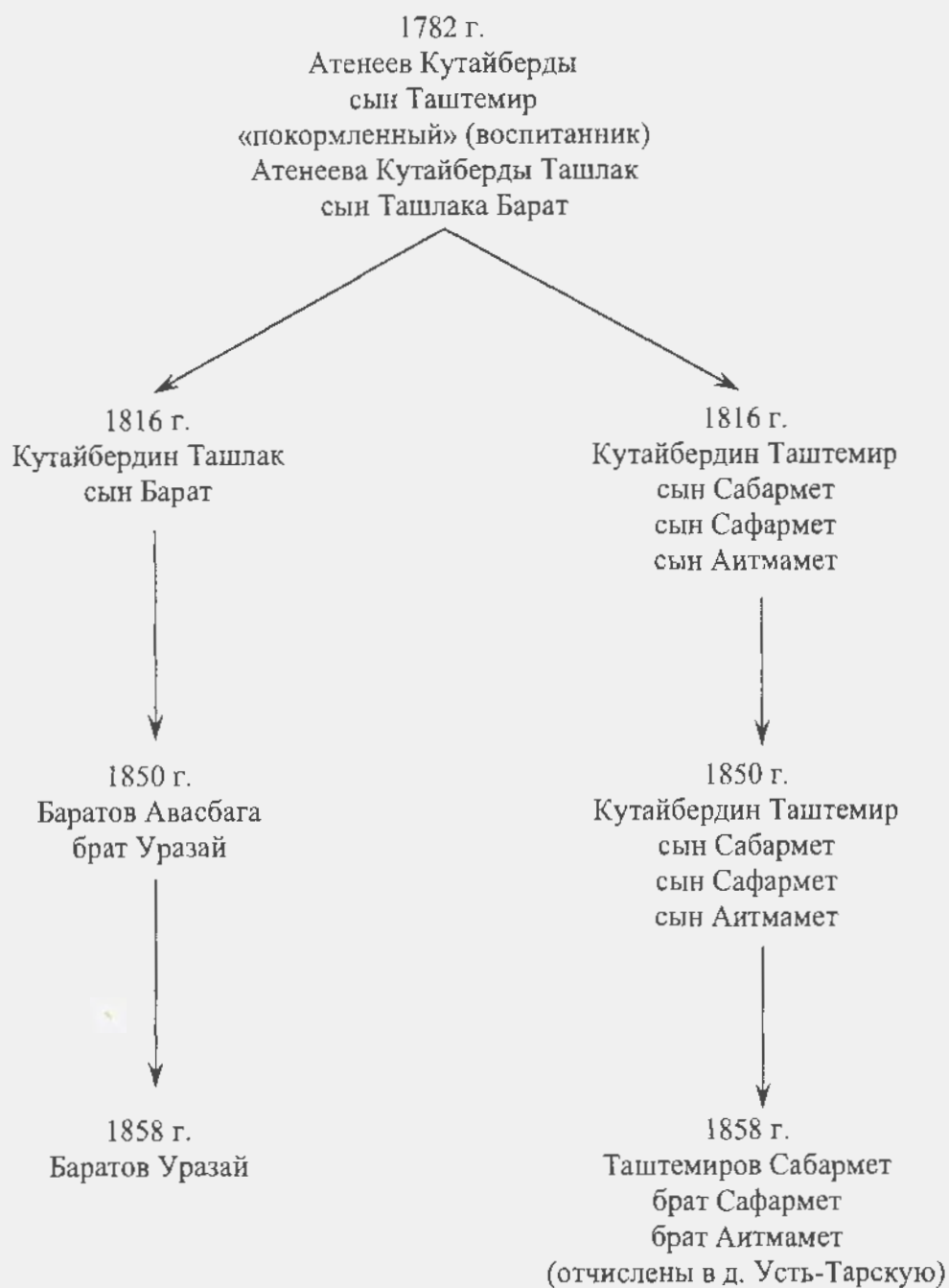
1850 г.
Муңцын Нияс
сын Кутлумет
сыновья Кутлумета: Атылша
Аптулатыф
Абдулвахай
Валиша
сын Маметей
сын Мамстея Нугман
сын Арап
сыновья Арапа: Гумар
Нурмухамет
племянники Нияса: Наурусов Юлташ
Наурусов Абдул-Вахит
сын Абдул-Вахита Абдул Каюм

1858 г.
Муңцын Нияс
сын Кутлумет
сыновья Кутлумета: Абдулвахаб
Валиша
Мухаметша
сын Маметей
сыновья Маметея: Нугмай
Ибатулла
сын Нугмана Гадылша
сын Арап
сыновья Арана: Гумер
Нурмухамет
племянники Нияса: Наурусов Юлташ
Наурусов Абдул-Вахит
сын Абдул-Вахита Абдул Каюм

1897 г. 1897 г. 1897 г. 1897 г. 1897 г. 1897 г.
Кутлахметов Кутлахметов Мухаметов Абдулвахитов Валитин Ногуманов
Абдул-Вахаб Мухометджан Изатулла Абдулканей Мухаммед Адельша
Вахит

Деревня Чеплярово

1782 г.
Танаев Ашина
сын Урай
сын Урая Аитбага

1816 г.
Аитбагин Арзымет

1850 г.
Аитбагин Арсамет
сын Мурсафар
сын Маметей
сын Аитбага

1858 г.
Аитбагин Арсамет
сын Мусафар
сын Маметей

1782 г.
Кураев Куртка
сын Нияс

1816 г.
Курткаев Нияс
сын Тлев
сын Авас

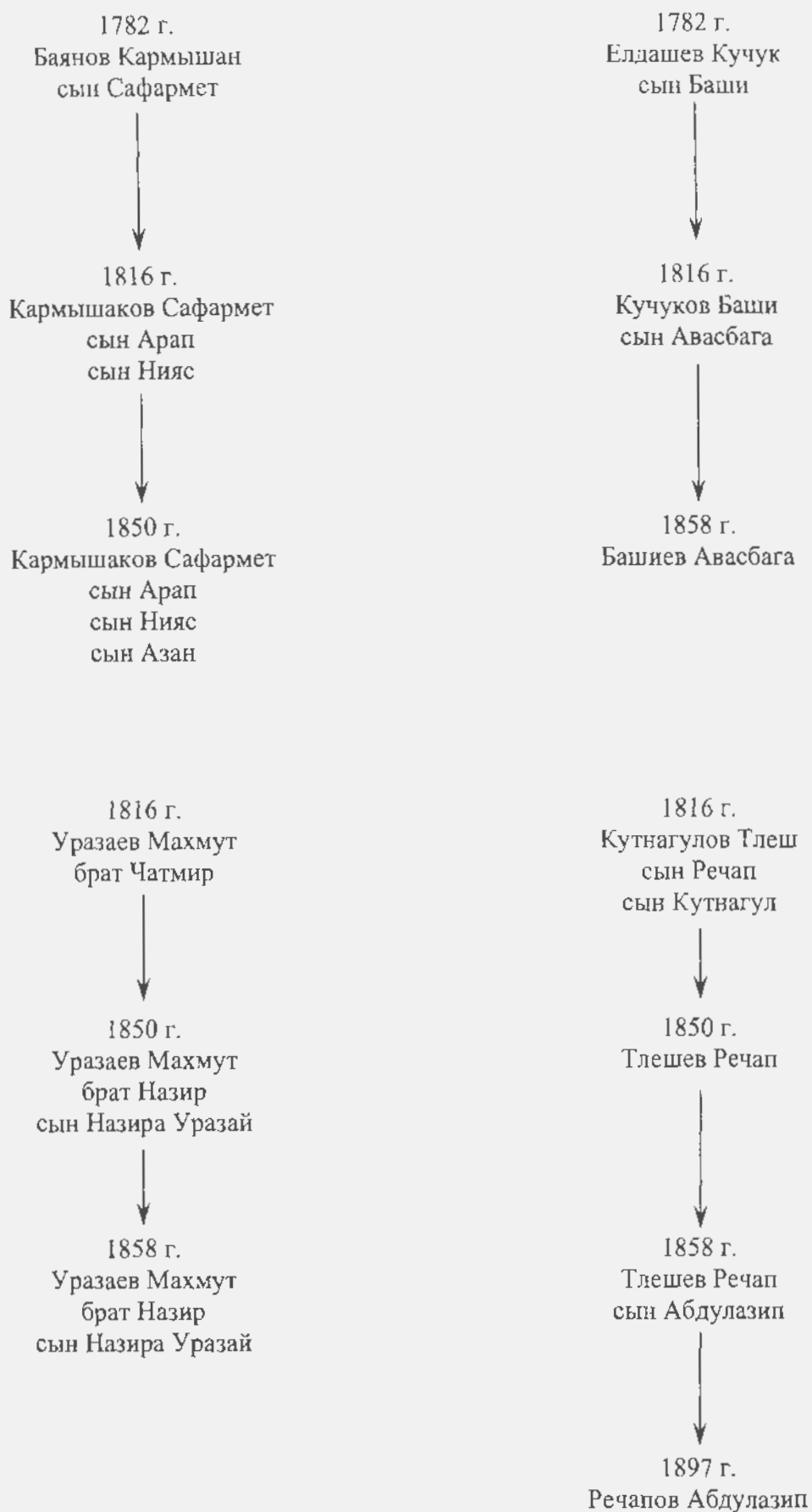
1850 г.
Ниясов Тлев
сын Нияс
сын Ишмаммет

1858 г.
Ниясов Тлев
сын Нияс
сыновья Нияса: Аптрахман
Абдулвахит

1897 г.
Тлешев Абдрахман

1782 г.
Кучаков Курман
сын Аvas
сын Аvas Мамет
сын Кончагул
сын Кончагула Тавлетбага
брат Бака
сыновья Баки: Нияс
Сабармет

1816 г.
Аvasов Мамет

1850 г.
Аvasов Мамет

1858 г.
Аvasов Мамет

1816 г.
Бакин Нияс
брат Сабармет

1850 г.
Бакин Сабармет

1858 г.
Бакин Сабармет

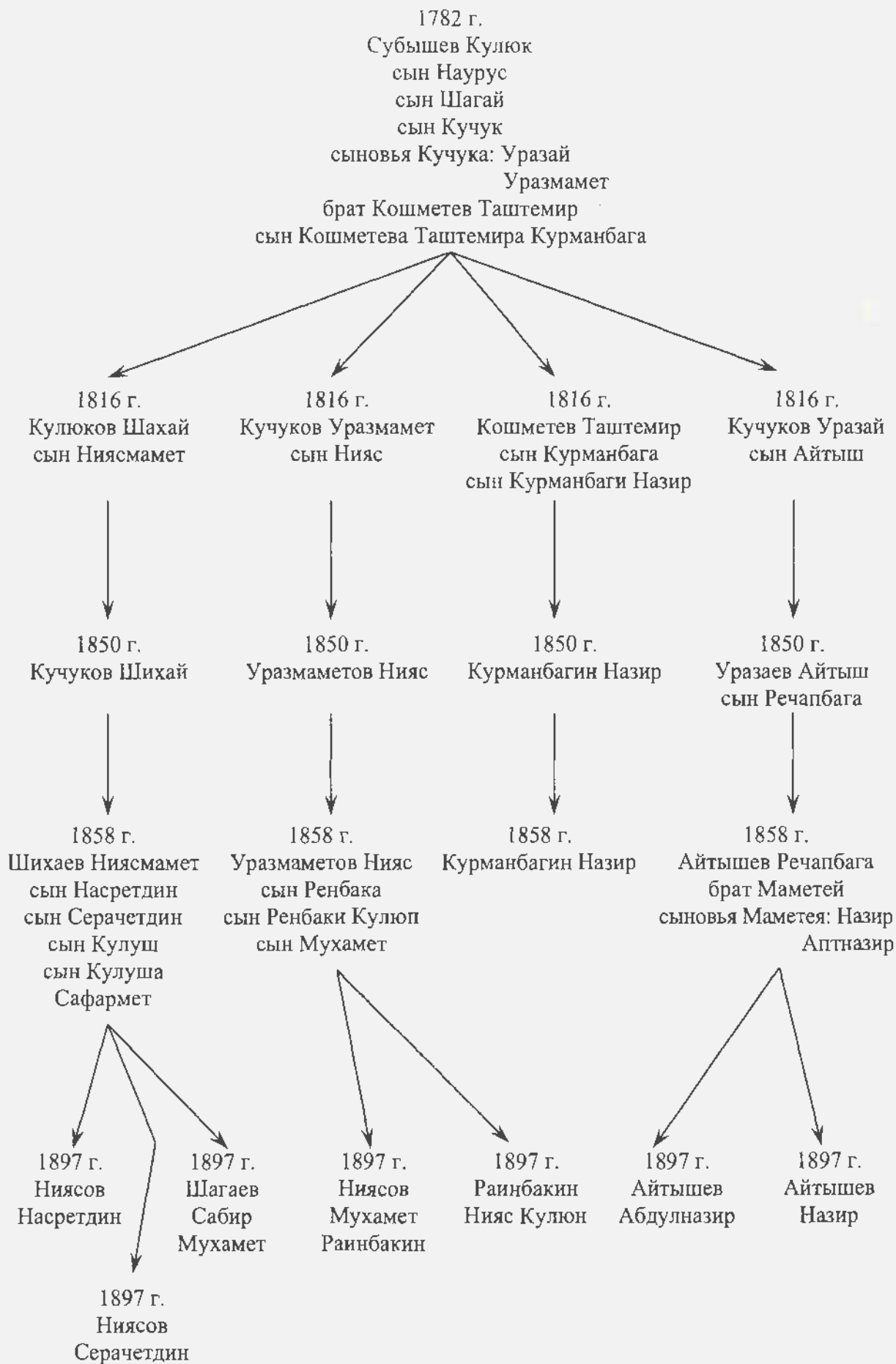
1816 г.
Кончагулов Тавлетбага

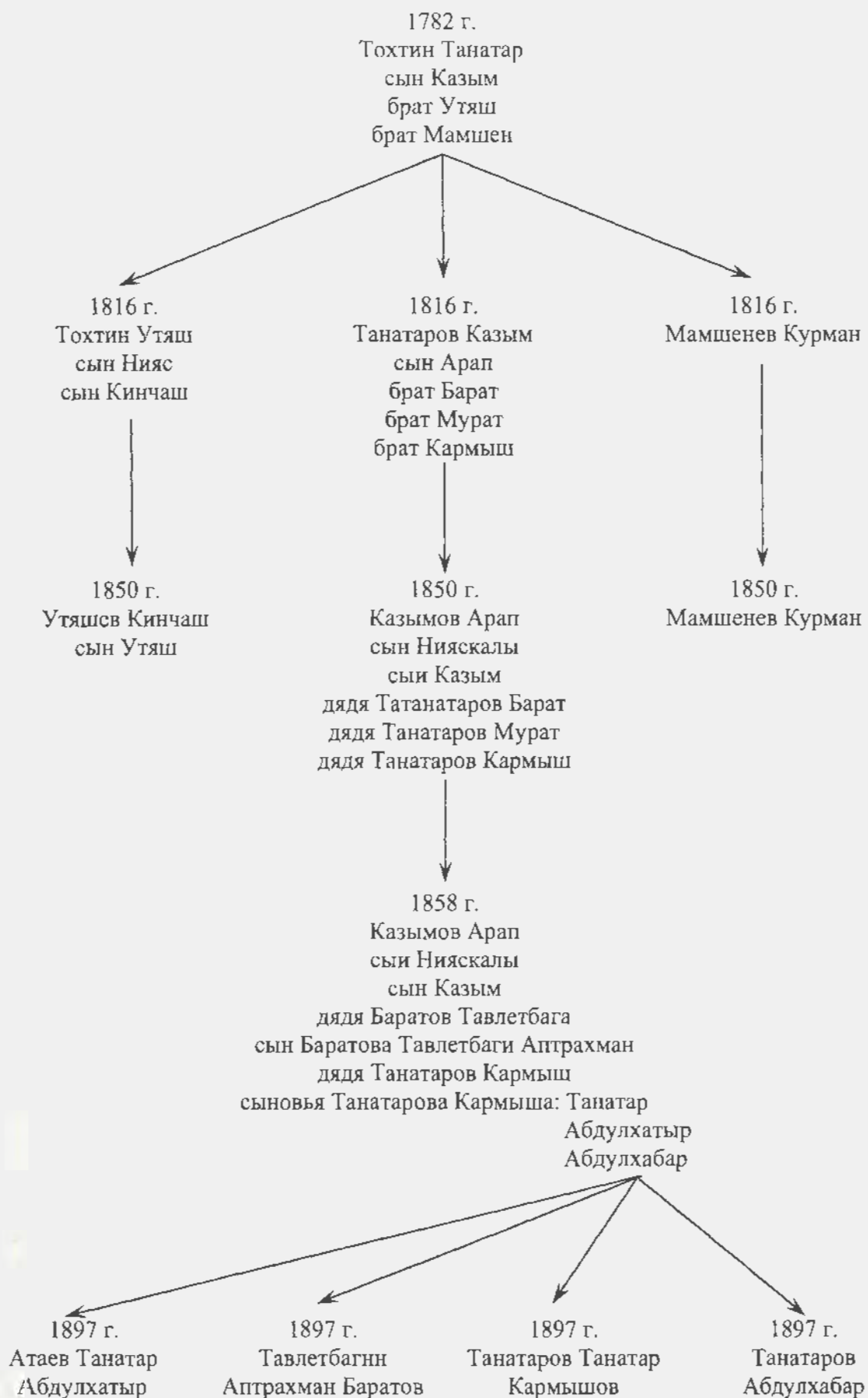

1850 г.
Кончагулов Тавлетбага

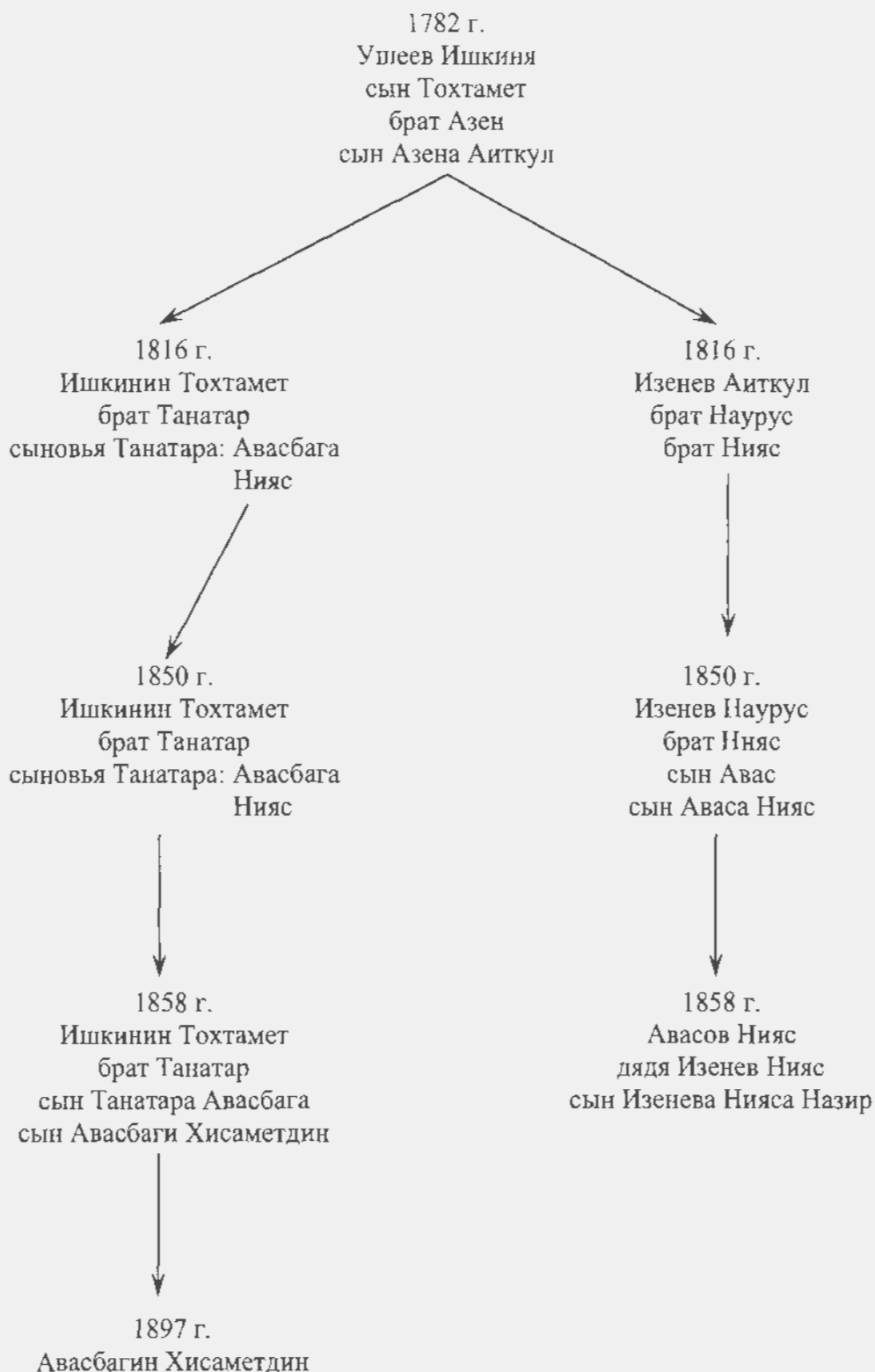

1858 г.
Кончагулов Тавлетбага

Деревня Юрт-Бергамак

1782 г.
Табушев Казалба
сын Танатар
сын Авамек

1816 г.
Казылбаев Танатар
сын Ниясмамет
сын Бабаш

1850 г.
Танатаров Ниясмамет
сын Уразмамет
сын Абит
сын Абдулла
брат Бабаш

1858 г.
Ниясмаметов Уразмамет
сын Халит
сын Халита Аптрахман
брат Абит
сыновья Абита: Махмут
Мамурза
брат Абдулла
сын Абдуллы Абдулхабар
дядя Танатаров Бабаш
сын Бабаша Сабармет
сын Сабармета Маметей

1897 г.
Абитов
Махмут

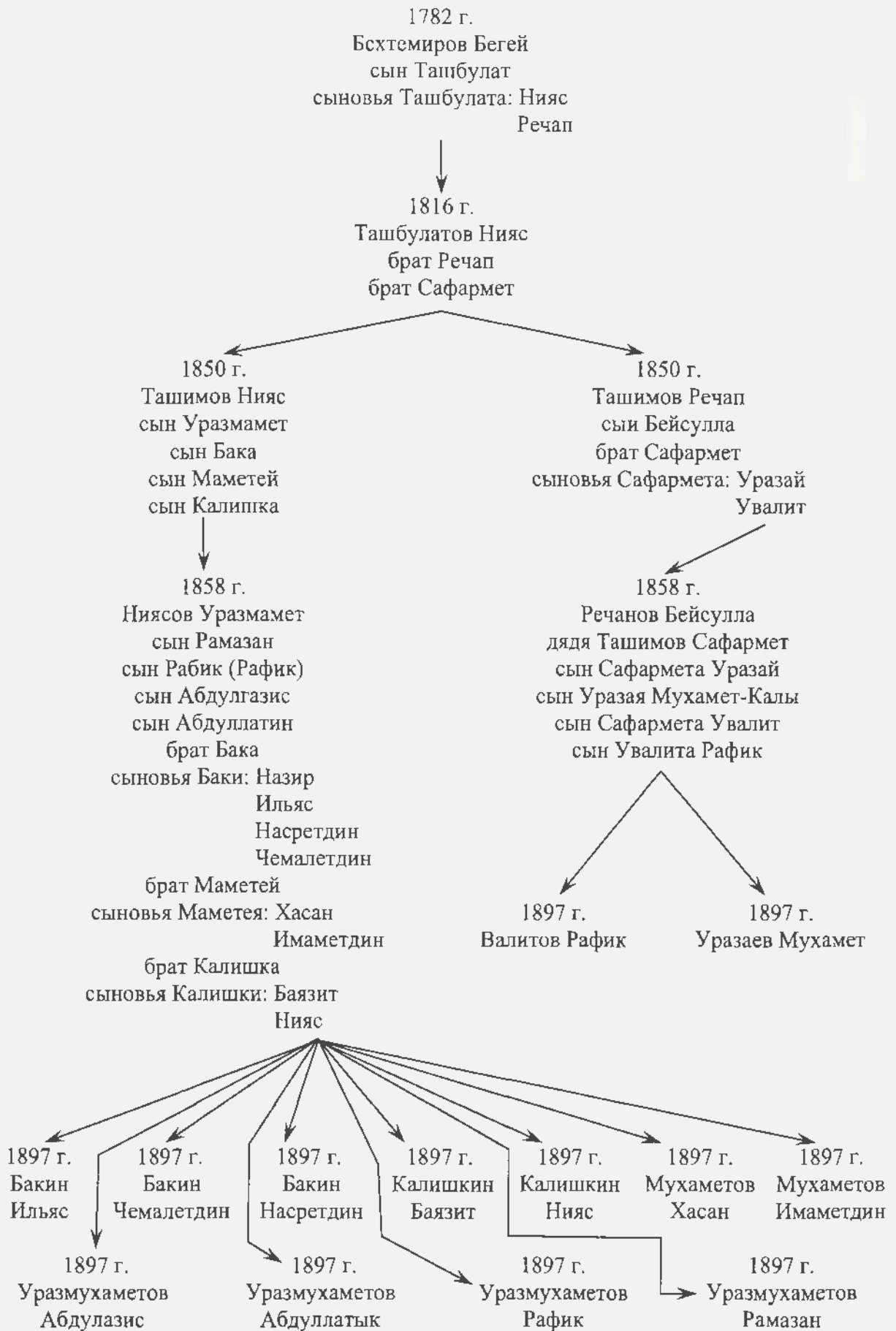
1897 г.
Абитов
Мамурза

1897 г.
Аптулин
Аптул-Кабир

1897 г.
Сабарметов
Мухаметей

1897 г.
Халилов
Аптрахман

1897 г.
Халитов
Умер

1782 г.
Кохменев Акуш
сын Уразай
сын Аитбага

↓

1816 г.
Акушев Аитбага
сын Реиббага
сын Акуш

↓

1850 г.
Аитбагин Ренбака
брат Акуш

↓

1858 г.
Аитбагин Ренбака
брат Акуш
сын Акуша Рям
сын Ряма Мухаметей

1782 г.
Чилтаков Кучак
сын Юлташ

↓

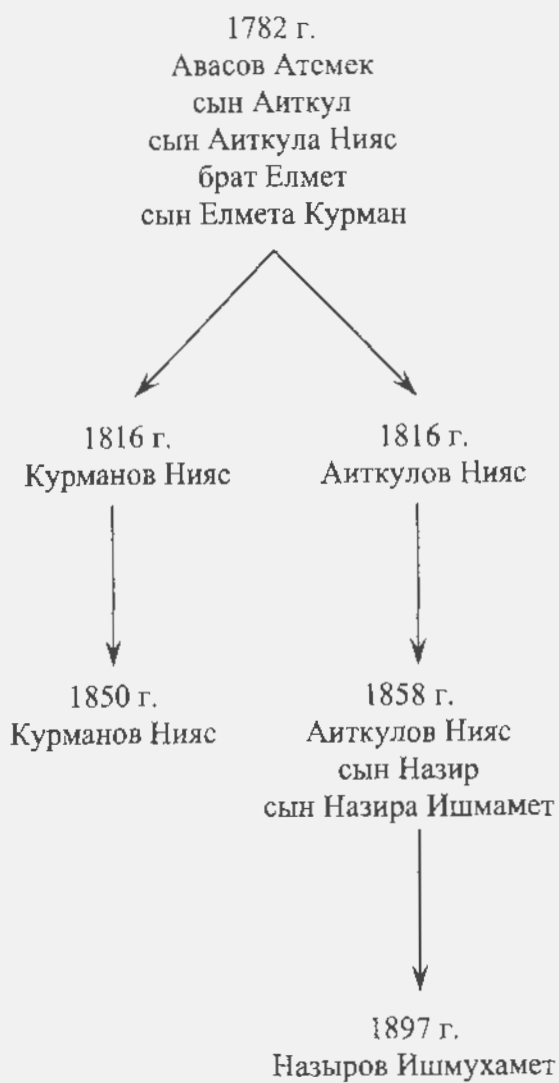
1816 г.
Юлташев Назир
брат Наурус

↓

1850 г.
Юлташев Назир
сын Юлташ
брат Наурус

↓

1858 г.
Юлташев Назир
сын Юлташ
сын Юлташа Рамазан
брат Наурус

Деревня Сеитово

I. Бухарцы

1795 г.
Кембяттов Селемьян
сын Наурус
сыновья Науруса: Селемьян
Нияс

1811 г.
Наурусов Вельямин (Селемьян)
брат Нияс
сын Наурус
сын Атачур

1834 г.
Наурусов Нияс
сын Сулейметдин
сын Давлет
сын Мухаммед

1834 г.
Наурусов Вельямин
сын Наурус
сын Науруса Мухамет
сын Атачуа (Атачур)
сын Апсеит
сын Азан

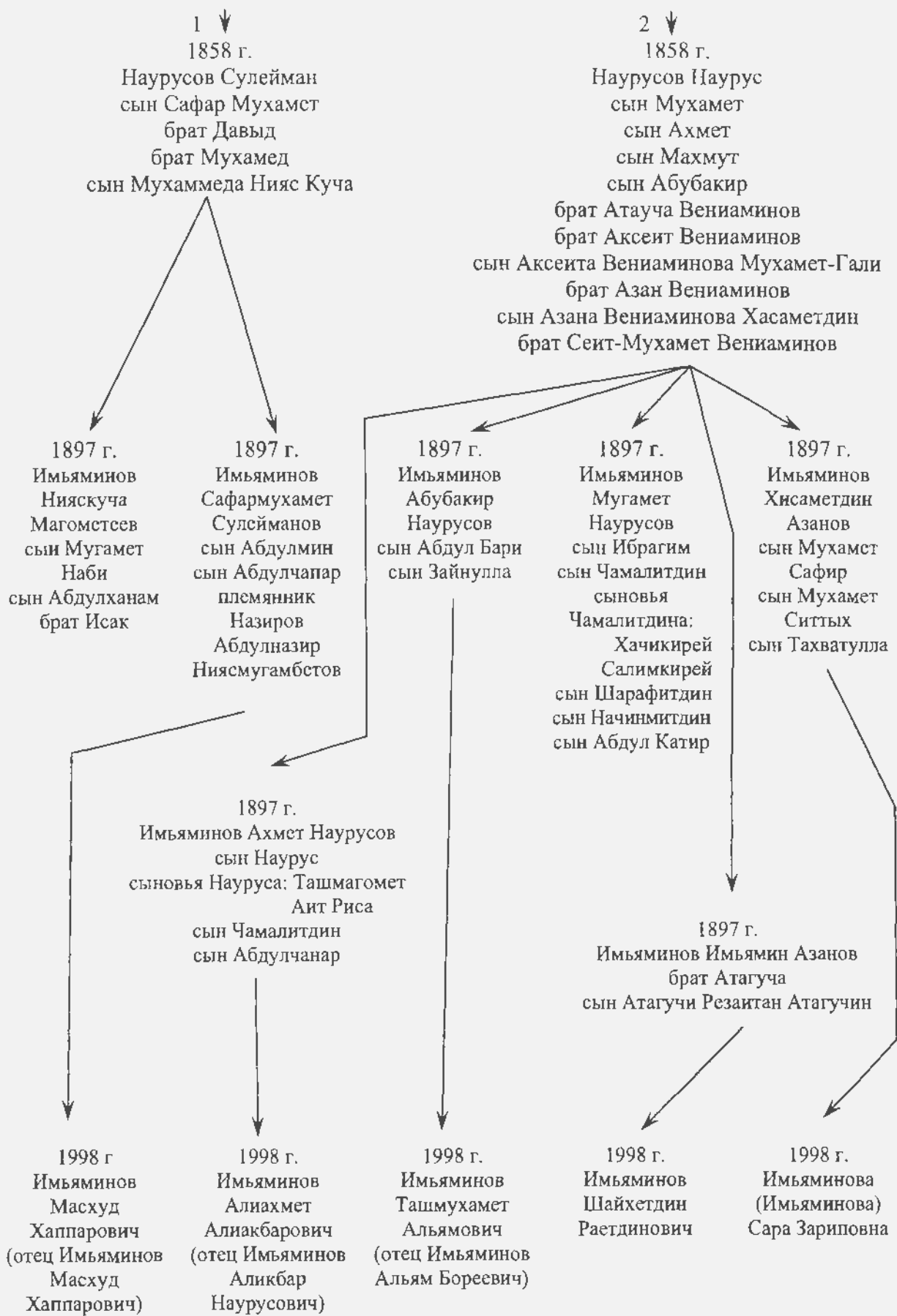
1850 г.
Наурусов Нияс
сын Сулейман (Сулейметдин)
сын Давид (Давлет)
сын Мухаммед

1850 г.
Наурусов Вениамин (Вельямин)
сын Наурус
сыновья Науруса: Мухамет
Ахмет
Махмут

сын Атауч
сын Апсеит
сын Азан

1

2

1795 г.
Медемьянов Бахмет

1811 г.
Медемьянов Бахмет
сын Мадемин

1834 г.
Бахметев Мадемин

1850 г.
Бахметев Мадемин
сын Янабай
сын Абульфаиз

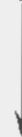

1858 г.
Бахметев Мамедин
сын Янабай
сын Абдул-Фаис

1795 г.
Шахазанов Рахмангул
сын Сафарбага

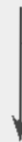
1811 г.
Шахазанов Рахмангул
сын Сафарбага
сын Сафарбаги Сафар

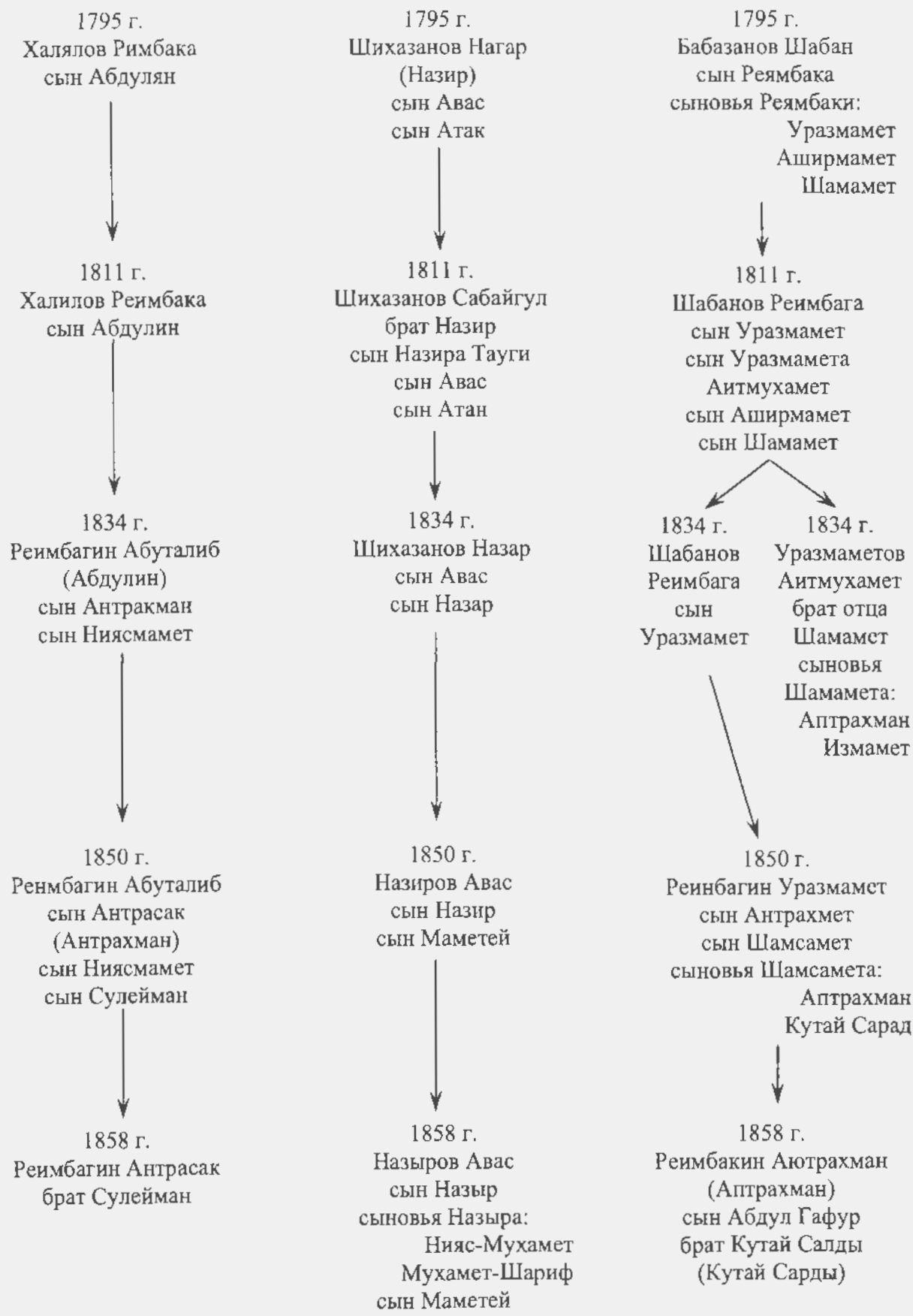
1834 г.
Рахмангулов Сафар
сын Ниясмамет

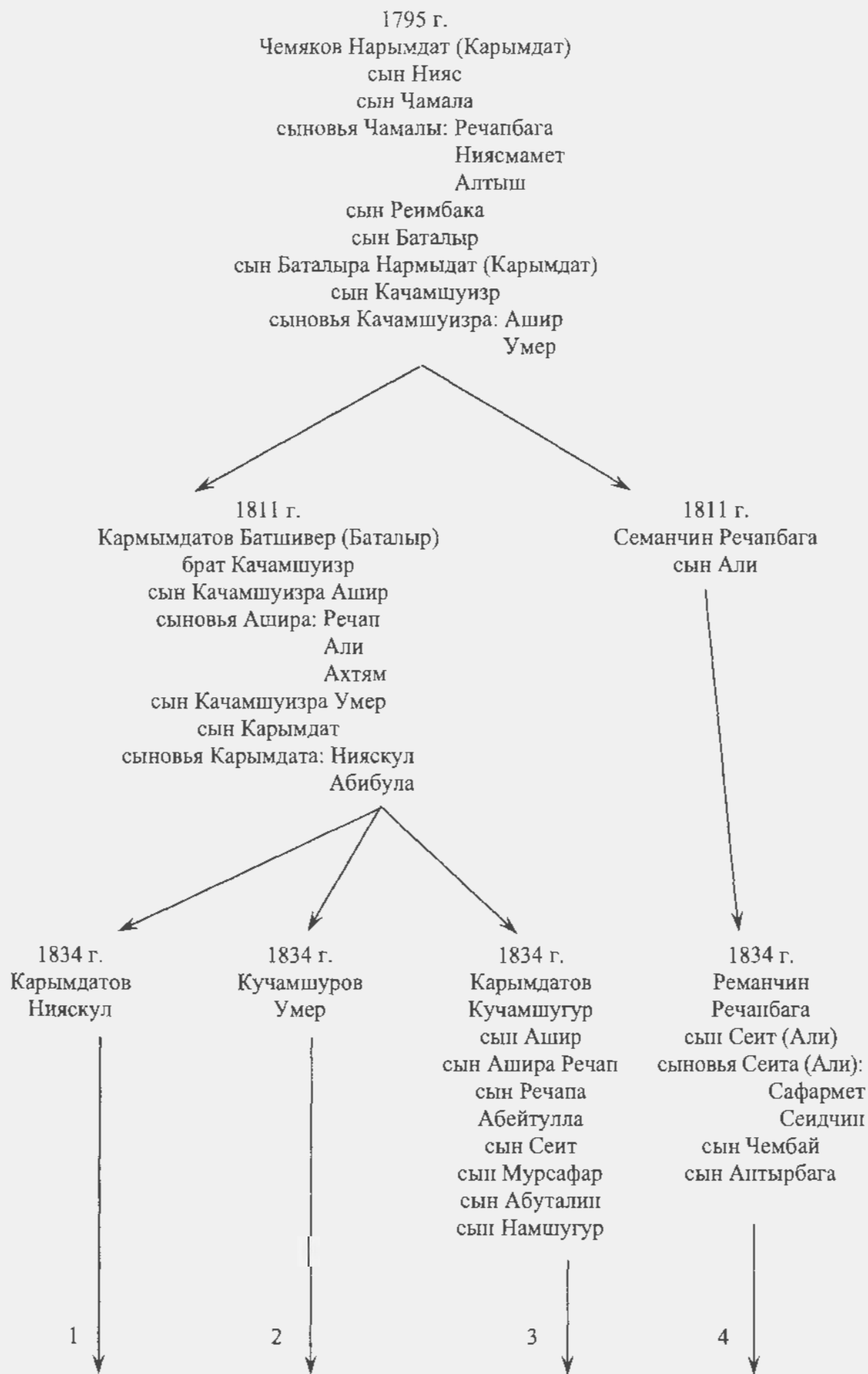

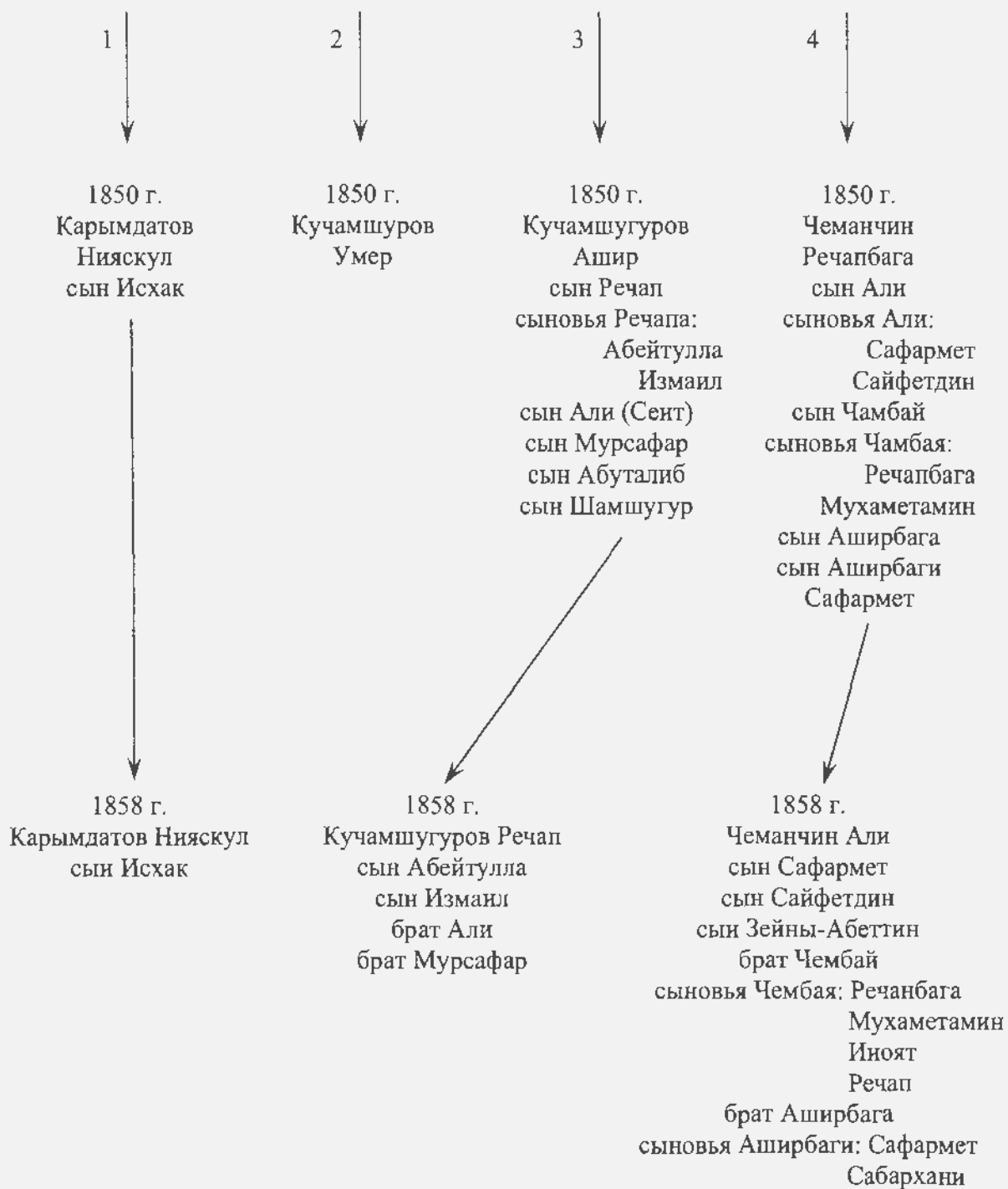
1850 г.
Рахмангулов Сафар
сын Ниясмамет
сын Ниясак

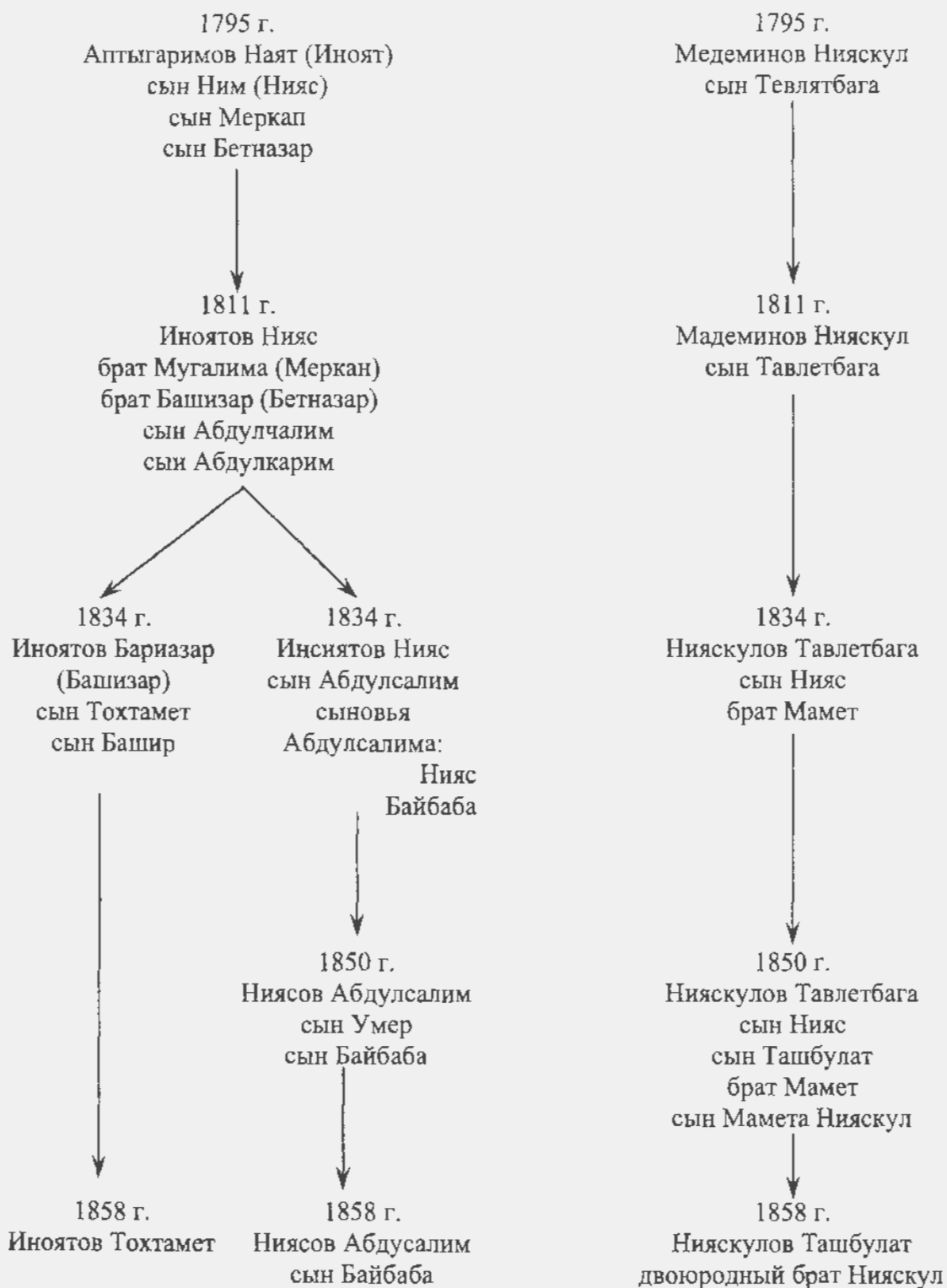

1858 г.
Рахмангулов Ниясмамет
сын Сафар

1795 г.
Назыров Аvas
сын Али

↓

1811 г.
Назыров Аvas
сын Али
сын Уразмамет
сын Сабарали
сын Измер

↓

1834 г.
Назыров Аvas
сын Аит (Али)
сын Уразмамет
сын Сафарали
сын Гутдин (Измер)
сын Гутдина Абдулназир

↓

1850 г.
Аvasов Уразмамет
сын Насретдин
брат Сафарали
сыновья Сафарали: Мухамет Назир
Мухамет Ашир
брат Гумер (Гутдин)
сын Гумера Абдулназир

↓

1858 г.
Аvasов Насретдин
дядя Сафарали
сыновья Сафарали: Мухамет Назир
Мухамет Ашир
дядя Гумер
сын Гумера Абдулназир

1795 г.
Камсетов Селемьян
дворовые люди:
Маметев Аитбага
братья Маметева Аитбаги: Ечутбай
Маметбага

↙

1811 г.
Маметов Аитбага
сын Мамет
брат Ягутбай
брат Маметбага
сын Маметбаги Мурсафара

↓

1834 г.
Маметеев Аитбага
сын Мамет
сын Мамета Сафармет
сын Абдрахман
сын Тохтамет
брат Маметбага

↓

1850 г.
Аитбагин Мамет
сын Сафармет
сын Нияс Сафар
сын Нияс Бака
брат Абдрахман
брат Тохтамет
дядя Мамет Бага

↓

1858 г.
Айтбагин Мамет
сын Нияс Сафар
сын Мамет Бага
брат Аптрахман
сын Аптрахмана Айтбага
брат Тохтамет
сын Тохтамета Сафарали

1795 г.
Сеяткулов Сайтмаммет
сын Нияс
сын Исаак
сын Авазали

1811 г.
Сайтмамметов Нияс
сын Исаак
сын Авазали

1834 г.
Ниясов Исаак

1795 г.
Бабазанов Бақы
сын Аवास
сын Мурат
сын Курман

1811 г.
Бабазинов Баны
сын Аवास
сын Мурат
сын Мурата Нияскул
сын Курман

1834 г.
Баитов (Бакыев) Курман

1850 г.
Бакин (Баитов) Курман

1795 г.
Хансеитов Давыт

1811 г.
Ханзаитов Давыт
сын Хансеит

1834 г.
Давытов Ган Сеит

1858 г.
Давытов Хансеит

1795 г.
Мамшенев Назар
сын Нияс
сын Нияса Сафармет
сыновья Сафармета: Мурсафар
Назар
Мамет
Ахмет
Пашир

1811 г.
Назыров Нияс
сын Мурсафар
сын Мурсафара Сафармет
сын Сафармета Ниясмамет
сын Мурсафара Мамлюк
сын Назир
сыновья Назира: Аптулла
Аптулгани
Аптышабур
Абдултир

сын Маметей
сын Маметейя Башир
сын Ахмет
сын Пашир

1834 г.
Ниясов Назир
сын Аптулла
сын Аптулчан (Аптулгани)
сын Антулчана Сафармет
сын Аптылбагур (Аптышабур)
сын Абусатар (Абдултир)
сын Азан

1

1834 г.
Ниясов Маметей
сын Нияс
сын Ушматулла

2

1834 г.
Ниясов Мурсафар
сын Сафармет
сыновья Сафармета:
Аптулмалик
Иситиадр
Ниясмамет
Абейтулла
сын Сеит Мавлют (Мамлюк)
сын Маметнияс

3

1 ↓
 1850 г.
 Ниясов Назир
 сын Аптулла
 сын Аптулчан (Аптулгани)
 сын Аптулчана Сафармет
 сын Аптылхабур (Аптылшабур)
 сын Абусатар (Абултир)
 сын Азан

2 ↓
 1850 г.
 Маметеев Нияс
 сын Ахмет
 брат Ниматулия
 (Ушматулла)

3 ↓
 1850 г.
 Ниясов Мурсафар
 сын Ахмет (Сафармет)
 сыновья Ахмета:
 Аптулмалик
 Искандер (Иситиадр)
 Мамет Назир
 Ниясмамет
 сыновья Ниясмамета:
 Сайфимулюк
 Искандер
 сын Ахмета Абейтулла
 сын Абейтуллы
 Абдулмалип
 сын Сеит Мавлюк
 сын Мамет Нияс
 сыновья Мамет Нияса:
 Хабибулла
 Мурсафар

1858 г.
 Ниясов Аптулла
 брат Аптулгани
 сыновья Аптулгани:
 Сафаралей
 Ибрагим
 Аками
 Сеит
 Шамшутдин
 Хисаметдин
 Сафар-Мухамет
 брат Аптыльхабур
 сыновья Аптыльхабура:
 Сафар-Мухамет
 Мухаметей
 брат Аптусатар
 брат Азан
 сын Азана Назир

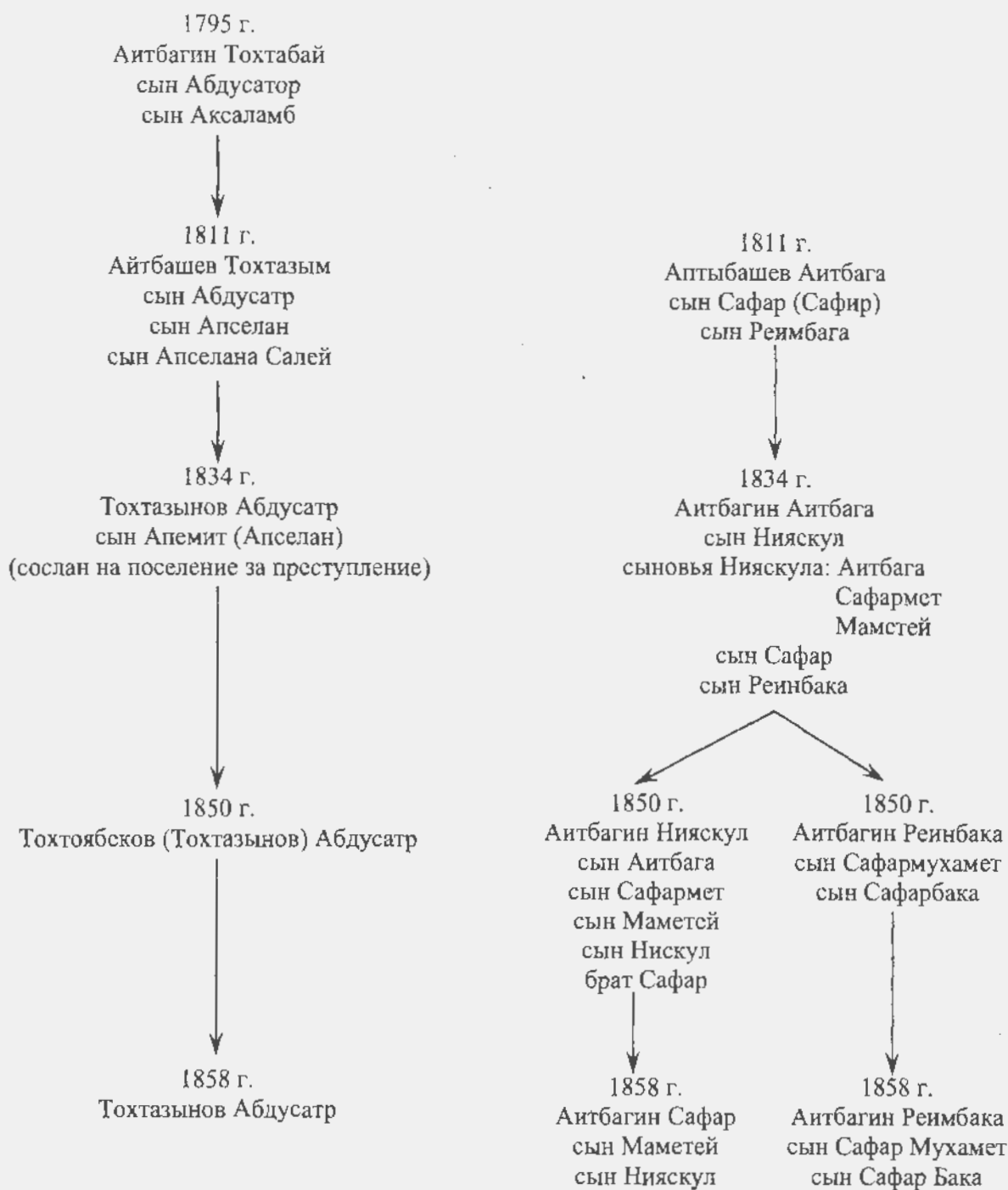
1858 г.
 Маметеев Нияс
 сын Ахмет
 брат Нематулла

1858 г.
 Ниясов Сафармет
 сын Ниясмамет
 сыновья Ниясмамета:
 Сайфимулюк
 Искандер
 Ниясак
 сын Абейтулла
 сын Абейтуллы Абдулмалик
 сын Мухамет Назир
 (Мамет Назир)
 племянник Маметиясов
 Хабибулла
 племянник Маметниясов
 Мурсафар

1897 г.
 Ниясов Сабаралей
 Ханеев (Ганеев)
 сын Тавлеча
 сын Аптылыша

1897 г.
 Мамипиясов Назир Хазанов
 сын Хазан
 сын Нпгматулла
 сын Хисматулла
 сын Рахматулла

1897 г.
 Маманиясов Мурсафар

1795 г.
Аширов Кучук
сын Мамурза
сын Абраям
сын Исаик
сын Сафармет
сын Аvasбага
сын Атай (Атак)

1811 г.
Кучуков Мурза
брат Абраим
брат Исих
брат Сафармет
брат Аvasбага
брат Атай
брат Сабарали

1834 г.
Кучуков
Сафармет

1834 г.
Кучуков
Мурат

1834 г.
Кучуков
Абраим
сын Речап
сын Абибулла
сын Маметей

1834 г.
Кучуков Нияс
(Исих)
сын Аптрасан
сын Аптулла
сын Абуид
сын Серачетдин
сын Мамет

1834 г.
Кучуков
Аvasбага
сын Абитулла
сын Кучук

1834 г.
Кучуков
Мурза
сын
Сабармет
(Сабарали)
сын
Аширбага

1850 г.
Кучуков
Мурат

1850 г.
Кучуков
Абреим
сын Речап
сын Абибулла
сын Маметей

1850 г.
Кучуков
Исаак
сын Абдульбаис
сын
Сафармухамет

1850 г.
Кучуков
Аvasбага
сын Абитулла
сын Кучук
сын Назир
сын Мурсафар

1850 г.
Мурзаев
Сафармет
сын Мамурза
брат Аширбага

1 ↓

2 ↓

3 ↓

4 ↓

5 ↓

1795 г.
Сеиткулов Ягуп (Юсуп)
сын Абрсим
сын Абрсима Сеитбага
сын Измаил
сын Измаила Маметбага
сын Ссяткул
сын Аип
сын Аипа Ягуп

1811 г.
Юсупов (Ягулов) Абрагим
сын Сеиткул
сын Аитбага (Сеитбага)
сын Аитбаги Абибулла
брат Измаил
сын Измаила Маметбага
сын Маметбаги Югуп
брат Аип
сын Аипа Ясуп

1834 г.

Ягулов Измаил
сын Аюп
сын Абраим
сын Абейтулла
сын Ниясмамет

1850 г.

Ягулов Измаил
сын Аюп
сын Ибрагим
сын Абейтулла
сын Ниясмамет

1858 г.

Ягулов Аюп
сын Хабибулла
сын Асетулла
брат Измаилов Абраим
сын Абраима Мухамет Шакир
брат Измаилов Ниясмамет
сын Ниясмамета Измаил

1897 г.

Измаилов Мухамет Шакир Абраимов
сын Мухамет
Мухамет Шакиров
брат Магомеча Абраимов

1834 г.

Сеитбагин Абибулла
сын Мурсафар

1850 г.

Меитбагин Абибулла
сын Мурсафар

1858 г.

Сеитбагин Абибулла

1834 г.

Сеиткулов Маметбага
сын Ягуп

1850 г.

Багин Ягуп Мамед
сын Ниясмамет
сын Маметбага
сын Мухаметдин

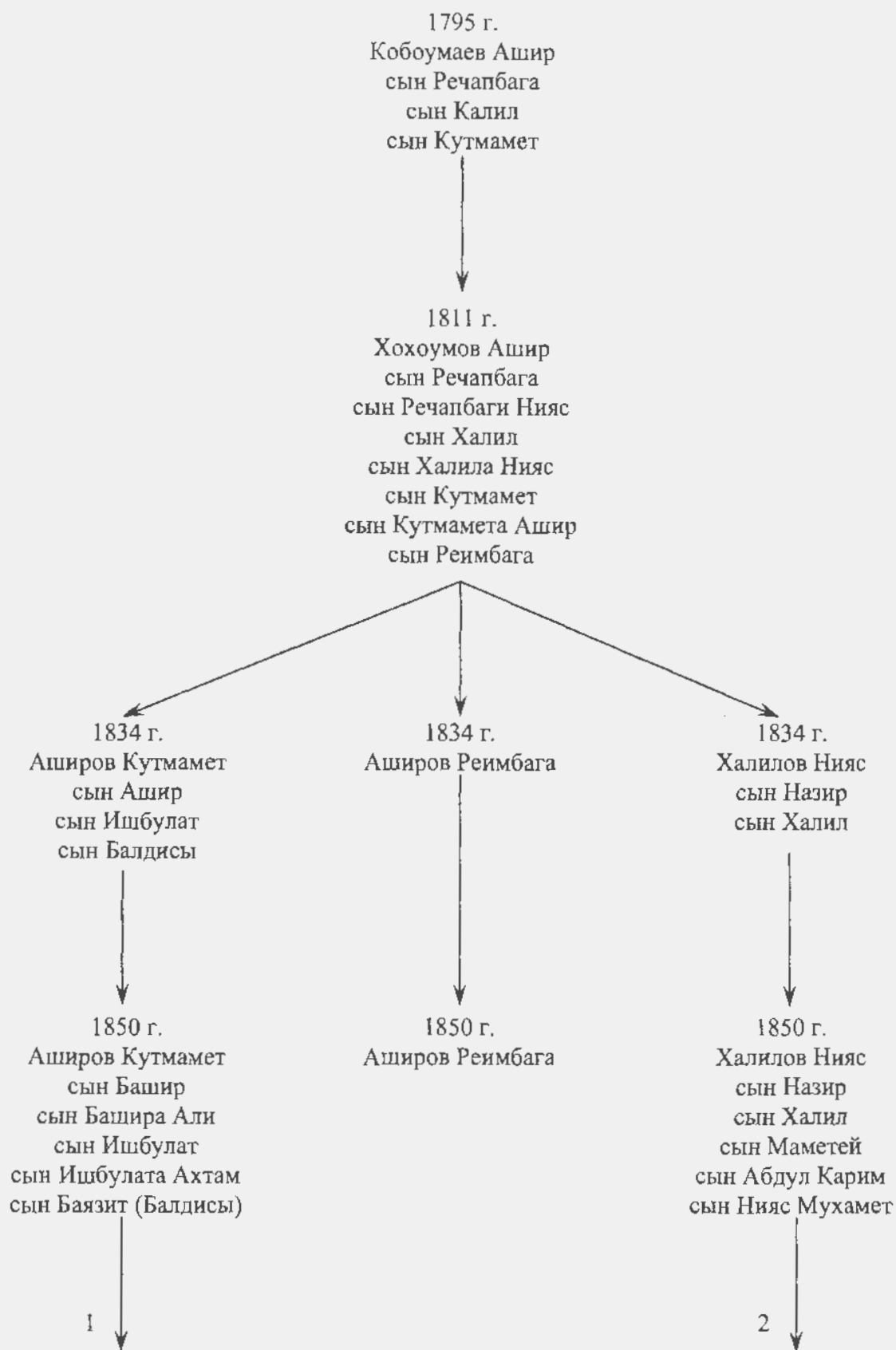
1858 г.

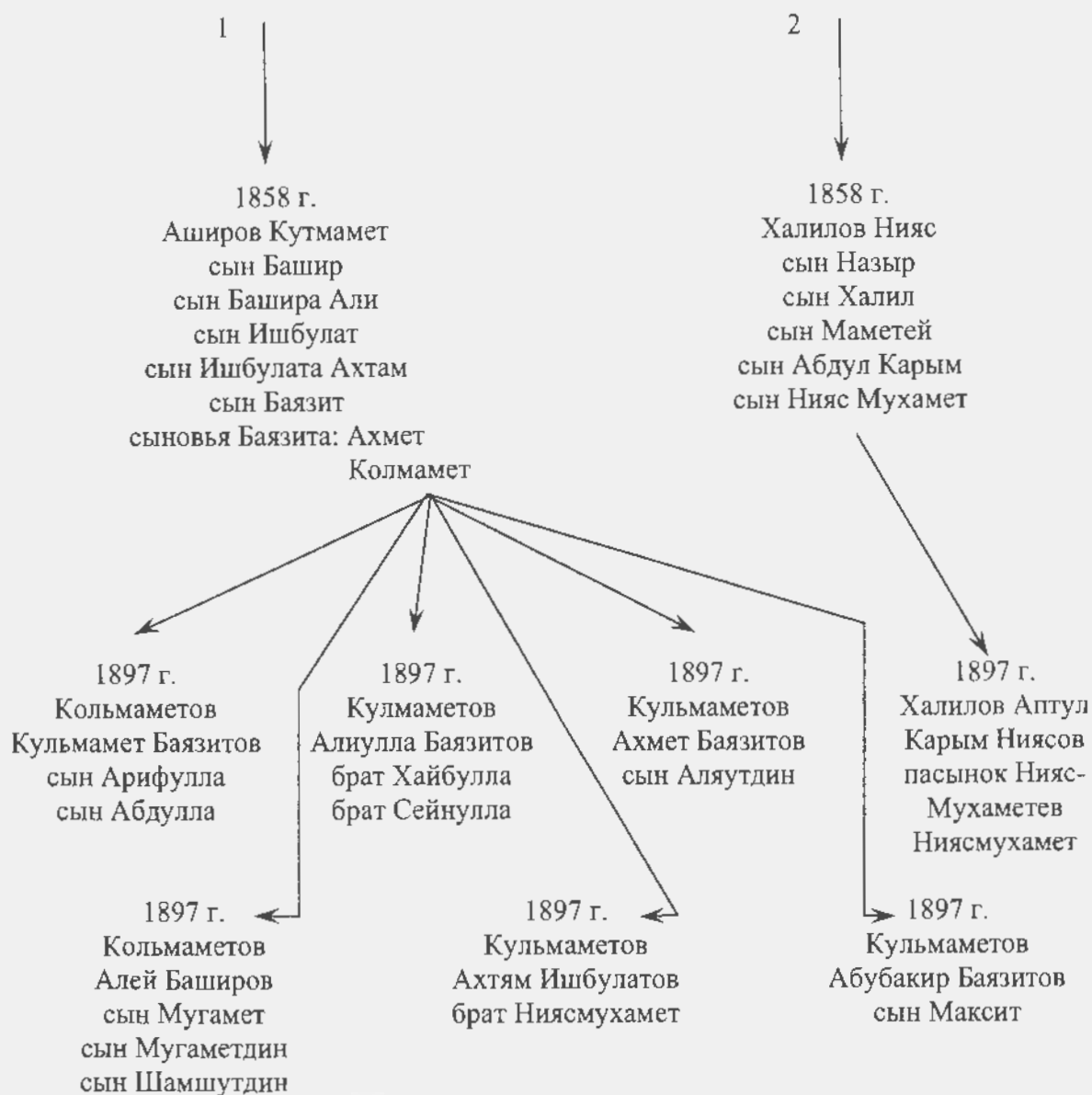
Маметбагин Ягуп
сын Ниясмамет
сын Маметбага
сын Мухамеддин

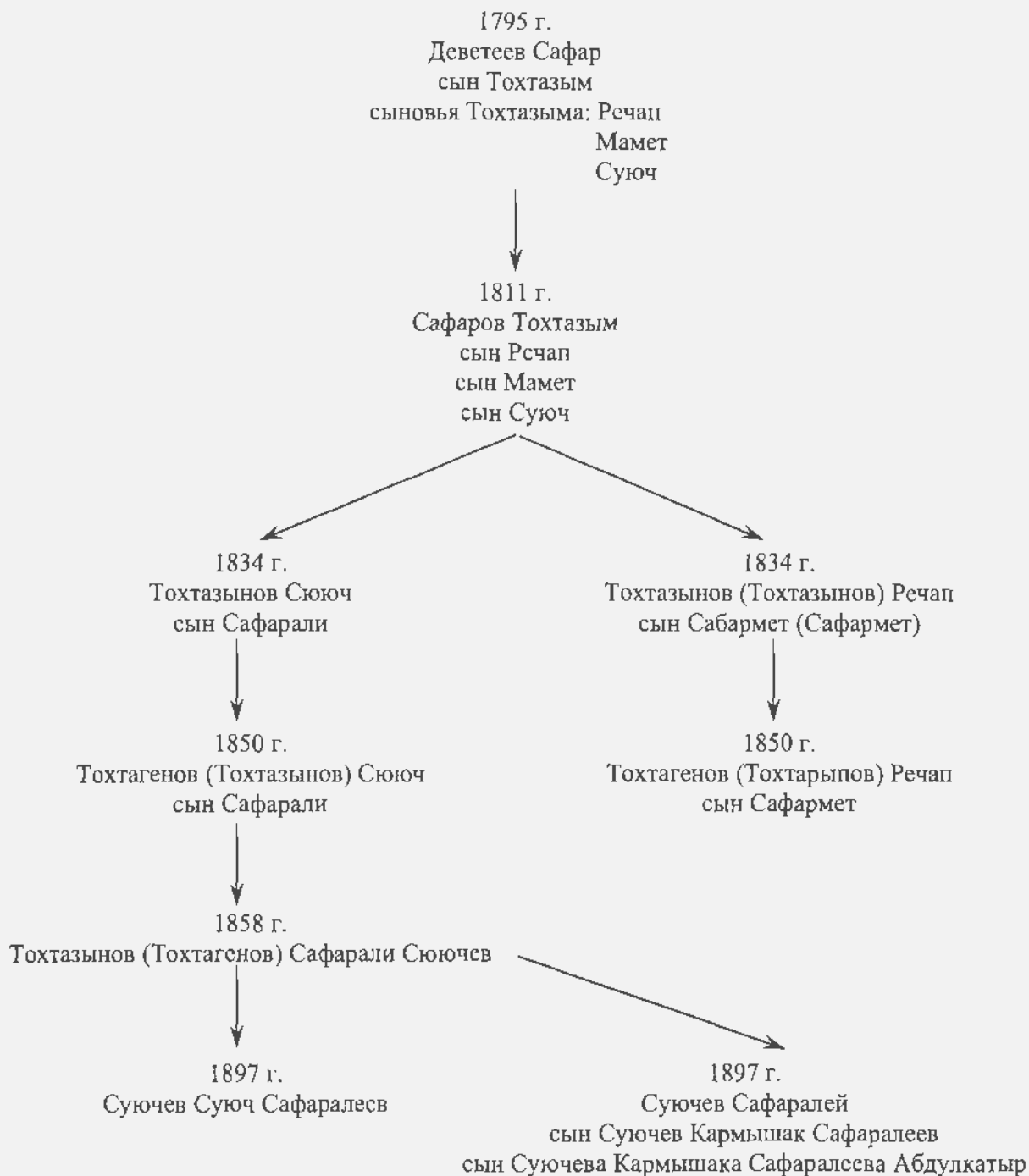

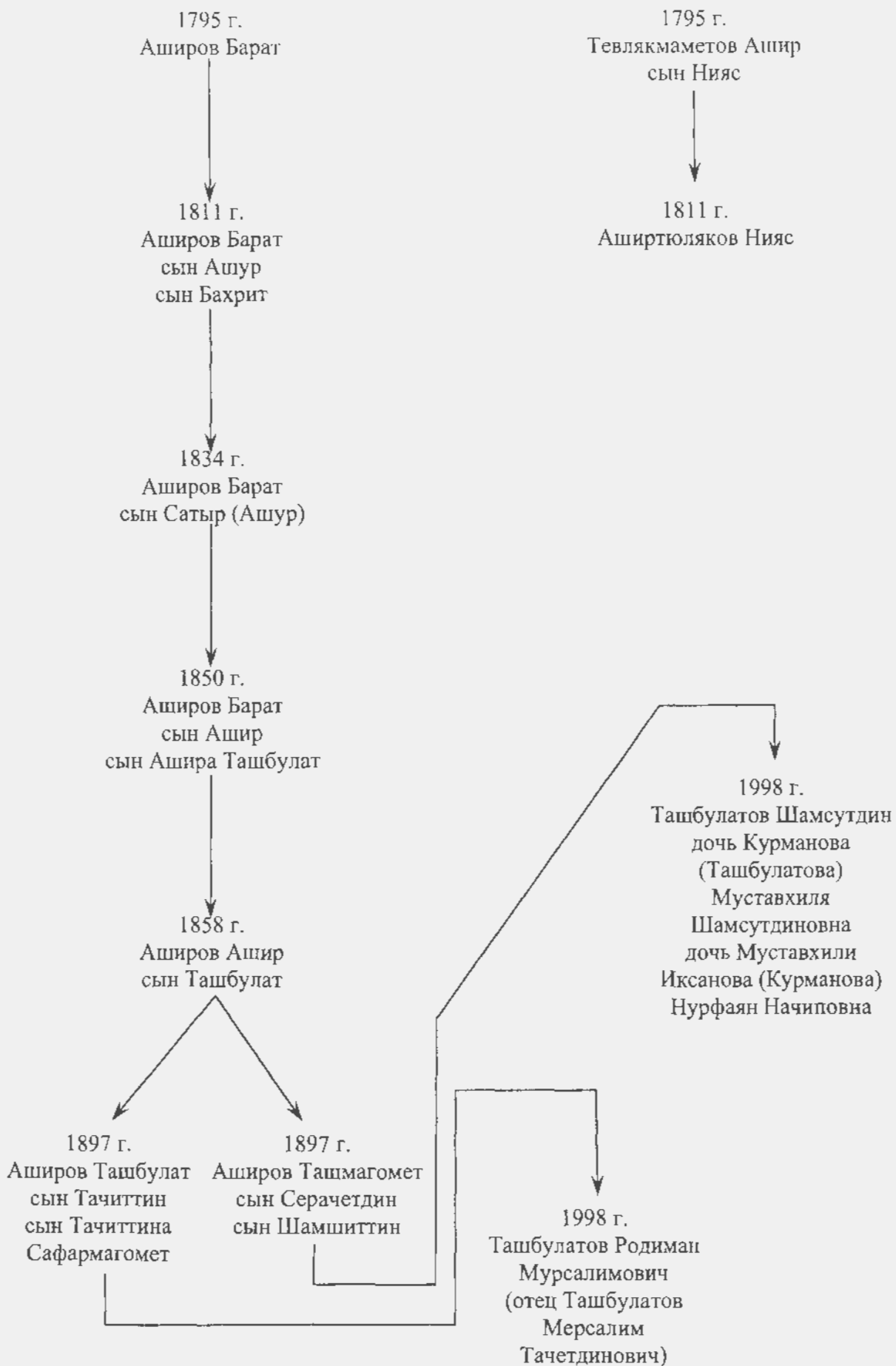
1897 г.

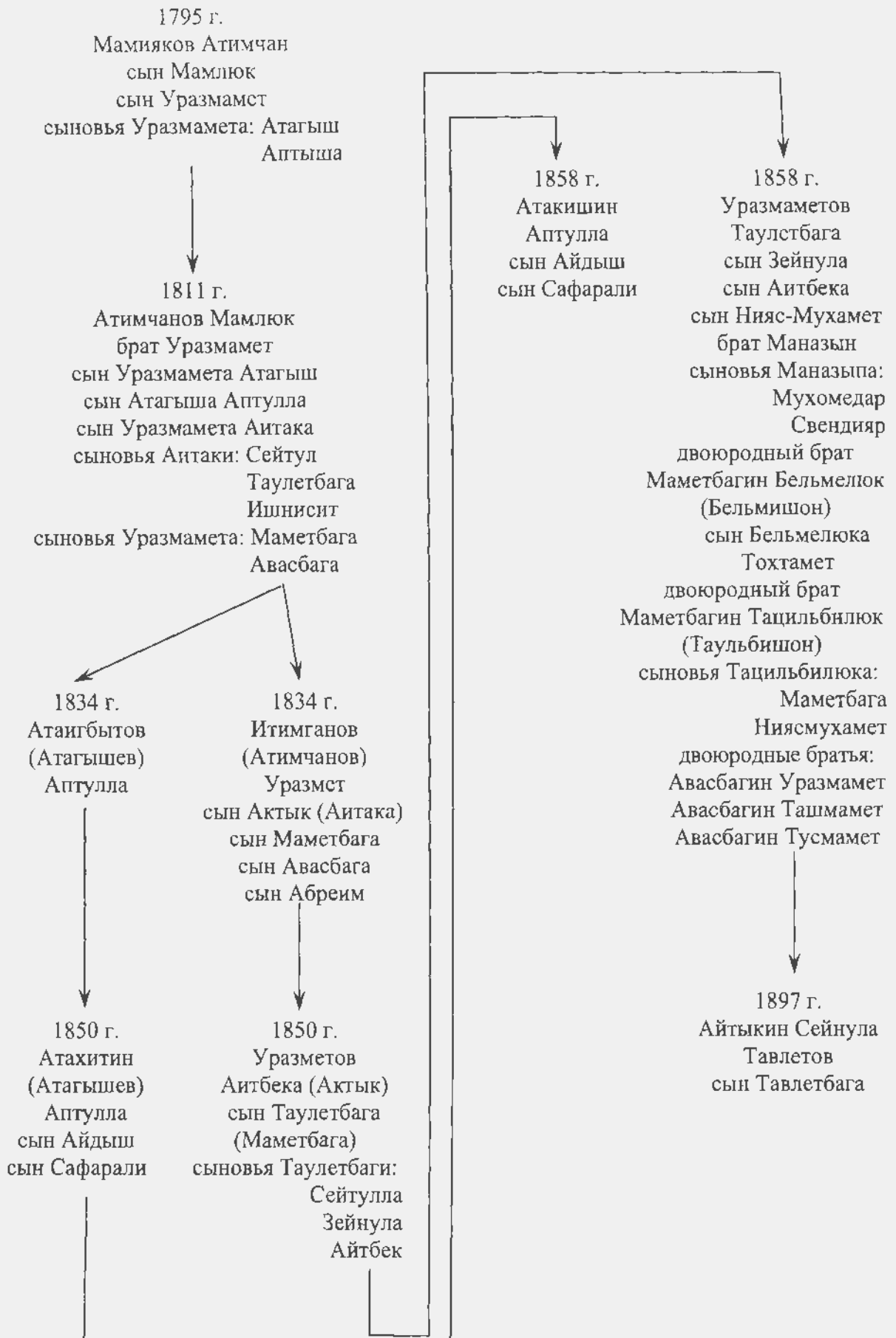
Исмаилов Хабибулла
сын Мурсафар

1795 г.
 Бабазанов Изомет
 сын Нияс
 сын Инаят
 сын Инаята Нияскул
 сын Мамет
 сыновья Мамета: Исуб (Юсуп)
 Нияс
 Мамстей
 сын Игаят
 сын Игаята Нияскул
 сын Тохтабай
 сын Тохтабая Махмут

1811 г.
 Изыметов Нияс
 брат Иноят
 сыновья Иноята: Аширбага
 Нияскул
 сыновья Нияскула: Тюлетбага
 Назир
 брат Мамет (Нснекай)
 сыновья Мамста: Юсуп
 Нияс
 сыновья Нияса: Курманбага
 Юсуп
 брат Игаят
 сын Игаята Нияскул
 брат Тохтабай
 сын Тохтабая Махмут Азиня

1834 г.
 Изыметов
 Иноят
 сын Аширбага
 сын Аширбаги Иноят

1834 г.
 Нияскулов
 Тавлетбага
 сын Нияскул
 брат Назир

1834 г.
 Изыметов
 Тохтабай
 сын Махмут
 сын Азан
 сын Сафармет

1834 г.
 Ненекаев
 Мамстей
 сын Тохтамст
 сын Сафармет

1850 г.
 Анияттов (Инояттов)
 Аширбага
 сын Иноят
 сын Апас
 сын Нурмухамет
 сын Абдулла

1850 г.
 Нияскулов
 Тавлетбага
 брат Назир
 сын Нияскул
 сын Абубакир

1850 г.
 Тохтабаев
 Азан
 сын Тохтабай
 сын Речап
 брат Сафармет

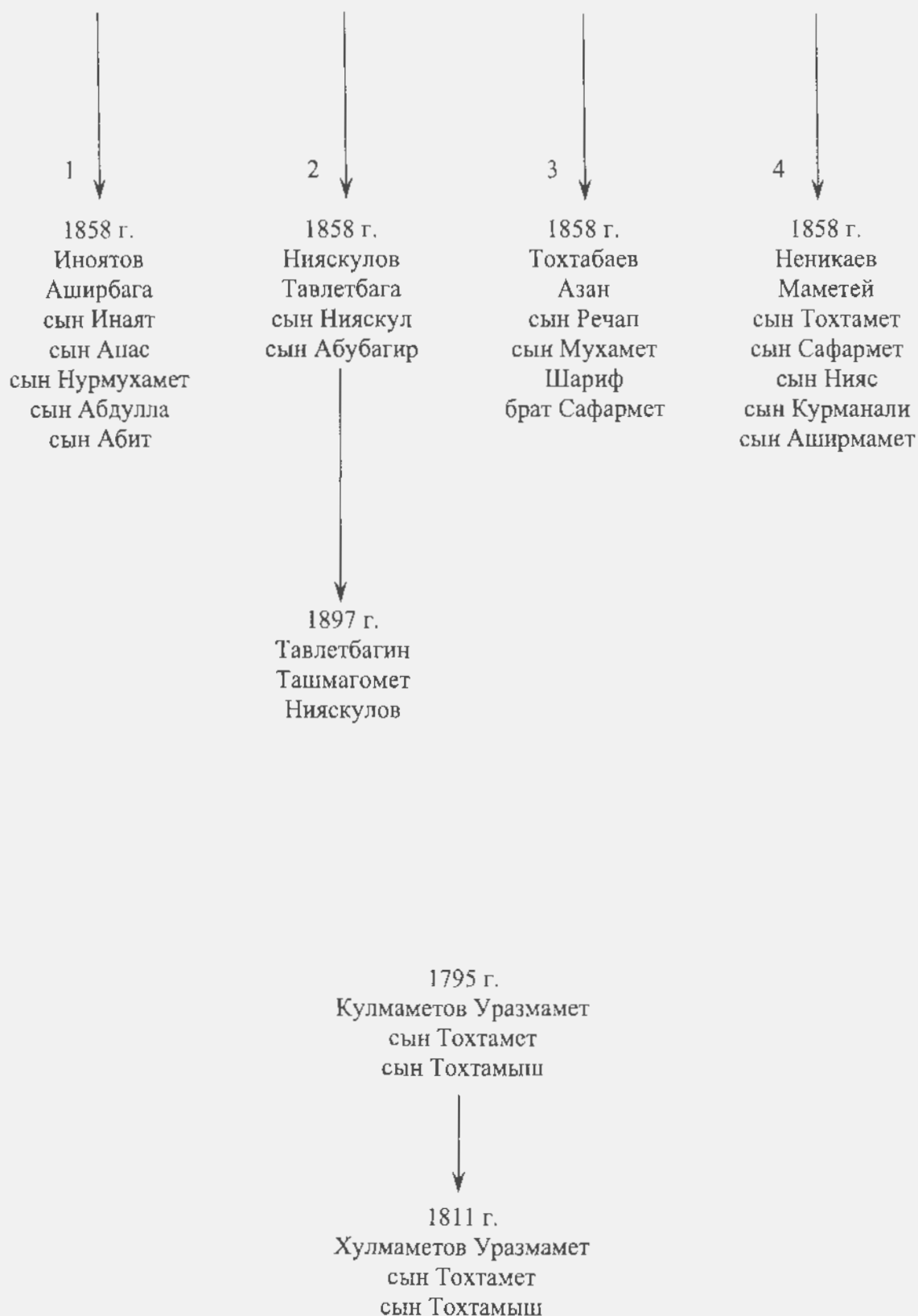
1850 г.
 Ненекаев
 Мамстей
 сын Тохтамст
 сын Сафармет
 сын Курбан Али
 сын Аширмамет
 сын Нияс

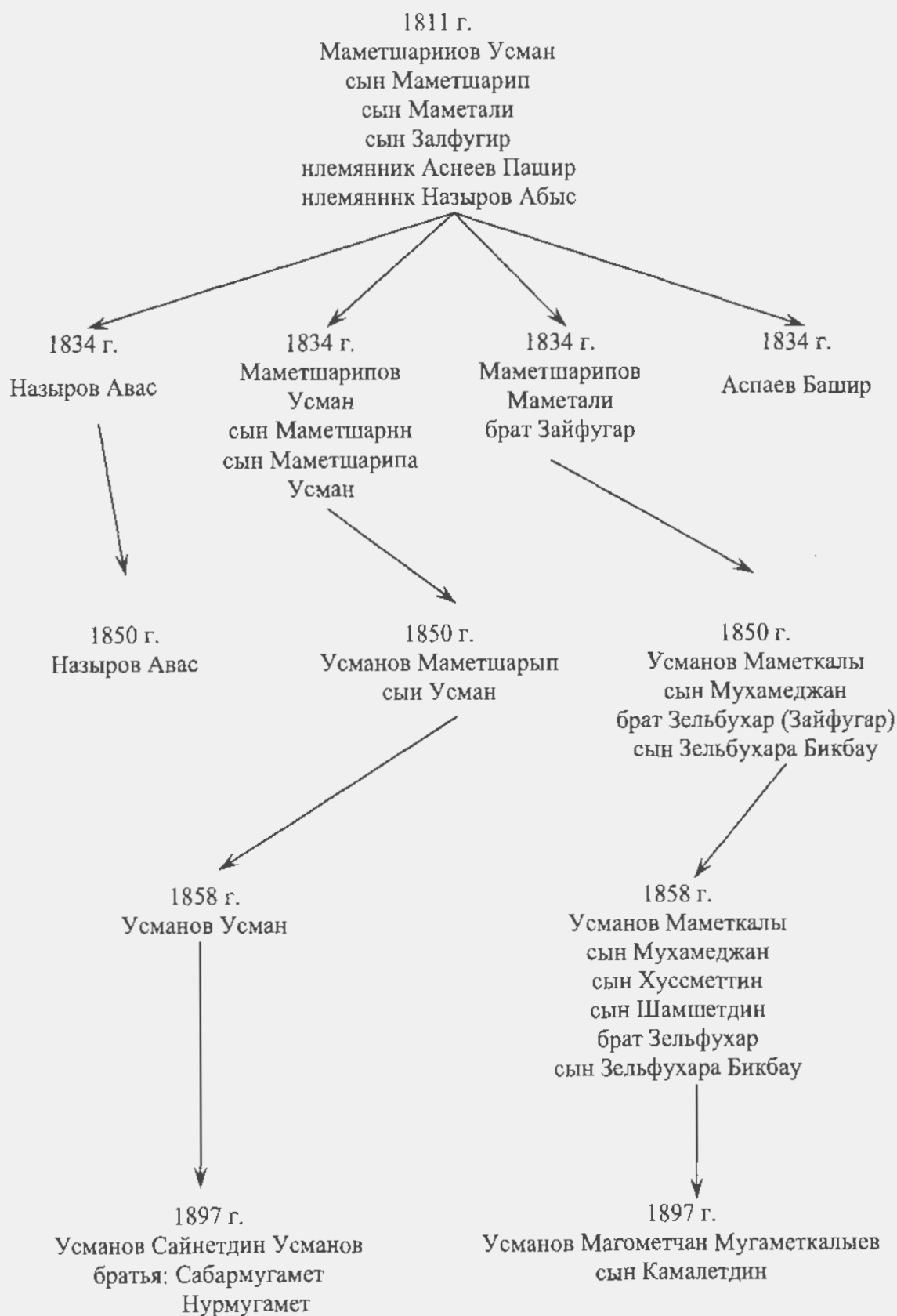
1 ↓

2 ↓

3 ↓

4 ↓

1834 г.
Хайгучин Шабан
сын Кангуча

1850 г.
Хайгучин Шабан
сын Кангуча

1858 г.
Хайгучин Кангуча

1834 г.
Кагып Аллюр
сын Сафармет
сын Маметкалы

1850 г.
Аллюров Сафармет
сын Абдула
брат Маметкалы
сын Маметкалы Абдукалы

1858 г.
Аллюров Сафармет
сын Абдулла
сын Аптулвахит
сын Маметказы
сын Маметказы Абдукалы

1834 г.
Иптесов Исаак
сын Курманбага
сын Юзуп
сын Нияс
сын Наизчен

1850 г.
Неникбаев Исак
сын Курманбага
сыновья Курманбаги: Ниясмамет
Шахман

сын Юзун
сыновья Юзупа: Якуб
Ибрагим
Аюп

сын Нияс
сын Нияса Аширбага
сын Нанечей (Наизчен)

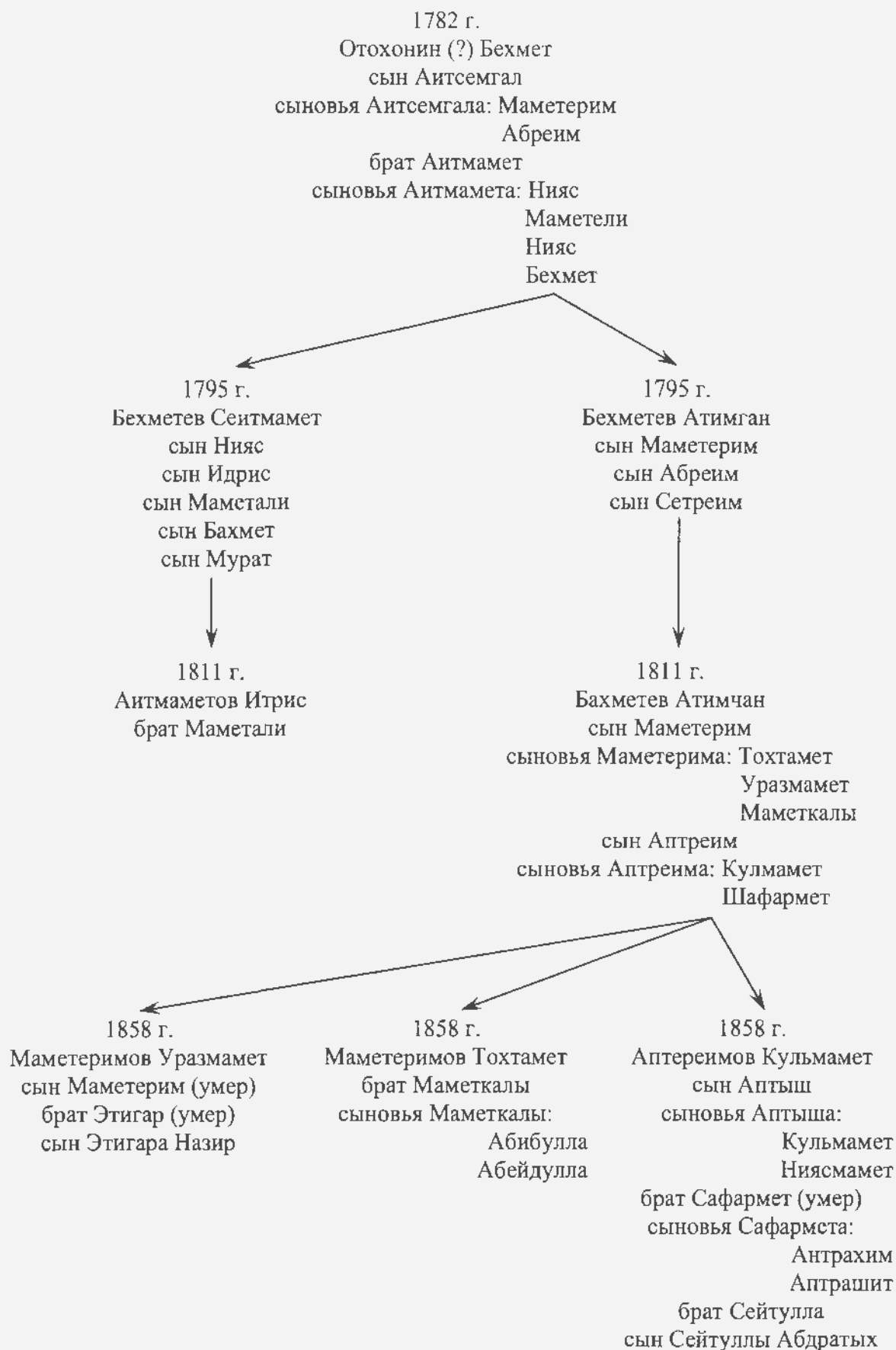

1858 г.
Неникеев Исаак
сын Курманбага
сыновья Курманбаги: Ниясмамет
Шахбан (Шахман)

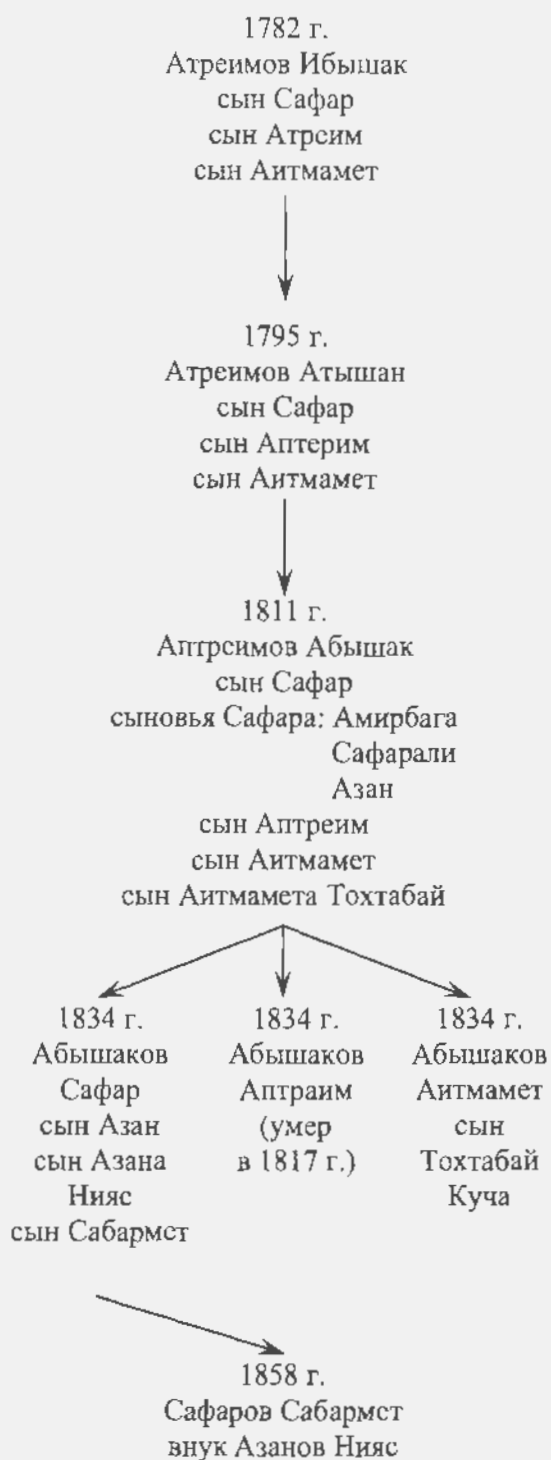
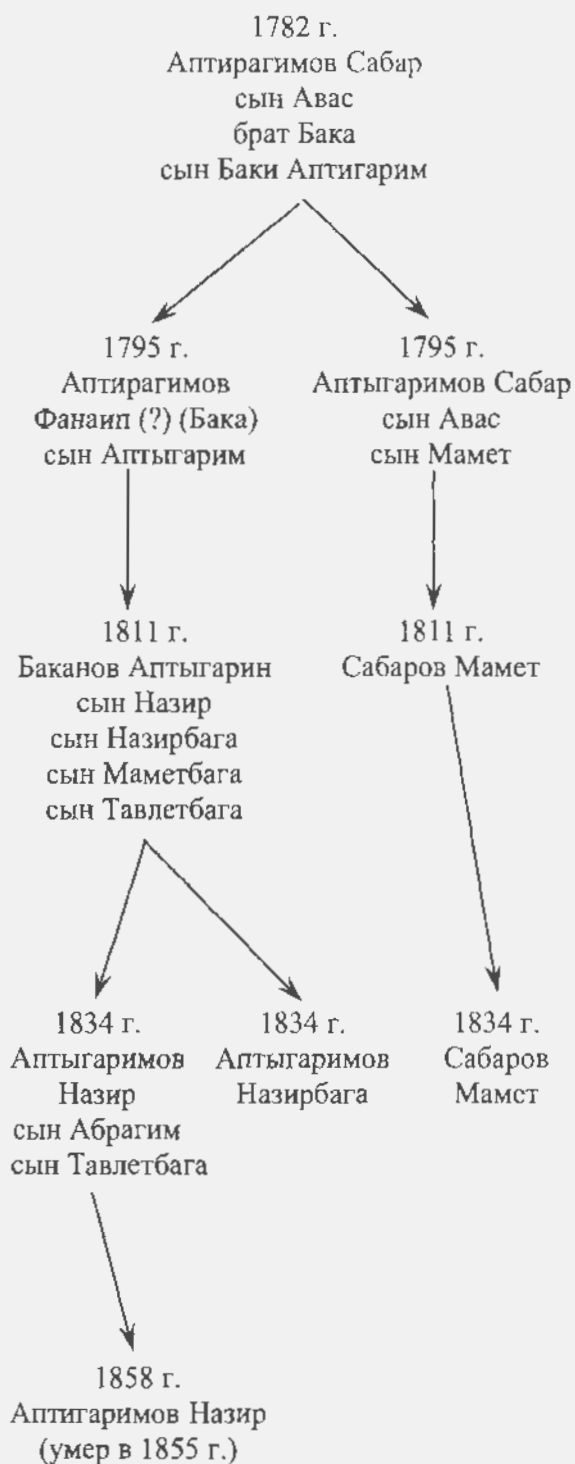
сын Юзуп
сыновья Юзупа: Якуб
Ибрагим
Аюп
Исмаил

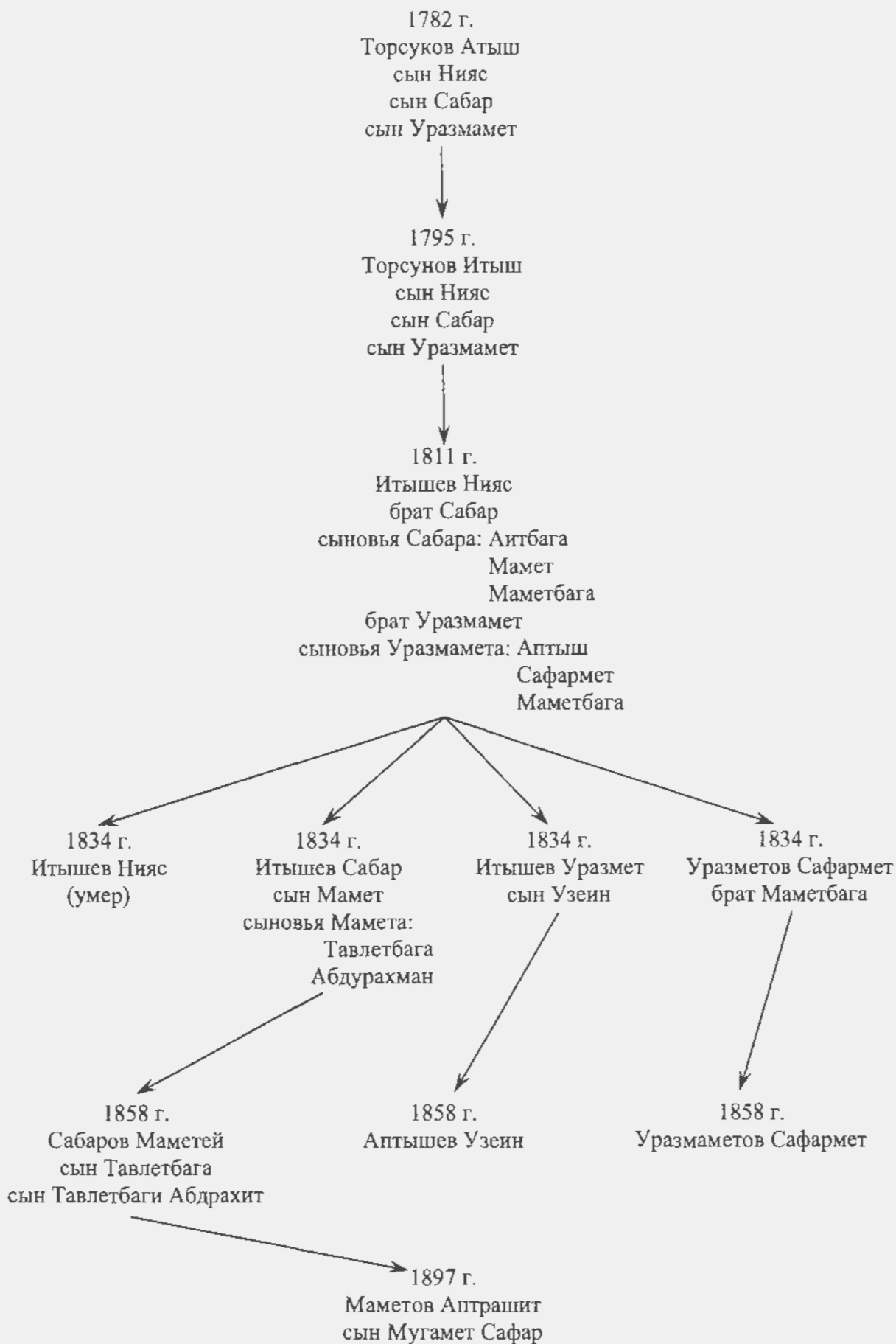
сын Нияс
сын Нияса Нияс Сафар
сын Нянгый (Нанечей)

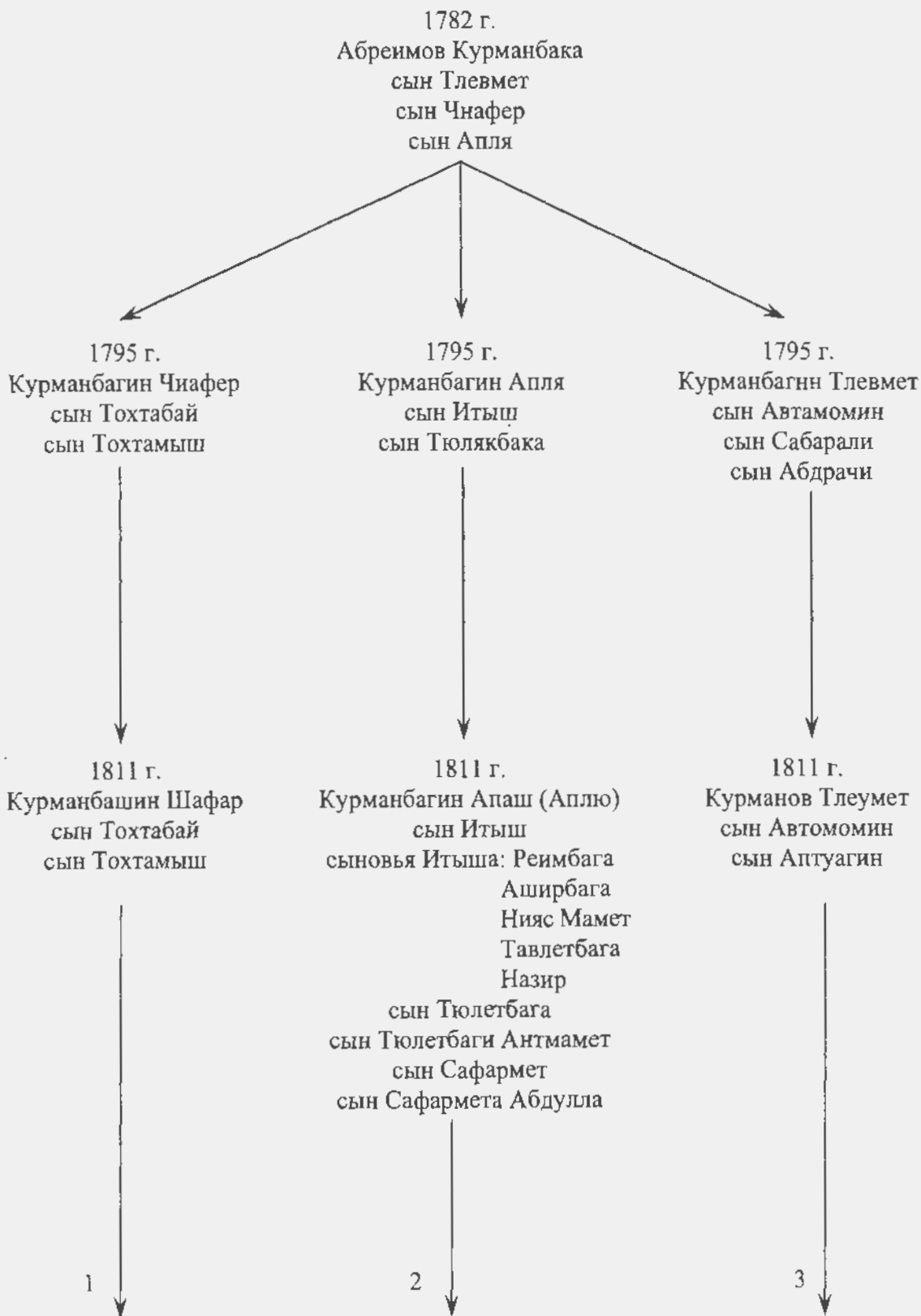
II. Инородцы

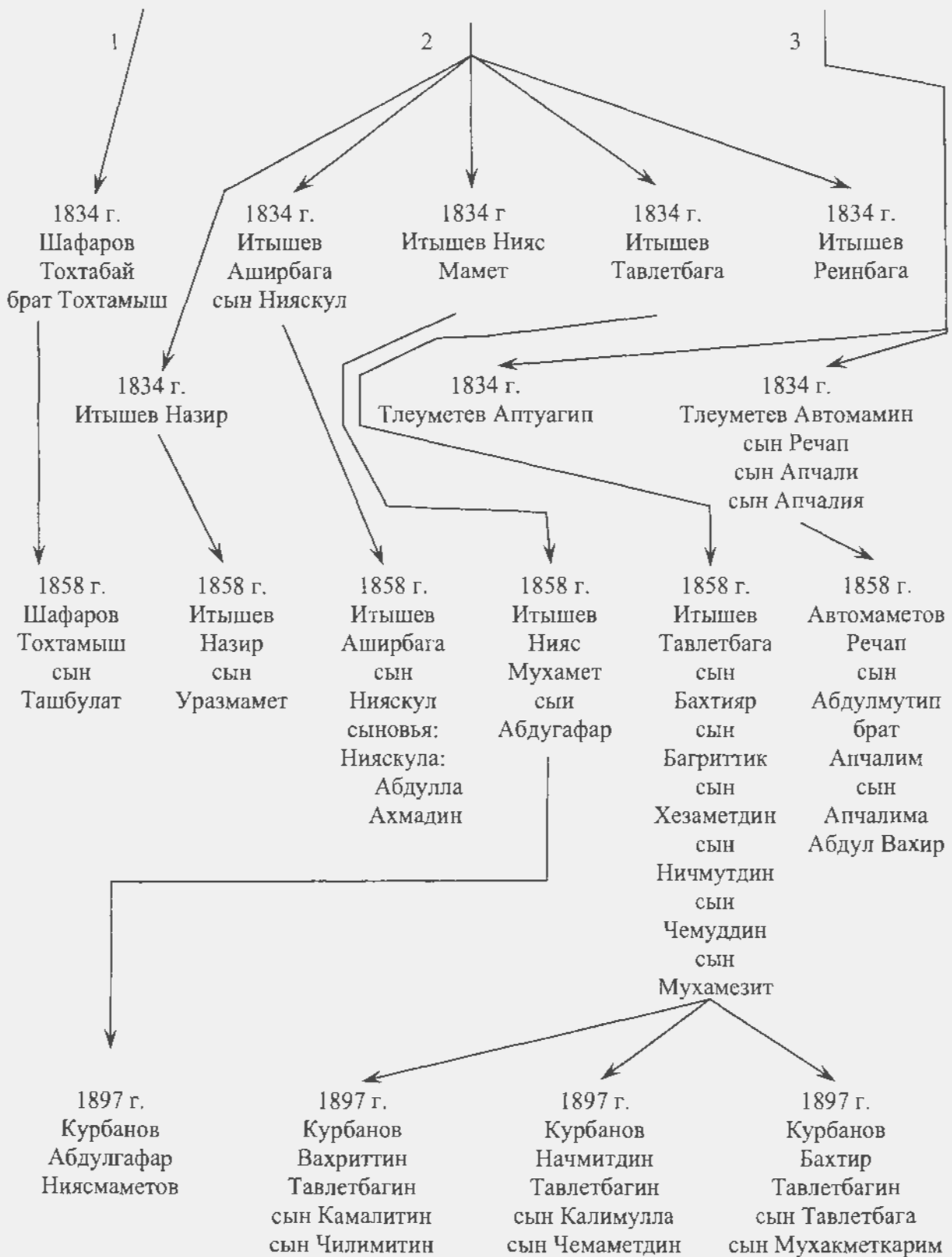

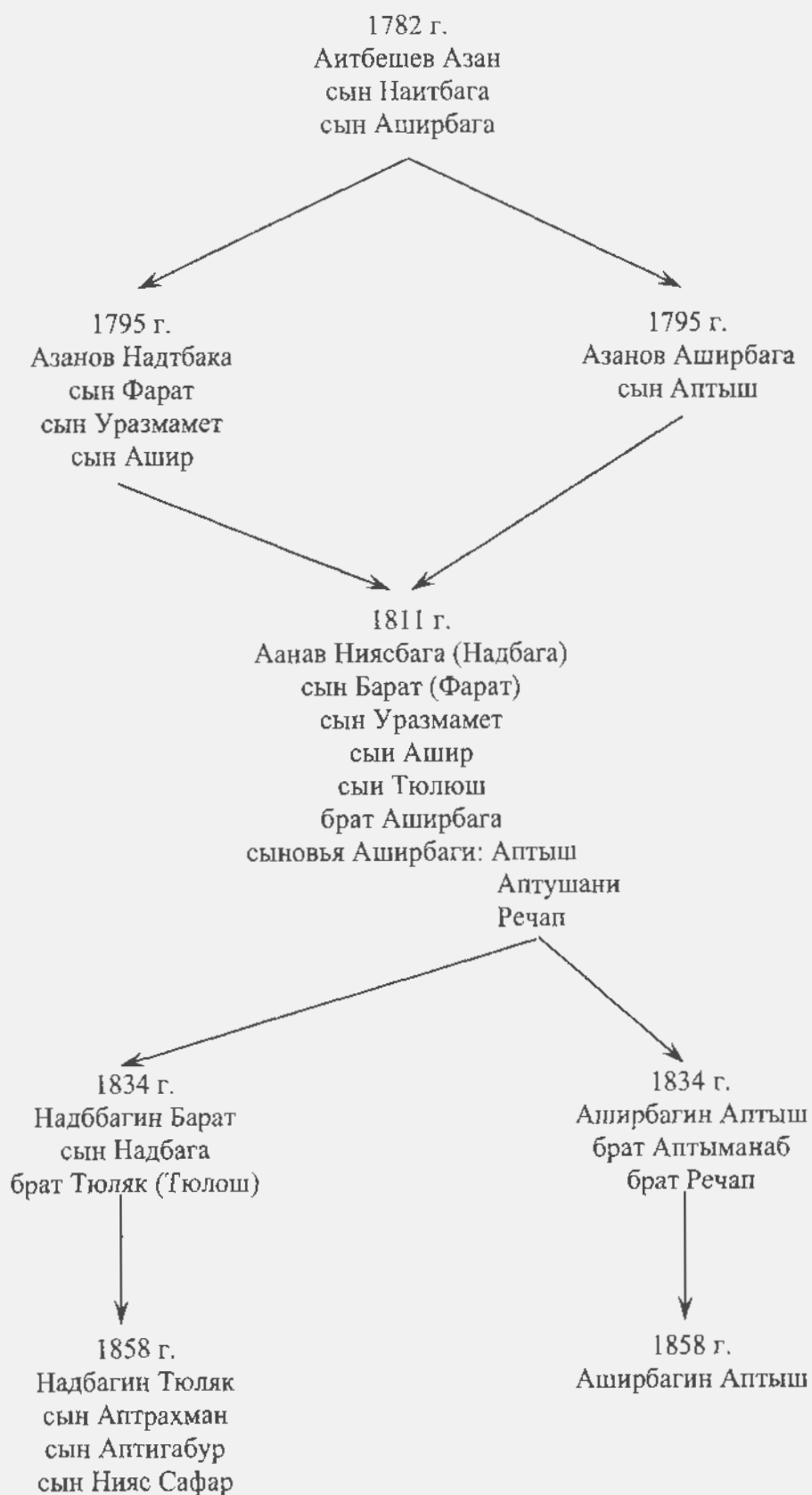

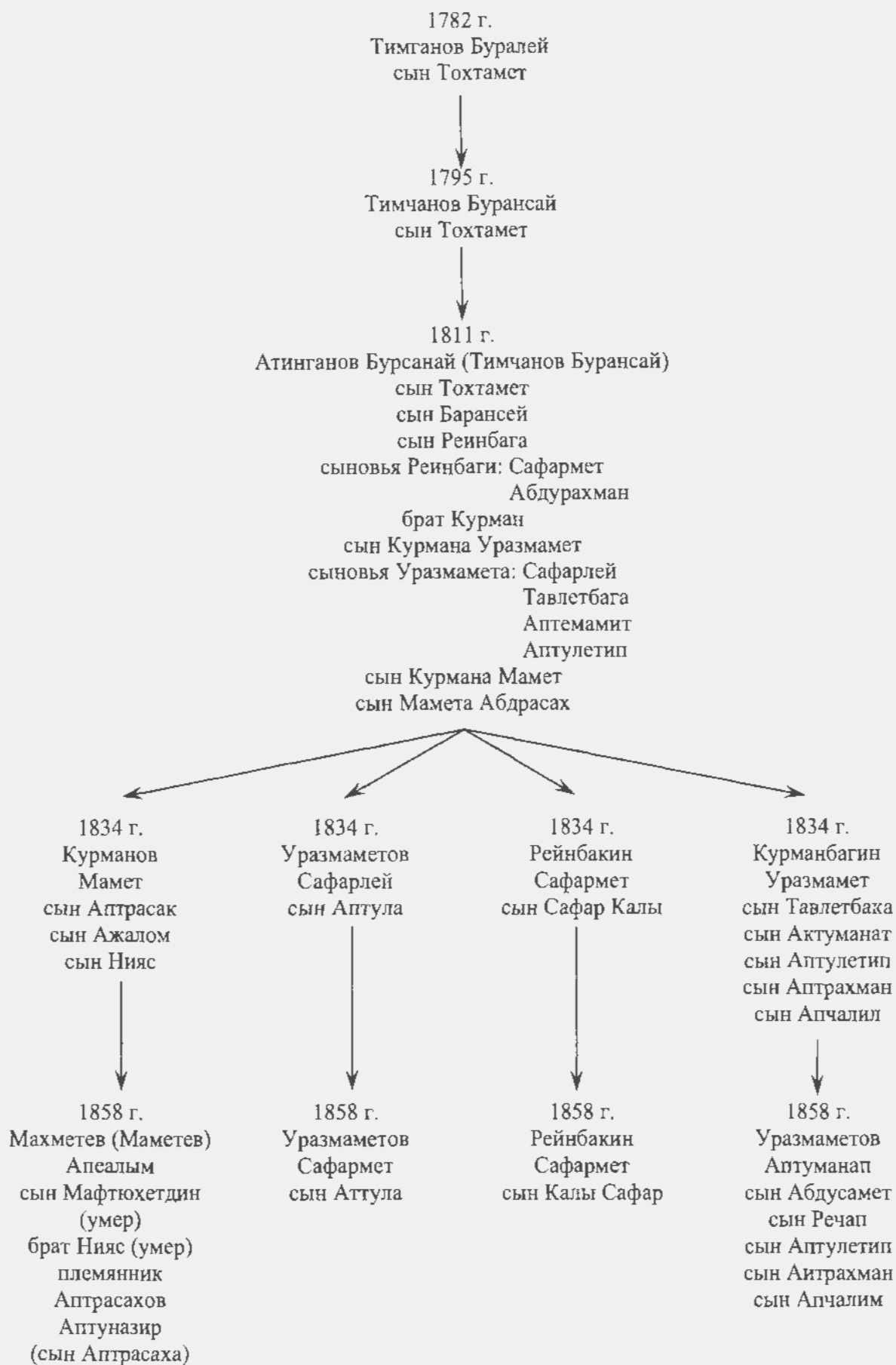

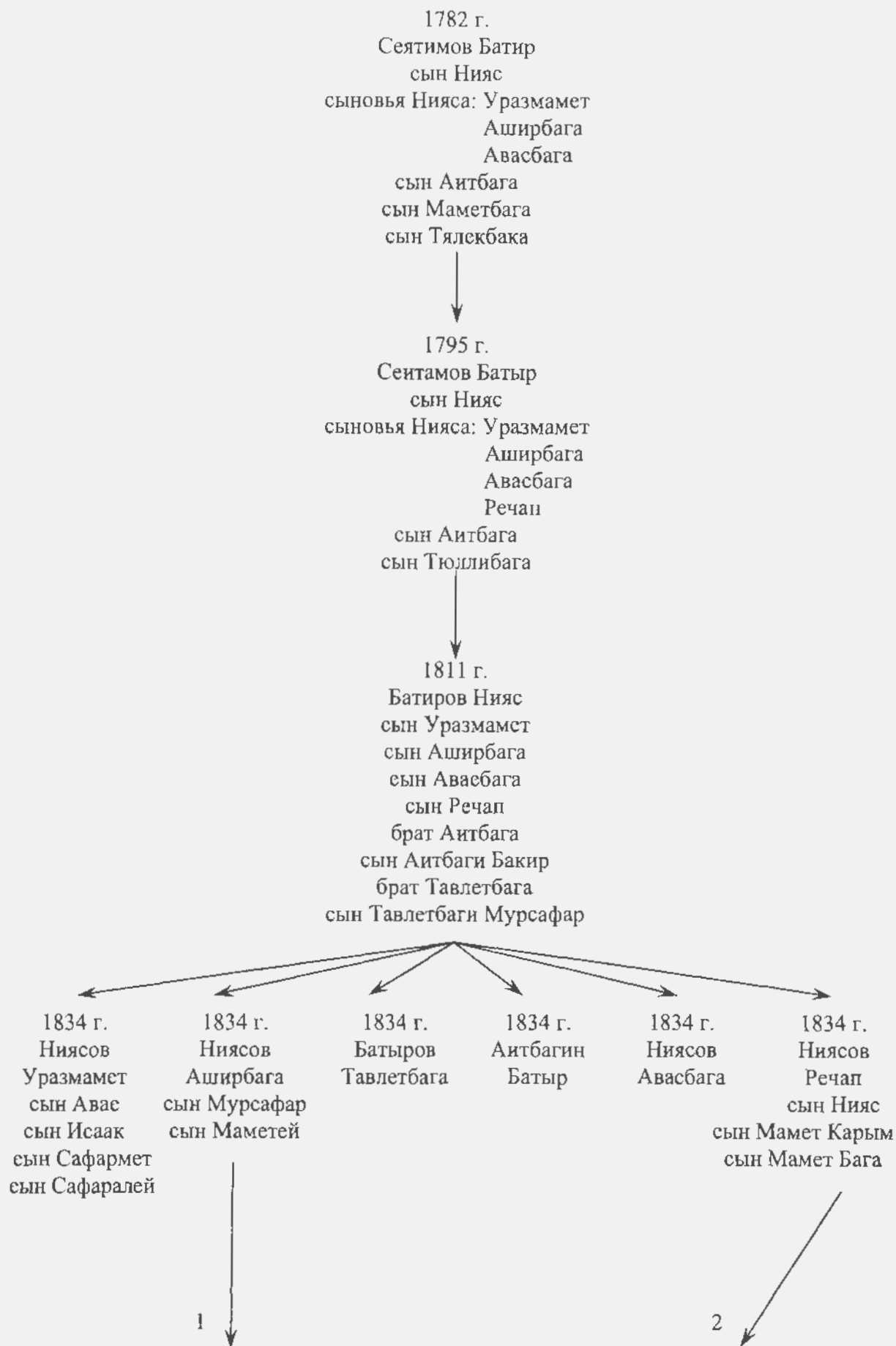

1 ↓
1858 г.
Аширбагин Мурсафар
брат Маметей

2 ↓
1858 г.
Ниясов Речап
сын Нияс
сын Мамет Карим
сын Мамет Бага
сын Курман
сын Тавлетбага
сын Маметей

←
1897 г.
Ниясбагин Курманбага Речапов
сын Речап
сын Магмет

1782 г.
Курман Апорбин (Михайло Попов)
сын Иван
сын Николай
(Новокрещенные)

↓
1795 г.
Курманов Апару Али (Михайло Попов)
сын Иван
сын Федор

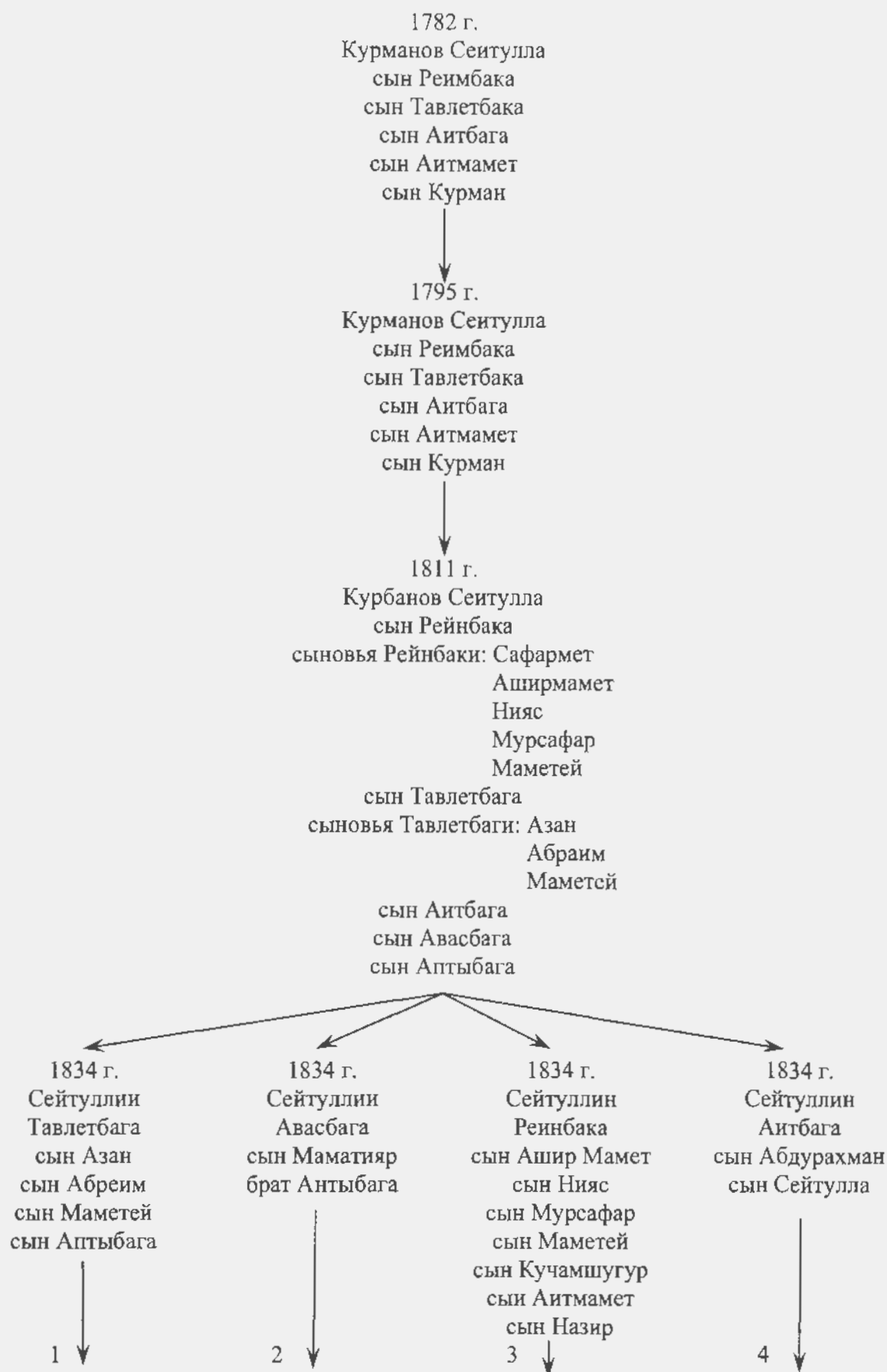
↓
1811 г.
Попов Михайло
Сын Иван
Сын Федор

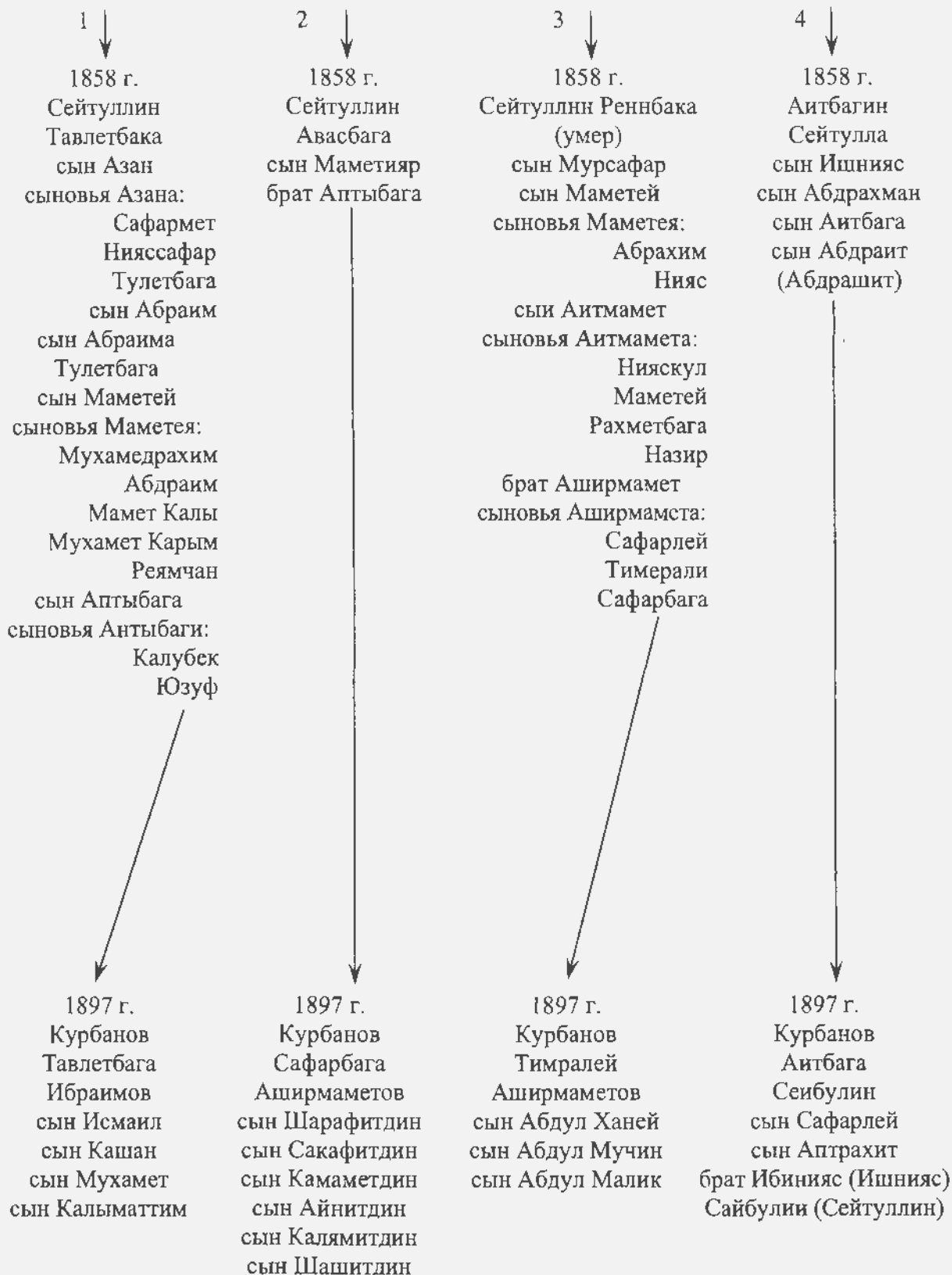
←
1834 г.
Понов Михайло
сын Уразай
сын Курман

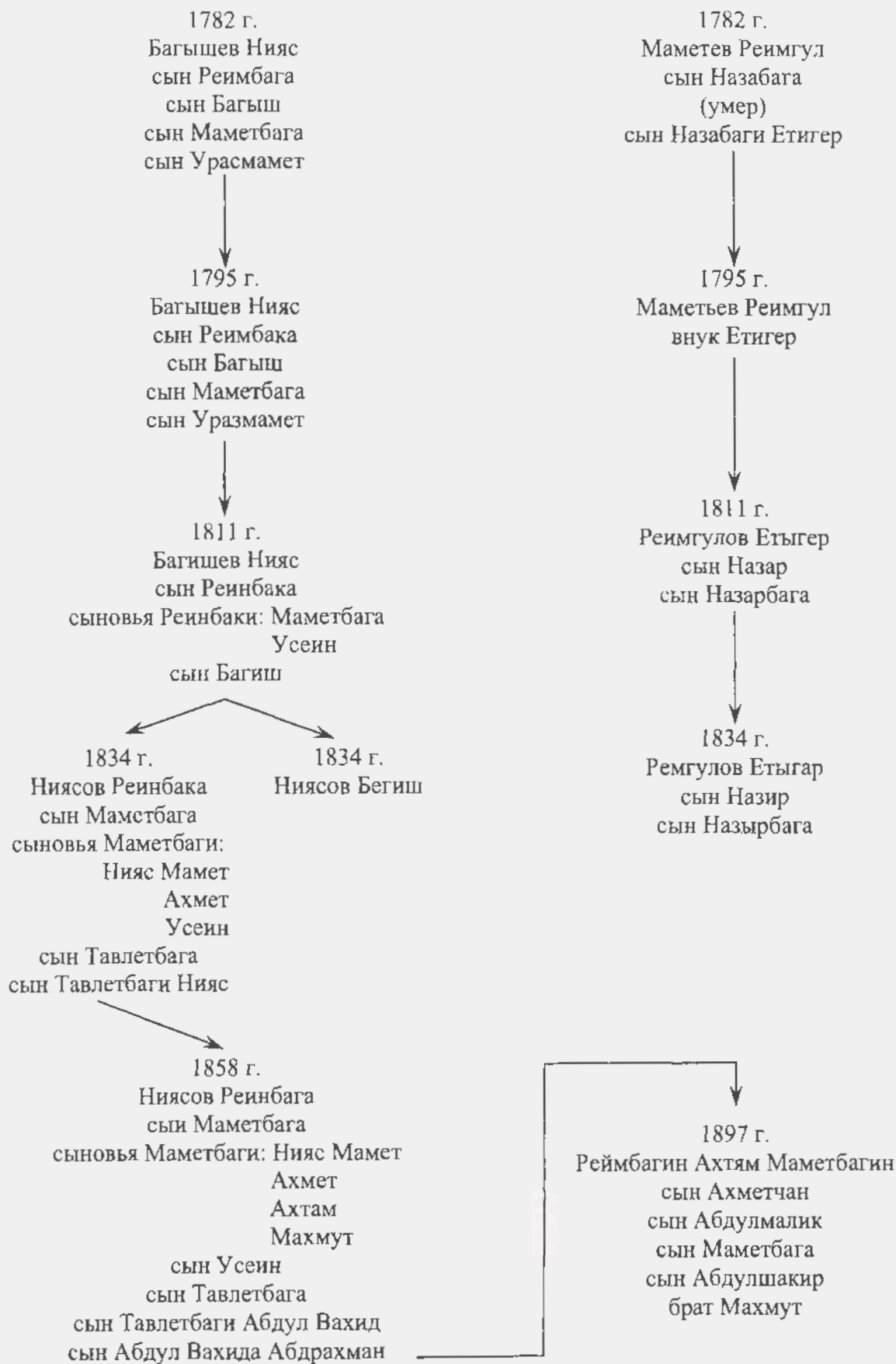
↓
1858 г.
Попов Уразай
сын Курман

→
1834 г.
Курманов Янтемир (Иван)
сын Уразиев Таштемир

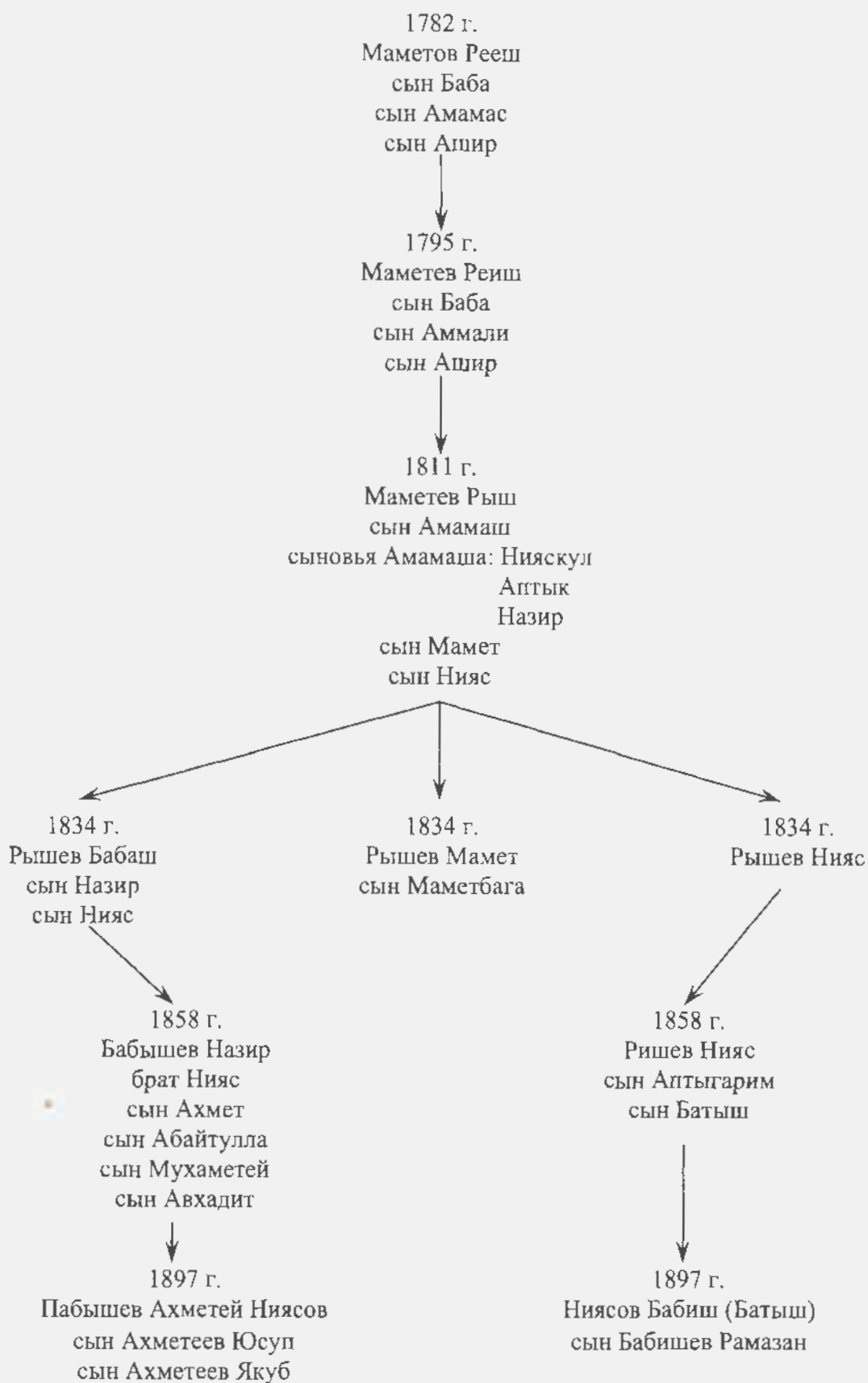
↓
1858 г.
Умершего новокрещеного Михаила Попова
сын Антемир Курманов

1795 г.
Иткучуков Нияс
сын Барат
жена сына, бухарская дочь
(Переехавшие из д. Туралинской)

1811 г.
Иткучуков Нияс
сын Барат
сын Речап

1834 г.
Баратов Речап
сын Барат
сын Ахмет

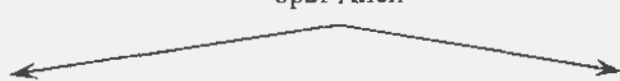

1858 г.
Речапов Барат
брат Ахмет

1795 г.
Сеиткулов Мамет
сын Сеиткул

1811 г.
Сеиткулов Мамет
сын Сеиткул
сын Сеиткула Маметахтин
брат Алсй

1834 г.
Алсв Шарип Мамет
сын Али
сын Умер
сын Усман
сын Абубакир

1834 г.
Сеиткулов Мамет

1858 г.
Алысв Мухаметшарып (Шарип Мухамет)
сын Али
сын Умер
сын Усман
сын Абубакир

1811 г.
Ниясов Речап
сын Нияс
сын Назир

1834 г.
Ниясов Речап
брат Назир
сын Назира Сабар Нияс
брат Башир

1858 г.
Речапов Назир Ниясов
сын Нияс Сабир
сын Аптрахим
сын Абдурафин
брат Башир

1834 г.
Буранчаев Тохтамет
сын Маметей
сын Мурза

1858 г.
Баранчасов Тохтамет
сын Маметей
сыновья Маметея: Шарбалла
Айдар
Тохтамет
сын Мурза

1834 г.
Авасов Речан
сын Сафармет

1858 г.
Авасов Сафармет
сын Речан
сын Маметей

Примечания

Приложение 1. Сведения о татарских поселениях Тарского Прииртышья в Дозорной книге Тарского уезда 1701 года.

Опубликован фрагмент Дозорной книги Тарского уезда 1701 г.¹ (РГАДА. Ф. 214. Кн. № 1182. Л. 348–391) в оригинальном виде. Кроме того, текст воспроизведен и гражданским шрифтом с конъектурными поправками.

I. В соответствии с правилами издания исторических документов

- 1) не употребляемые теперь буквы заменены современными: S (зело) – з, j, i («и» десятиричное) – и, ѿ (от) – о, Ф (фита) – ф, Ъ (ять) – е, ̣ (кси) – кс, Ц (пси) – пс;
- 2) конечный Ъ (ер) опущен;
- 3) раскрыты титлы;
- 4) выносные надстрочные буквы внесены в строку;
- 5) употребление прописных и строчных букв, слитных, отдельных, дефисных написаний и знаков препинания соответствует современным орфографическим и пунктуационным нормам;
- 6) в основном сохранены особенности стиля и варианты написания слов, типичные для языка XVII в.

II. 1) Все даты приведены в современном летоисчислении.

2) В случае двойного названия наследного пункта вместо «та ж» употребляется «она же». Например, в источнике – «Деревня Индских юрт Абайтомак Сейткулова та ж», в тексте – «Деревня Индских юрт (она же Абайтомак Сейткулова).

3) Словосочетание, описывающее земельные владения населения, – столько-то «десятин, а в двух потому ж»* заменено на «в двух по столько же»; слово «бухаретдин» – на бухарец.

4) Объяснения некоторых непонятных или имеющих иное, чем в современном языке, значение слов и выражений даются в подстрочных примечаниях и словарице.

III. [] – слова и словосочетания, отсутствующие в оригинале, но необходимые для лучшего восприятия текста.

(?) – после слов, смысл которых не ясен, или после топонимов, в правильности прочтения которых автор не уверен.

... – пропуск неразборчиво написанного слова.

* – значение слова или словосочетания дается в словаре.

Словарь

Алапа – зап.-сиб. алап, вост.-сиб. займище, пойма; южн. плавни, обширные поймы с камышами, зыбуном, кочкарником и пр. [*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1955. – Т. 1. – С. 10].

Алтын – единица денежного счета (6 денг, позднее 3 коп.), а также мелкая серебряная монета такого достоинства (печаталась в первой трети XVIII в.) [Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 1. – Л., 1984. – С. 51].

Буерак – небольшой овраг.

Выезжий – выехавший, переселившийся откуда-либо (обычно об иностранце) [Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 4. – Л., 1988. – С. 217].

Выпись – копия текста из официальных книг, документов, имеющая силу подлинника [Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 4. – Л., 1988. – С. 256].

Вышеписанный – вышеуказанный.

¹ О дозорной книге см. с. 29.

- Городовая сторона* – левый берег Иртыша, на котором расположен г. Тара.
- Данная* – здесь: грамота на владение землей.
- Деньга* – монета достоинством в полкопейки [Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 4. – Л., 1988. – С. 97].
- Доезд* – то же, что досзная память – «донесение о езде разсылщика к кому для объявления о чем» [Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 6. – Л., 1991. – С. 176].
- Дуброва* – лиственный лес.
- Захребетный* (захребетник) – феодально-зависимый человек, не имевший своего хозяйства, живший и работавший во дворах крестьян или посадских людей.
- Крепость* – документ, подтверждающий право владения какой-либо собственностью [Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 11. – СПб., 2000. – С. 6].
- Непахенные* (*непахотные*) – непригодные для распашки или нераспаханные [Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 14. – СПб., 2004. – С. 254].
- Переволока* – полоса материка между двух речек, через которую перетаскивают лодки либо перевозят товар... для перегрузки [Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1955. – Т. 3. С. 40].
- Перелог* – в трехпольном хозяйстве это земля под паром [Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1955. – Т. 3. – С. 63].
- Рейтар* – конный казак.
- Свияженин* – человек, ранее живший на р. Свияге (правый приток Волги).
- Суган* – вид рыболовной ловушки, сплетенной из прутьев (у русских – морда) [Подробно см.: Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). – Омск, 2006. – С. 67–68].
- Съезжая изба* (синоним: приказная изба) – орган местного управления общей компетенции (1586–1711 гг.). Учреждались в Сибири по решениям высших и центральных органов власти в связи с посылкой на новые территории московских воевод. Приказные избы ведали всеми органами на территории уезда – таможенными избами, кружечными дворами, казачьими, стрелецкими и татарскими головами, судными избами, органами крестьянского и посадского самоуправления, ясачными сборщиками, местной родоплеменной знатью [Власть в Сибири: XVI – начало XX вв. – Новосибирск, 2005. – С. 312–314].
- Толмач* – переводчик.
- Увал* – удлиненная возвышенность с плоской вершиной и пологими склонами. Относительная высота до 200 м.
- Яр* – высокий крутой берег.

«В дву потому ж»

Обращаем внимание на типичную для XVII в. терминологию источника в области разнообразных сельхозугодий. С одной стороны, она говорит о трехпольном севообороте: «пашни паханой и сенных покосов в поле» столько-то «четей» (1 четь = 0,5 десятины), «а в дву по тому ж». Как известно, основу трехполья составляли два действующих поля (озимое и яровое) и поле отдыхающее, где почва прела, т. е. парилась и, подвергаясь обработке пахотными орудиями, умягчалась (поскольку после зерновых культур земля «твердела»), освобождаясь от «дикой травы». Период пара использовался и для внесения удобрений (скотский навоз). В условиях последовательной смены функций каждого из трех полей размеры их должны были быть примерно равными.

Но, с другой стороны, постоянные упоминания о «пустошах», «перелог», «пашне, лесом поросшей», «лесе пашенном и непашенном», которые тоже сопровождалась мультипликатором «в дву по тому ж» (?!), являются, по меткому выражению академика Л. В. Милова,

«писцовыми шарадами». За таким странным симбиозом прогрессивного трехполья и архаичной подсечно-огневой системы, по мнению В. П. Пушкина, кроется не только инерция древнерусской терминологии в переносе ее на новую форму хозяйствования, но и реальное бытование старинных приемов, когда путем расчистки «черного» леса («рощистей», «чертежей» и «гарей») крестьяне получали участки плодородной, удобренной золой земли, гарантировавшей высокие урожаи в течение нескольких лет. Она обрабатывалась «наездом», т. е. на удалении от поселения (в нескольких верстах), а уже истощенная земля на долгое время выводилась из севооборота, становясь «перелогом», «лесной порослью», «пашней, лесом поросшей», «пустошью».

«Пашенным» же лесом, видимо, считался резерв для такой системы, и поэтому он измерялся десятинами. Непашенный измерялся верстами, т. е. мерами длины, и предназначался для заготовки дров, строительного леса, охоты, сбора грибов и ягод, а также бортничества [По: *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса // <http://vadim-blin.narod.ru/milov/1-01och.htm>; *Пушков В. П.* Документы патриаршего казенного приказа как источник по истории Гуслицы XVII века // <http://ipogost.org.ru/index.php/content/view/83/69/>].

Приложение 3. Генеалогические схемы тюркского населения Тарского Прииртышья (по данным переписей населения конца XVIII–XX века и современных родословных).

Большая часть схем представляет собой реконструкцию по материалам 4–10-й ревизий населения, Первой всероссийской переписи населения 1897 г. (ГУТО ГАТ. Ф 154. Оп. 8. Д. 31, 138, 139, 141, 306, 454, 457, 461, 638, 645, 646, 653, 877, 885, 886, 891; Ф. 417. Оп. 2. Д. 2157, 2169, 2176, 2179, 2279). Некоторые схемы дополнены современным генеалогическим материалом, собранным в этнографических экспедициях, проводившихся Омским филиалом ОИИФФ СО РАН (сейчас – ОФ ИАЭТ) и ОмГУ (материалы хранятся в архиве МАЭ ОмГУ. Ф. 1). В этом случае указываются год сбора, информатор. Для стыков с реконструированными генеалогическими схемами ниже фамилии, имени и отчества информатора приводятся имена и отчества умерших родственников. В ряде есть сведения о переехавших из других деревень или в другие деревни, и о «преставленных к ясаку». В разделе «инородцы» (д. Сеитово) включена дополнительная информация о новокрещенных татарах. Написания имен в основном соответствуют источнику.

Генеалогические схемы расположены по населенным пунктам, а в каждой деревне – по хронологическому порядку.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретические, методические и источниковедческие проблемы исследования	
Генеалогия и этническая история.....	17
Источники и методы исследования.....	23
Глава 2. Расселение татар Тарского Прииртышья	37
Формирование системы поселений татар в XVIII – первой половине XIX века	38
Изменения в системе расселения татар во второй половине XIX–XX веке	51
Глава 3. Этнический и нофамильный состав тюркского населения Тарского Прииртышья	62
Вместо заключения.	
<i>Сибирские татары</i> или <i>татары Сибири</i> ? К проблеме этнической и региональной идентичности	92
Список сокращений	94
Приложения	
1. Сведения о татарских поселениях Тарского Прииртышья в Дозорной книге Тарского уезда 1701 года	97
2. Расселение татар Тарского Прииртышья в XVIII – начале XX века	141
3. Генеалогические схемы тюркского населения Тарского Прииртышья (по данным переписей населения конца XVIII–XX века и современных родословных)	143
Примечания	212

S. N. Koroussenko

**ETHNOSOCIAL HISTORY AND INTERETHNICAL CONNECTIONS
OF TURKIC POPULATION OF TARA IRTYSH REGION
IN XVIII–XX CENTURIES**

The book is devoted to the study of ethnosocial history of one of ethnoterritorial groups of the Tobol Irtysh Tatars – the Tara Tatars. The author researches the peculiarities, factors and mechanisms of forming the Tara Tatar ethnos making use of archive sources and field trip data (genealogies). The book includes the study of ethnic and surname composition of the population within the three centuries period. The author has compared genealogies with census data of the last quarter of XVIII–XIX centuries and compiled some genealogical schemes.

CONTENTS

Introduction	3
Chapter 1. Theoretical, methodical and source study problems of the research	
Genealogy and Ethnical History.....	17
Sources and Methods of Study.....	23
Chapter 2. Tara Irtysh Tatars' settlement	37
Forming of the Tatars' Settlement System on the turn of XVIII–XIX centuries	38
Changes in the Tatars' Settlement System on the turn of XIX–XX centuries	51
Chapter 3. Ethnic and surname composition of turkic population of the Tara Irtysh region	62
Instead the conclusion.	
<i>Siberian Tatars</i> or the <i>Tatars of Siberia</i> ? To the problem of ethnical and regional identity.....	92
Abbreviations and contractions list	94
Appendixes:	
1. Data on Tatar Settlements in Tara Irtysh region in Dozornaya Kniga of Tara Uyezd 1701	97
2. Tara Irtysh tatars' Settlement in XVIII – the beginning of XX centuries	141
3. Genealogical schemes of Turkic population of Tara Irtysh Region (based in census data of XVIII–XX centuries and modern genealogies).....	143
Notes	212

Научное издание

Корусенко Светлана Николаевна

**ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ
СВЯЗИ ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ
В XVIII–XX ВЕКАХ**

Редактор *Л. В. Новоселова*

Технический редактор *Д. В. Пискарев*

Подписано в печать 26.12.2006. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 27,25. Уч.-изд. л. 20,54.

Тираж 500 экз. Заказ П–297.

Издательство ООО «Издательский дом "Наука"».

Отпечатано в типографии ООО «Издательский дом "Наука"»,

Омск, ул. Герцена, 158, тел./факс (3812) 24-58-84